

Чувашский государственный институт
культуры и искусств

ЭКОНОМИКА И ПРАВО: **ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИЯ, МОНИТОРИНГ**

Бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Чувашской Республики «Чувашский государственный институт
культуры и искусств» Министерства культуры Чувашской Республики

**ЭКОНОМИКА И ПРАВО:
ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИЯ, МОНИТОРИНГ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2024

УДК 33+34
ББК 65+67
Э40

*Рекомендовано к публикации на основании приказа
Чувашского государственного института культуры и искусств
Минкультуры Чувашии № 01-01-03/199 от 13.11.2024 г.*

Коллектив авторов:

А. А. Киселев, Л. И. Солдатова, Ю. И. Шмидт, Г. В. Фадеева,
А. А. Бобошко, А. С. Харланов, В. Ю. Лапшин, О. Н. Бекетова,
Я. Д. Седов, А. Р. Багирова, Е. С. Лосева, И. А. Федорова, С. Г. Дашян,
Е. А. Федулова, Е. В. Бурцева, С. В. Медведева, А. Б. Иванюженко,
Л. Н. Щанкина, Е. А. Вороненко, Д. В. Пятицкая, Д. В. Судаков,
О. В. Судаков, О. И. Гордеева, Г. В. Сыч, Т. А. Лавина, Т. И. Грицкевич,
Н. В. Руссова, А. Н. Захарова, С. Л. Паевская, Н. Г. Миронова

Рецензенты:

Светлана Борисовна Вережак, канд. юрид. наук, доцент,
заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»;
Оксана Ивановна Радина, д-р экон. наук, профессор Филиала
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске;

Редакционная коллегия:

Эдуард Валентинович Фомин, главный редактор, канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Чувашский государственный институт культуры и искусств
Минкультуры Чувашии

Экономика и право : проблемы, стратегия, мониторинг :
Э40 монография / А. А. Киселев, Л. И. Солдатова, Ю. И. Шмидт [и др.];
гл. ред. Э. В. Фомин; Чувашский государственный институт
культуры и искусств. – Чебоксары: Среда, 2024. – 196 с.

ISBN 978-5-907830-98-1

В монографии представлены научно-исследовательские материалы известных и начинающих ученых, объединенные основной темой современного видения путей развития права и экономического развития. Монография может быть полезна для руководителей, экономистов, менеджеров, юристов и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

Материалы представлены в авторской редакции. Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы.

УДК 33+34
ББК 65+67

ISBN 978-5-907830-98-1
DOI 10.31483/a-10668

© Коллектив авторов, 2024
© БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств»
Минкультуры Чувашии», 2024
© Издательский дом «Среда», 2024

Авторский коллектив

Киселев Александр Александрович – канд. пед. наук, профессор, зав. кафедрой «Управление предприятием» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»; профессор кафедры «Менеджмент и гуманитарные науки», ФГОБУ ВО «Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ», Ярославль, Россия – *глава 1*.

Солдатова Любовь Ивановна – канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и информационных систем в экономике ФГБОУ ВО Костромская ГСХА, Кострома, Россия – *глава 2 (в соавторстве)*.

Шмидт Юлия Ивановна – канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и бухгалтерского учета ФГБОУ ВО Тверская ГСХА, Тверь, Россия – *глава 2 (в соавторстве)*.

Фадеева Галина Владимировна – канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и информационных систем в экономике ФГБОУ ВО Костромская ГСХА, Кострома, Россия – *глава 2 (в соавторстве)*.

Бобошко Андрей Александрович – канд. экон. наук, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет», Санкт-Петербург, Россия – *глава 3 (в соавторстве)*.

Харланов Алексей Сергеевич – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия – *глава 3 (в соавторстве)*.

Лапшин Вячеслав Юрьевич – д-р экон. наук, профессор кафедры управления, сервиса и туризма ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Тамбов, Россия – *глава 4*.

Бекетова Ольга Николаевна – д-р экон. наук, профессор кафедры туризма и сервиса Высшей школы управления ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия – *глава 5 (в соавторстве)*.

Седов Ярослав Дмитриевич – студент кафедры туризма и сервиса Высшей школы управления ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия – *глава 5 (в соавторстве)*.

Багирова Амина Рашидовна – студентка кафедры туризма и сервиса Высшей школы управления ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия – *глава 5 (в соавторстве)*.

Лосева Евгения Сергеевна – студентка кафедры туризма и сервиса Высшей школы управления ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия – *глава 5 (в соавторстве)*.

Федорова Ирина Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия – *глава 6 (в соавторстве)*.

Дашян Сильви Гариковна – студентка 3-го курса высшей школы экономики и бизнеса ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия – *глава 6 (в соавторстве)*.

Федулова Елена Анатольевна – д-р экон. наук, заведующая кафедрой экономической теории и государственного управления ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия – *глава 7*.

Бурцева Елена Васильевна – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия – *глава 8 (в соавторстве)*.

Медведева Светлана Валентиновна – канд. юрид. наук, доцент, доцент Юридического института ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия – *глава 8 (в соавторстве)*.

Иванюженко Андрей Борисович – канд. юрид. наук, доцент Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Санкт-Петербург, Россия – *глава 9*.

Щанкина Любовь Николаевна – д-р ист. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия – *глава 10 (в соавторстве)*.

Вороненко Екатерина Алексеевна – студентка 2 курса, направление подготовки «Юриспруденция», ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия – *глава 10 (в соавторстве)*.

Пятицкая Дарья Владимировна – студентка 2 курса, направление подготовки «Юриспруденция», ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия – *глава 10 (в соавторстве)*.

Судаков Дмитрий Валериевич – канд. мед. наук, доцент кафедры оперативной хирургии с топографической анатомией ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко»; доцент кафедры управления в здравоохранении ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко», Воронеж, Россия – *глава 11 (в соавторстве)*.

Судаков Олег Валериевич – д-р мед. наук, профессор кафедры управления в здравоохранении ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко», Воронеж, Россия – *глава 11 (в соавторстве)*.

Гордеева Ольга Игоревна – канд. техн. наук, доцент кафедры управления в здравоохранении ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко», Воронеж, Россия – *глава 11 (в соавторстве)*.

Сыч Галина Владимировна – канд. мед. наук, доцент кафедры управления в здравоохранении ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко», Воронеж, Россия – *глава 11 (в соавторстве)*.

Лавина Татьяна Ароновна – д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой компьютерных технологий ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», руководитель группы экспертов вузов по проведению оценки подтверждения статуса Федеральной инновационной площадки Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего образования Российской Федерации в 2021–2024 годах, Чебоксары, Россия – *глава 12 (в соавторстве)*.

Грицкевич Татьяна Игоревна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», эксперт рабочей группы оценки подтверждения статуса Федеральной инновационной площадки Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего образования Российской Федерации в 2019–2024 годах, Кемерово, Россия – *глава 12 (в соавторстве)*.

Руссова Наталья Валерьевна – канд. техн. наук, декан факультета энергетики и электротехники ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Россия – *глава 12 (в соавторстве)*.

Захарова Анна Николаевна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», эксперт рабочей группы оценки подтверждения статуса Федеральной инновационной площадки Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего образования Российской Федерации в 2019–2024 годах, Чебоксары, Россия – *глава 12 (в соавторстве)*.

Паевская Светлана Леонидовна – старший преподаватель кафедры конституционного права и процесса ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», Санкт-Петербург, Россия – *глава 13*.

Миронова Наталия Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент Института информатики, математики и робототехники ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия – *глава 14*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
FOREWORD.....	12
Глава 1. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ	16
<i>Библиографический список к главе 1</i>	<i>25</i>
Глава 2. АНАЛИЗ ТРУДА И ЕГО ОПЛАТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	26
<i>Библиографический список к главе 2</i>	<i>36</i>
Глава 3. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРОХОЖДЕНИЯ СВО РОССИИ НА УКРАИНЕ С УЧЕТОМ КИТАЙСКОГО ОПЫТА.....	38
<i>Библиографический список к главе 3</i>	<i>47</i>
Глава 4. МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИИ В ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ	49
<i>Библиографический список к главе 4</i>	<i>59</i>
Глава 5. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДА «ЗАТРАТЫ-ВЫПУСК» В ТУРИСТСКИХ РЕГИОНАХ..	60
<i>Библиографический список к главе 5</i>	<i>68</i>
Глава 6. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕДЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА	69
<i>Библиографический список к главе 6</i>	<i>78</i>
Глава 7. ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА.....	79
<i>Библиографический список к главе 7</i>	<i>88</i>

Глава 8. РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ	90
<i>Библиографический список к главе 8</i>	<i>104</i>
Глава 9. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ RATIO DECIDENDI В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЙ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПЕНСИОННОМ СТРАХОВАНИИ	106
<i>Библиографический список к главе 9</i>	<i>120</i>
Глава 10. ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ	125
<i>Библиографический список к главе 10</i>	<i>133</i>
Глава 11. О НЕКОТОРЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НМО: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ПРАКТИКУЮЩИХ ВРАЧЕЙ. 134	
<i>Библиографический список к главе 11</i>	<i>147</i>
Глава 12. ИННОВАЦИИ В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК РАБОТЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПЛОЩАДОК.....	148
<i>Библиографический список к главе 12</i>	<i>160</i>
Глава 13. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	162
<i>Библиографический список к главе 13</i>	<i>169</i>
Глава 14. ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФЕЙК-КОНТЕНТУ В ЦИФРОВЫХ МЕДИА	171
<i>Библиографический список к главе 14</i>	<i>194</i>

Предисловие

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии представляет монографию **«Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг»**.

В монографии представлены научно-исследовательские материалы известных и начинающих ученых, объединенные основной темой современного видения путей экономического развития. Монография может быть полезна для руководителей, экономистов, менеджеров, юристов и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

В первой главе монографии рассмотрен вопрос адаптации к новым условиям рыночной экономики, к научному переосмыслению и обоснованию включения в свой понятийный аппарат иностранных понятий и терминов, приданию актуальности современных научных положений отечественной теории управления организациями в их практической деятельности отечественной теории управления организациями. По мнению автора, необходимо убрать из употребления ряд иностранных терминов, которые не имеют научной целесообразности для их включения в понятийный аппарат отечественной теории управления и одновременно определить научную сущность и место в понятийном аппарате тех иностранных понятий, которые активно используются и исследователями, и практиками в своей профессиональной деятельности. И важным условием эффективности развития отечественной теории управления организациями в современных условиях является, во-первых, исключение «размывания» и «переписывания» исследователями содержания базового понятия «управление» под каждую конкретную ситуацию, а во-вторых, необходимость научного обоснования сущности и содержания понятия «менеджмент», введенного в понятийный аппарат отечественной теории управления организациями, а также его места в понятийном аппарате по отношению к понятию «управление».

Вторая глава посвящена вопросу максимально грамотного построения системы оплаты труда в компании. Система должна быть максимально понятной для каждого сотрудника, потому как именно посредством ее он видит зависимость между производительностью, а также качеством труда и размером заработной платы. В зависимости от того, какой будет заработная плата, зависит уровень жизни граждан, а это крайне важный фактор в развитии государства в целом. При снижении заработной платы понижаются расходы во всех сферах, а также это приводит к росту безработицы.

В следующей работе рассматривается модель российской экономики при её переходе к мобилизационному режиму. Раскрыт потенциал нанокластеров Китая как мирового лидера ИКТ и идущего американско-китайского дикаплинга в развитии Индустрии 4.0. и росте ключевых компетенций в вопросах цифровизации и эффективности национальной экономики.

В четвертой главе акцентируется внимание на востребованности в современных условиях маркетингового инструментария в управлении развитием проблемных территориально-административных образований

России. Несмотря на увеличение количества исследований отдельных аспектов маркетинга территорий (имиджа, дестинаций), наблюдается отсутствие комплексного подхода к решению проблемы оптимизации структуры экономики и обеспечения устойчивого развития именно малых городов России. Обосновывается необходимость рассматривать не отдельные направления территориального маркетинга, применительно к малым городам, а выработать единый подход к разрешению проблем отставания в развитии на основе исследования типичных представителей в данной категории. В современных условиях, определение «уникальных» рыночных позиций, на основе внедрения в управление проблемным муниципалитетом маркетинговых технологий, с последующей их «бизнес-конвертацией», наиболее оптимальное их позиционирование.

В следующей главе монографии авторами обобщена информация о методологических аспектах применения метода «затраты-выпуск» для анализа социально-экономических эффектов от развития туризма в регионах. Пока основной практической проблемой остаётся поиск методов оптимизации оценки вклада туристской отрасли в экономику региона, выявление взаимосвязей между различными секторами экономики в условиях туристского спроса. В качестве методов исследования использовались системный анализ и обобщение информации. Результаты исследования позволяют заключить, что интеграция метода «затраты-выпуск» с эконометрическими моделями и сравнительным анализом позволяет более детально оценить мультипликативный эффект туристской деятельности на экономику региона, включая увеличение производства, занятости и налоговых поступлений.

В рамках проведенного исследования в шестой главе рассматриваются возможности продолжения деятельности при банкротстве через процедуры финансового оздоровления и внешнего управления. Акцентируется внимание на применении таких механизмов, как перевод обязательств, привлечение инвесторов, реструктуризация долгов и продажа бизнеса.

В седьмой главе анализирует связь между инвестициями и экономическим ростом, установлена зависимость объемов инвестиций региона от прибыльности работы корпораций, которая в свою очередь зависит от конъюнктуры мировых цен на уголь. Инвестиции региона исследованы на основе показателя нормы инвестиций, который за 2015–2022 годы представлен в виде ломаной и находится в диапазоне 17–26%. Динамичность инвестиционного процесса в регионе подтверждена обзором крупных инвестиционных проектов, реализуемых на территории Кемеровской области: фанерный комбинат на территории ТОР Анжеро-Судженск, четырехзвездочный гостиничный комплекс Cosmos Шерегеш, центр технической поддержки «БЕЛАЗ», цех по производству грибов ООО «Кузбасский бройлер».

В материалах следующей главы монографии выполнен комплексный анализ сложившихся в российской науке подходов к понятию и сущности прав человека, рассмотрены основные тенденции формирования представлений о правах человека в истории политико-правовых учений, определено их влияние на правовую систему современной России. По итогам исследования обоснованы выводы о концепции прав человека, что представляется особенно актуальным в современном мире, стремящемся к многополярности.

Автором девятой главы рассматривается теория *ratio decidendi* как методика толкования закона и принятия решений в странах общего права, заимствованная Конституционным судом РФ для разработки им правовых позиций, излагаемых в принимаемых Решениях. В ходе исследования были выявлены особенности этой теории. Автор, рассматривая многочисленные решения КС РФ и в том числе – в области пенсионной защиты населения, делает вывод, что данная теория не может применяться в российской правовой системе в том значении, в котором она понимается в странах общего права. Цитаты из трудов иностранных специалистов выполнены в авторском переводе.

Продолжает монографию глава, в которой освещается исторический анализ становления и развития российского законодательства, регулирующего сферу оказания медицинских услуг. Представлены основные нормативные правовые акты, регулирующие сферу здравоохранения на всем протяжении его истории, начиная со времен Киевской Руси по настоящее время. В ходе исследования выделены три ключевых периода развития законодательства в сфере медицины: дореволюционный, советский и постсоветский. Анализ источников и современных публикаций показал, что данная проблема волновала правителей российского государства с давних времен и не потеряла актуальность и в наше время. Долгое время медицинская деятельность существовала изолированно от права. Со временем общество и в целом государство стали понимать всю серьезность неблагоприятных последствий медицинской деятельности. В заключении авторы приходят к выводу о том, что с развитием права в условиях современного мира есть все основания для того, чтобы признать существование медицинского права и создать единый свод законов, который будет регулировать отношения между медицинскими организациями, их сотрудниками и пациентами.

В одиннадцатой главе рассмотрены некоторые экономические (финансовые) аспекты, касающиеся непрерывного медицинского образования (НМО). Данная тематика в настоящее время является весьма актуальной ввиду того, что в настоящее время в нашей стране происходит ряд последовательных изменений в системе здравоохранения, направленных на оптимизацию и модернизацию вышеуказанной системы. Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на некоторые аспекты НМО и определить векторы изучения данной тематики, а также позволяет обратить внимание медицинского сообщества на ряд финансовых аспектов продления сертификатов. Все вышеуказанное может в дальнейшем положительно сказаться на системе НМО.

В следующей главе освещаются инновационные модели формирования подготовки инженерных кадров в системе высшего образования Российской Федерации, выявленные на основе анализа материалов федеральных инновационных площадок. Работа выполнена в рамках Договора НИР на «Выявление лучших практик по результатам экспертной оценки заявок и отчетов федеральных инновационных площадок» с ООО «Финансово-Экспертные Системы» г. Москва, оператора организации процедуры оценивания деятельности субъектов ФИП в рамках исполнения Государственного контракта от 25 апреля 2022 года №05.2022.244.02.003.021 на выполнение работ (оказание услуг) по проекту «Информационно-аналитическая и технологическая поддержка формирования и

функционирования сети федеральных инновационных площадок в передовой образовательной экосистеме Российской Федерации». Авторами рассматриваются проекты федеральных инновационных площадок учреждений высшего образования, реализуемые по направлению «инженерное образование», а также по другим междисциплинарным направлениям, связанным с подготовкой инженерных кадров в современных условиях.

Предметом исследования тринадцатой главы являются различные вопросы, возникающие в процессе реализации конституционного права на жилище. Приводятся основные принципы, закрепленные законодателем в жилищной сфере. Освещаются основные аспекты механизма реализации конституционного права на жилье. Перечисляется перечень оснований приобретения прав, и возникновение обязанностей у субъектов жилищного права. Определяется статус граждан, нуждающихся в жилье. Разбираются способы управления многоквартирным домом, и их отличия. Затрагивается финансовый вопрос, регулирующий различные способы получения жилья. Ответственность участников жилищных прав в различных отраслях права. Анализируется деятельность государства в данной сфере, а именно процесс защиты данного права на различных уровнях.

Цель исследования четырнадцатой главы заключается в анализе признаков фейковости медийного контента и совершенствовании методов противодействия дезинформации в медиaprостранстве. Результаты: исследованы цели и мотивы создателей и распространителей фейков, признаки и технологии фальсификации цифрового контента, выполнен анализ подходов к борьбе с фейками и фальсификацией информации в сетевых медиа, оценка эффективности различных технологий выявления фейк-контента и противодействия его влиянию. Изложена концепция комплексной системы противодействия фейкам в цифровом пространстве. Один из выводов исследования заключается в том, что противодействие влиянию фейк-контента сетевых медиа не сводится лишь к техническим и регуляторным решениям, поскольку механизмы этого влияния социально-психологические; когнитивные науки способны дать методологию эффективного противостояния обману и манипуляции. Исследование адресовано специалистам по медиабезопасности.

Таким образом, в монографии рассматривается достаточно широкий перечень вопросов, объединенных основной темой современного видения путей развития экономики и права.

Материалы исследований, представленных в монографии, могут быть полезны для руководителей, экономистов, менеджеров, юристов и других работников предприятий и организаций, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, публикацию в монографии **«Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Foreword

Economics and law are closely interrelated. The need to analyze current trends in the field of economic and legal research is due to the fundamental nature of the processes taking place in modern economic life, both in Russia and around the world. This issue of the monograph **“Economics and Law: problems, strategy, monitoring”** is devoted to the study of academic journals' research chops. socio-economic aspects in the system of subsurface management, in the field of consulting and pharmaceutical markets of the Russian Federation, as well as studying legal aspects in International anti-money laundering system in the field of Russian higher judicial bodies' legal reasoning formation, universal human rights etc.

The monograph presents research materials of well-known and emerging scientists, united by the main theme of the modern vision of the ways of development of economics and law.

The first chapter of the monograph examines the issue of adaptation to the new conditions of the market economy, to the scientific reinterpretation and justification of the inclusion of foreign concepts and terms in its conceptual apparatus, making the modern scientific provisions of the national theory of management of organizations relevant in their practical activities of the national theory of management of organizations. According to the author, it is necessary to remove from use a number of foreign terms that do not have scientific expediency for their inclusion in the conceptual framework of the national management theory and at the same time determine the scientific essence and place in the conceptual framework of those foreign concepts that are actively used by researchers and practitioners in their professional activities. And an important condition for the effective development of the national theory of organization management in modern conditions is, firstly, the exclusion of "blurring" and "rewriting" by researchers of the content of the basic concept of "management" for each specific situation, and secondly, the need for scientific substantiation of the essence and content of the concept of "management" introduced into the conceptual framework. the Russian theory of management of organizations, as well as its place in the conceptual framework in relation to the concept of "management".

The second chapter is devoted to the issue of the most competent construction of the remuneration system in the company. The system should be as clear as possible for each employee, as it is through it that he sees the relationship between productivity, as well as the quality of work and the amount of wages. The standard of living of citizens depends on the salary, and this is an extremely important factor in the development of the state as a whole. With lower wages, costs in all areas decrease, and this also leads to an increase in unemployment.

The following paper examines the model of the Russian economy during its transition to a mobilization regime. The potential of China's nanoclusters as a global ICT leader and leading US-Chinese decoupling in the development of Industry 4.0 and the growth of key competencies in digitalization and the efficiency of the national economy is revealed.

The fourth chapter focuses on the relevance in modern conditions of a marketing tool in managing the development of problematic territorial administrative entities in Russia. Despite the increase in the number of studies on certain aspects of marketing territories (image, destinations), there is a lack of an

integrated approach to solving the problem of optimizing the structure of the economy and ensuring sustainable development of small towns in Russia. The author substantiates the need to consider not individual areas of territorial marketing, in relation to small towns, but to develop a unified approach to solving the problems of underdevelopment based on a study of typical representatives in this category. In modern conditions, the definition of "unique" market positions is based on the introduction of marketing technologies into the management of a problematic municipality, followed by their "business conversion", and their most optimal positioning.

In the next chapter of the monograph, the authors summarize information on the methodological aspects of applying the input-output method to analyze the socio-economic effects of tourism development in the regions. So far, the main practical problem remains the search for methods to optimize the assessment of the contribution of the tourism industry to the economy of the region, identifying the relationships between different sectors of the economy in the context of tourist demand. System analysis and generalization of information were used as research methods. The results of the study allow us to conclude that the integration of the input-output method with econometric models and comparative analysis allows for a more detailed assessment of the multiplier effect of tourism activities on the region's economy, including increased production, employment and tax revenues.

Within the framework of the conducted research, the sixth chapter examines the possibilities of continuing operations in bankruptcy through financial rehabilitation and external management procedures. Attention is focused on the use of such mechanisms as the transfer of obligations, attracting investors, debt restructuring and the sale of businesses.

The seventh chapter analyzes the relationship between investment and economic growth, and establishes the dependence of the region's investment volumes on the profitability of corporations, which in turn depends on global coal prices. The region's investments were studied on the basis of the investment rate indicator, which for 2015-2022 is presented as a polyline and ranges from 17-26%. The dynamism of the investment process in the region is confirmed by a review of major investment projects being implemented in the territory of the Kemerovo Region: the plywood mill in the territory of Anzhero-Sudzhensk, the four-star Cosmos Sheregesh hotel complex, the BELAZ technical support center, the Kuzbass Broiler mushroom production plant.

In the materials of the next chapter of the monograph, a comprehensive analysis of the approaches to the concept and essence of human rights that have developed in Russian science is carried out, the main trends in the formation of ideas about human rights in the history of political and legal doctrines are considered, and their influence on the legal system of modern Russia is determined. Based on the results of the study, the conclusions about the concept of human rights are substantiated, which seems to be especially relevant in the modern world striving for multipolarity.

The author of the ninth chapter examines the theory of ratio decidendi as a methodology for interpreting the law and making decisions in common law countries, borrowed by the Constitutional Court of the Russian Federation to develop legal positions set forth in its Decisions. The study revealed the features of this theory. The author, considering numerous decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, including in the field of pension protection of

the population, concludes that this theory cannot be applied in the Russian legal system in the sense in which it is understood in common law countries. Quotations from the works of foreign experts are made in the author's translation.

The monograph continues with a chapter that highlights the historical analysis of the formation and development of Russian legislation regulating the provision of medical services. The main regulatory legal acts regulating the healthcare sector throughout its history, from the time of Kievan Rus to the present, are presented. The study identifies three key periods of development of legislation in the field of medicine: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet. An analysis of sources and modern publications has shown that this problem has worried the rulers of the Russian state since ancient times and has not lost its relevance in our time. For a long time, medical activity existed in isolation from law. Over time, society and the state as a whole began to understand the seriousness of the adverse effects of medical activity. In conclusion, the authors conclude that with the development of law in the modern world, there is every reason to recognize the existence of medical law and create a unified set of laws that will regulate relations between medical organizations, their employees and patients.

The eleventh chapter discusses some economic (financial) aspects related to continuing medical education (CME). This topic is currently very relevant due to the fact that a number of consistent changes are currently taking place in our country in the healthcare system aimed at optimizing and modernizing the above-mentioned system. The data obtained allows us to take a fresh look at some aspects of NMO and determine the vectors of study of this topic, and also allows us to draw the attention of the medical community to a number of financial aspects of certificate renewal. All of the above can have a positive effect on the NMO system in the future.

The next chapter highlights innovative models for the formation of engineering personnel training in the higher education system of the Russian Federation, identified based on the analysis of materials from federal innovation plans. The work was carried out within the framework of the Research Contract for "Identification of best practices based on the results of expert evaluation of applications and reports of federal innovation platforms" with LLC "Financial Expert Systems". Moscow, the operator of the organization of the procedure for evaluating the activities of FIP entities within the framework of the execution of the State Contract dated April 25, 2022 No.05.2022.244.02.003.021 for the performance of works (provision of services) under the project "Information, analytical and technological support for the formation and functioning of a network of federal innovation platforms in the advanced educational ecosystem of the Russian Federation". The authors consider projects of federal innovation platforms of institutions of higher education, implemented in the field of engineering education, as well as in other interdisciplinary areas related to the training of engineering personnel in modern conditions.

The subject of the study of the thirteenth chapter is various issues arising in the process of realization of the constitutional right to housing. The main principles fixed by the legislator in the housing sector are given. The main aspects of the mechanism of realization of the constitutional right to housing are highlighted. The list of grounds for the acquisition of rights and the emergence of obligations for subjects of housing law is listed. The status of citizens in need of housing is determined. The methods of managing an apartment building and

their differences are analyzed. The financial issue that regulates various ways of obtaining housing is touched upon. The responsibility of participants in housing rights in various branches of law. The article analyzes the activities of the state in this area, namely, the process of protecting this right at various levels.

The purpose of the study of the fourteenth chapter is to analyze the signs of fake media content and improve methods of countering disinformation in the media space. Results: the goals and motives of fake creators and distributors, signs and technologies of digital content falsification are investigated, approaches to combating fakes and falsification of information in online media are analyzed, and the effectiveness of various technologies for detecting fake content and countering its influence is evaluated. The concept of a comprehensive system for countering fakes in the digital space is outlined. One of the conclusions of the study is that countering the influence of fake online media content is not limited to technical and regulatory solutions, since the mechanisms of this influence are socio-psychological; cognitive sciences can provide a methodology for effectively countering deception and manipulation. The research is addressed to media security specialists.

Thus, the monograph considers a fairly wide list of issues united by the main theme of the modern view of the ways of economic and law development.

The research materials presented in the monograph can be useful for managers, economists, managers, lawyers and other employees of enterprises and organizations, representatives of state and local government bodies, teachers, postgraduates, under-graduates and students of higher educational institutions.

The Editorial Board expresses its deep gratitude to our esteemed authors for their active life position, desire to share unique developments and projects, and publication in the monograph, the content of which cannot be drawn. We look forward to your publications and hope for further cooperation.

The editorial board expresses their sincere gratitude to our credible authors for their proactive attitude, desire to share unique developments and projects, appearance in the monograph “**Economics and Law: problems, strategy, monitoring**” the contents of which cannot be depleted. We are looking forward for your publications and hoping for further cooperation.

ГЛАВА 1

DOI 10.31483/r-115507

Киселев Александр Александрович

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация: *в настоящее время отечественная теория управления организациями переживает нелегкий период адаптации к новым условиям рыночной экономики, к научному переосмыслению и обоснованию включения в свой понятийный аппарат иностранных понятий и терминов, приданию актуальности современных научных положений отечественной теории управления организациями в их практической деятельности. Необходимо отметить, что сегодня важно убрать из употребления ряд иностранных терминов, которые не имеют научной целесообразности для их включения в понятийный аппарат отечественной теории управления и одновременно определить научную сущность и место в понятийном аппарате тех иностранных понятий, которые активно используются и исследователями, и практиками в своей профессиональной деятельности. И важным условием эффективности развития отечественной теории управления организациями в современных условиях является, во-первых, исключение «размывания» и «переписывания» исследователями содержания базового понятия «управление» под каждую конкретную ситуацию, а во-вторых, необходимость научного обоснования сущности и содержания понятия «менеджмент», введенного в понятийный аппарат отечественной теории управления организациями, а также его места в понятийном аппарате по отношению к понятию «управление».*

Ключевые слова: *отечественная теория управления организациями, условия рыночной экономики, иностранные понятия в отечественной теории управления, управление, менеджмент, соотношение понятий «управление» и «менеджмент».*

Abstract: *at present, the domestic theory of organizational management is going through a difficult period of adaptation to the new conditions of the market economy, to the scientific rethinking and justification of the inclusion of foreign concepts and terms in its conceptual apparatus, giving relevance to modern scientific provisions of the domestic theory of organizational management in their practical activities. It should be noted that today it is important to remove from use a number of foreign terms that have no scientific feasibility for their inclusion in the conceptual apparatus of the domestic theory of management and at the same time to determine the scientific essence and place in the conceptual apparatus of those foreign concepts that are actively used by both researchers and practitioners in their professional activities. And an important condition for the effectiveness of the development of the domestic theory of organizational management in modern conditions is, firstly, the exclusion of «blurring» and «rewriting» by researchers the content of the basic concept of*

«management» for each specific situation, and secondly, the need for scientific justification of the essence and content of the concept of «management» introduced into the conceptual apparatus of the domestic theory of organizational management, as well as its place in the conceptual apparatus in relation to the concept of «management».

Keywords: *domestic theory of management of organizations, conditions of market economy, foreign concepts in domestic theory of management, management, control, relationship between the concepts of «control» and «management».*

В настоящее время отечественная теория управления организациями переживает непростой этап своего развития. Это связано с тем, что сегодня исследователями используется много иностранных понятий, которые трактуются неоднозначно и не обоснованы для применения в качестве научных понятий и терминов, что приводит к тому, что многие проблемы «прячутся» под красивыми иностранными терминами и понятиями. Так, например, сотрудников отечественных организаций стало принято называть персоналом. Вследствие этого студенты в вузах изучают учебные дисциплины «Управление персоналом», а в организациях отделы (управления) кадров стали переименовывать в отделы (управления) персонала. При этом наибольшую популярность в теории и практике управления организациями приобрело понятие «менеджмент». Но и его, как исследователи, так и практики рассматривают без необходимого научного обоснования и определения его места в понятийном аппарате отечественной теории управления организациями [8]. Вследствие этого, как отмечал еще в 2004 году отечественный специалист в области управления Б.Г. Литвак, «в многочисленной литературе по управлению нет единого понятийного аппарата» [10]. К сожалению, такая ситуация сохраняется в отечественной теории управления организациями и сегодня, что отражается на эффективности ее влияния на практику управления в динамично изменяющихся условиях экономической конкуренции. Но наибольшую проблему создает активное использование исследователями понятия менеджмент без достаточного для этого научного обоснования. При этом, например, отдельные российские исследователи даже в учебной литературе для студентов исторически сложившиеся школы управления начали автоматически переименовывать в школы менеджмента [9]. Другие исследователи, рассматривая школы менеджмента или школы в менеджменте, продолжают их называть школами управления [15; 18]. А чаще всего, как отмечают исследователи Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», «менеджмент и управление в специальной управленческой литературе рассматриваются практически с одних и тех же позиций», а «термины «менеджмент» и «управление» используются, как тождественные» [9].

Более подробное изучение определения сущности иностранного понятия «менеджмент» свидетельствует о противоречивой ситуации, связанной с использованием понятий «управление» и «менеджмент» от полного отрицания понятия управления, как научного понятия, до уравнивания этих понятий как синонимов. Так, например, В.В. Уваров использование иностранного понятия «менеджмент» отечественными исследователями объясняет тем, что управление не может претендовать на статус точной

науки потому, что оно иллюзорно и протекает в условиях значительной неопределенности. А вот «менеджмент – это управление частным предпринятием на основе использования научных достижений по оптимизации труда в условиях рынка [8]. И.Н. Шапкин также пишет, что «основы всякой науки – это возможности объективно измерить изучаемые явления. Но руководители-практики видели, что можно рационально спланировать работу для наиболее эффективного ее выполнения, но не всегда удается заставить работника точно и неуклонно выполнять все предписанное». Следовательно, И.Н. Шапкин видит предназначение менеджмента в том, чтобы «заставить работника точно и неуклонно выполнять все предписанное» [19, с. 15]. Таким образом, получается, что понятие «менеджмент» у него ассоциируется с сущностью понятия «руководство». Однако это противоречит, например, положениям исследователей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», которые руководство определяют в качестве функции менеджмента.

В то же время, например, О.Д. Волкогонова и А.Т. Зуб пишут, что «в самом общем смысле менеджмент (самый близкий эквивалент этого слова – «управление») означает правила или осуществление «хорошего» управления организацией» [4, с. 3]. Е.Л. Драчева отмечает, что в настоящее время понятия «менеджмент» и «управление» чаще всего используются, как понятия идентичные, взаимозаменяемые [5, с. 7]. По мнению А.В. Карпова, это связано тем, что «в настоящее время существует ряд частных подходов к раскрытию содержания управленческой деятельности. Каждый из них направлен преимущественно на описание какого-либо ее аспекта. Поэтому составить относительно полное представление о содержании этой деятельности можно лишь на основе синтеза частных способов ее описания» [7, с. 47–48]. Об этом говорит и О.С. Виханский, отмечает, что «менеджмент представляет собой многоплановое явление, охватывающее происходящие в организации процессы, связанные как с ее внутренней жизнью, так и с ее взаимодействием с окружающей средой, то его рассмотрение в зависимости от того, какие процессы ставятся во главу угла, может вестись с различных точек зрения» [3]. А, например, В.Д. Грибов пишет, что «менеджмент – это научная и практическая концепция экономического управления производством и эффективного управления экономикой в условиях цивилизованного предпринимательства, то есть менеджмент выступает в качестве типа управления, вариантов которого могут быть управление административное, корпоративное, мотивационное, культурологическое, технократическое и др. [5]. Кроме того, отечественные исследователи, чтобы обосновать важность и необходимость применения иностранного понятия «менеджмент» в отечественной теории управления организациями наделяют его всевозможными качествами, делают его содержание «всеобъемлющим». Так, например, А.И. Орлов, рассматривая сущность понятия «менеджмент», пишет, что менеджмент – это: функция, вид деятельности по руководству людьми в организациях, это умение добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей; область человеческих знаний, помогающих осуществлять функции руководства; определенная категория людей, осуществляющих работу по управлению; орган управления, например, совокупность подразделений аппарата управления, объединяющего менеджеров (другими словами, менеджментом

называют организационную структуру, предназначенную для управления той или иной организацией); учебная дисциплина, посвященная вопросам управления и др. [17]. Другой исследователь А.А. Цыренова описывает менеджмент, как «непонятный феномен», который можно понимать всем по-разному, то есть когда и как кому выгодно. Она определяет менеджмент, как умение добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей; вид профессиональной деятельности, направленный на оптимизацию человеческих, материальных и финансовых ресурсов для достижения целей организации; систему научных знаний, рекомендаций, основанных на практике управления; «науку плюс опыт, приумноженные управленческим искусством» [20, с. 114]. Все это звучит красиво, как лозунг, но не имеет научного обоснования. Несомненно, ряд исследователей делали попытки выделить особенности менеджмента, как научной категории. Так, например, В.А. Абчук считает, что «менеджмент в широком смысле – это управление организациями любой формы в условиях рынка и сопутствующего ему гражданского демократического общества» [1]. А.Г. Ивасенко пишет, что «содержание понятия «менеджмент» раскрывается широко и многосторонне: менеджмент как способ управления, руководства, направления или контроля; это искусство управления и руководства; это люди, контролирующие и направляющие работу организаций, а также управленческий персонал» [6]. З.П. Румянцева, Н.А. Саломатин, Р.З. Акбердин и ряд других отечественных авторов считают, что «менеджмент определяется, как интеграционный процесс, с помощью которого профессионально подготовленные специалисты формируют организации и управляют ими путем постановки целей и разработки способов их достижения» [13]. О.Д. Волкогонова и А.Т. Зуб преподносят менеджмент, как «управленческий процесс». По их мнению, этот процесс сводится к «одному из трех подходов или их комбинаций: подход, акцентирующий внимание на параметрах организационного окружения (анализ окружения); подход, основывающийся на определении долгосрочных целей организации и путей их достижения (цели и средства); подход, ставящий во главу угла деятельность организации (деятельностный подход) [4, с. 15]. В.Е. Ланкин и его коллеги вообще полагают, что «в современном представлении менеджмент, как наука отражает деятельность общества по генерированию и систематизации управленческой мысли, ее организации и актуализации для применения в деятельности, регулированию содержания теории и образовательной деятельности субъектов управленческих отношений, систематизации предметной области менеджмента, самопознания в управленческой практике» [12]. А.С. Лифшиц определяет менеджмент, как тип управления организациями в рыночной экономике. Для него менеджмент – это, прежде всего, управление экономическое (в том числе, и при управлении социальными процессами) [11, с. 13]. Но и в настоящее время такие подходы к определению понятия «менеджмент» остаются у исследователей такими же, а само определение «менеджмента» – «размытым» и научно не обоснованным. Так, например, группа исследователей Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина отмечают, что «менеджмент – прикладное управление, управление в организации. Менеджмент – это только часть большой области деятельности под названием «управление», ведь управлять можно механизмами, процессами. Мы же будем с вами говорить об

управлении в организации» [16, с. 15]. А.Л. Гапоненко и его коллеги в учебнике «Менеджмент» также не дают четкого научно-обоснованного содержания понятия «менеджмент» с позиции отечественной теории управления организациями, но отмечают, что ими «показаны особенности управления эффективностью, представлены новые информационные технологии управления. Традиционные функции менеджмента дополнены такими функциями, как коммуникация и обучение» [14].

Таким образом, в отечественной науке управления отечественными организациями до сих пор нет четко сформулированного на научной основе понимания сущности и содержания иностранного понятия «менеджмент», введенного в понятийный аппарат отечественной теории управления.

В данном случае, нужно исходить из понимания того, что, во-первых, с позиции науки нельзя заменять базовое ее понятие на аналогичное иностранное, одновременно рассматривая их и как синонимы, и как разные по содержанию понятия. Это приводит к тому, что менеджмент, как научную теорию в отечественной науке можно рассматривать «лжетеорией». Во-вторых, можно считать, что сам подход многих современных отечественных исследователей к использованию понятия «менеджмент», как «всеобъемлющего» и непонятно какого-то «наиболее эффективного управления», не требующего научного обоснования с позиции отечественной теории управления, В-третьих, использование понятия «управление» во взаимосвязи с другими понятиями, как вспомогательного термина, например, управление рисками, управление финансами, управление знаниями и всем подряд, в том числе даже управления недвижимостью в угоду непонятной для науки «моде на менеджмент» «уничтожает» научную сущность и содержание базового понятия отечественной теории управления организациями – «управление», так как исследователи начинают по-разному раскрывать смысл данных словосочетаний. При этом они «приписывают» им и разные функции. Так, например, В.Р. Веснин выделяет такие функции менеджмента, как целеполагание, организация, координация, контроль, распорядительство и др. [2, с. 3].

Проведенный анализ ситуации с использованием в отечественной теории управления организациями понятий «управление» и «менеджмент» позволяет считать, что для обеспечения научного подхода к определению сущности, содержания и места внедренного в нее иностранного понятия «менеджмент», от которого уже стало невозможно избавиться, нужно исходить из понимания того, что оно не может произвольно заменить базовое понятие теории управления организациями – «управление». А использование иностранного понятия «менеджмент» не должно служить основанием для «уничтожения» научного понимания сущности и содержания понятия «управления» в отечественной теории управления организациями.

Наша позиция заключается в том, что, во-первых, управление отечественными организациями (предприятиями) – это наука, которая имеет богатые национальные традиции, имеет свои фундаментальные основы, которые были и должны оставаться основой для проведения всех исследований в этой сфере.

Во-вторых, понятие «менеджмент» уже вошло в отечественную науку управления организациями (предприятиями), и это требует определения его места в ней на сложившейся методологической базе отечественных, а

не иностранных научных подходов для обеспечения единых подходов к решению существующих проблем в управлении отечественными организациями. И в первую очередь, необходимо обратить внимание на то, что является объектом управления, а что – объектом менеджмента. Нужно отметить, что как справедливо отметил отечественный исследователь А.В. Карпов, «управление – это деятельность по организации деятельности других людей» [7]. Таким образом, в теории управления организациями объектом управления будут служить сотрудники, то есть люди. Отсюда под содержанием управления нужно считать подготовку подчиненных к решению профессиональных задач организации, то есть ее обеспечение кадрами необходимой квалификации и специализации; подготовку сотрудников организации к решению новых задач, то есть обеспечение карьерного роста сотрудников, их обучение и др. и руководство подчиненными (командование), когда сотрудникам ставятся или уточняются задачи в интересах профессиональной деятельности организации.

К сожалению, под объектом менеджмента отечественные исследователи рассматривают все, что им нужно. Так, например, В.Р. Веснин определяет менеджмент, как «совокупность научных знаний и практического опыта управления», как «управление самостоятельным видом деятельности», как «управление рыночной организацией», как «группу высших руководителей», как «учебную дисциплину» и др. [2, с. 3].

Изучение иностранных источников показывает, что иностранные исследователи под понятием менеджмента рассматривают «организацию производства», то есть, как лучшим образом использовать ресурсы организации в обеспечении ее конкурентоспособности. Так, например, в «Международном справочнике по менеджменту», изданном в Англии, приводится такое определение менеджмента: «Менеджмент – это эффективное использование и координация таких ресурсов, как капитал, здания, материалы и труд для достижения заданных целей с максимальной эффективностью» [8]. Следовательно, объектом менеджмента будут выступать все ресурсы организации. Отсюда и содержание менеджмента будет связано с бережным хранением ресурсов, их рациональным распределением и эффективным использованием. Вследствие этого менеджером в организации можно называть сотрудника организации, который не имеет подчиненных, но в силу своих должностных обязанностей распоряжается ресурсами организации с содержательной составляющей менеджмента: бережно хранит доверенные ему ресурсы организации, рационально их распределяет и эффективно использует в интересах повышения эффективности деятельности всей организации.

В-третьих, нужно отметить, что сегодня в условиях накопления организациями необходимых им капиталов и ресурсов, важнейшим источником обеспечения их конкурентоспособности начинают рассматриваться сотрудники, то есть люди, обладающие нужными профессиональными знаниями и опытом, позволяющие более эффективно использовать все остальные материальные и нематериальные ресурсы организации. Вследствие этого возникли концепции «Управления персоналом» и «Управления человеческими ресурсами», как новый подход в управлении, который может дополнять классическое управление в определенных условиях. В данном случае, сотрудники организации, например, могут выступать в качестве ресурса при реализации каких-либо проектов, позволяющих

организации повысить свой уровень конкурентоспособности. При этом само управление, как управленческая деятельность не меняет своей сущности, содержания и значимости, так как без организующей роли руководителя, как управленца, ни один проект в организации не сможет быть реализован. Это позволяет считать, что руководитель любого уровня управления в организации в силу своих должностных полномочий – это всегда управленец, так как в его подчинении есть сотрудники организации.

Под менеджерами в отечественной теории и практике, во-первых, часто понимаются особо «эффективные руководители». Так, например, В.А. Абчук пишет, что «менеджер – это специально отобранный и подготовленный руководитель-профессионал, работающий по найму у собственника, обеспечивающий решение уставных задач организации и нацеленный на умножение прибыли. Короче, руководитель организации в условиях рыночной экономики». При этом он наделяет менеджера, как руководителя всеми возможными достоинствами, считая его чуть ли не «благодетелем» для отечественных организаций в современных условиях: «Менеджер представляет новый для нашей страны тип управляющего, обладающий рядом характерных отличительных черт. Первая черта – кардинально новая цель деятельности... Это ведет к принципиально иной системе управления организацией: меняются функции, структура и методы работы органов управления. Второе отличие – переход к экономическим методам управления организацией. Вместо жесткого администрирования, культивировавшего страх и безропотное подчинение, – пробуждение внутренних интересов работающих, учет мотивов трудовой деятельности, использование действенных стимулов к производительному качественному труду. Экономические методы способствовали развитию еще одного мощного источника повышения эффективности управления – рациональному распределению ресурсов организации: денег, рабочей силы, сырья, топлива, материалов, рабочего времени, интеллектуальных возможностей и организаторских способностей персонала. Еще одна, третья отличительная черта менеджера – способность к новациям, прогнозированию и риску. Менеджер – новатор по природе, ведь рынок – это, прежде всего, новшества: без новых товаров и услуг на него просто не пробиться. То же самое можно сказать и об умении менеджера прогнозировать экономическую ситуацию и идти на разумный риск. Важнейшими профессиональными чертами менеджера являются умение принимать обоснованные решения и брать на себя за них ответственность» [1]. Но возникает много вопросов): «Разве руководитель не должен быть эффективным в своей работе? Как оценить эффективность деятельности руководителя, чтобы считать его менеджером? Как понять, например, руководитель «новатор по природе» или нет?» и др. Ведь назначают сотрудников на управленческие должности, как правило, по их профессиональным способностям, с учетом полученных ими знаний и профессионального опыта. Как гласит русская поговорка, «руководителями не рождаются, ими становятся». Несомненно, что любого руководителя можно считать менеджером, так как он уже априори является распорядителем ресурсов, хотя бы не материальных, определяемых его должностными полномочиями. Вопрос в том, как он распоряжается этими ресурсами с позиции повышения эффективности ресурсов организации, особенно по отношению к сотрудникам, считая их ресурсом организации.

Но именно здесь и появляется некоторое формальное сходство понятий управление и менеджмент, которое не всегда учитывается исследователями. На самом деле, понятие менеджмент в данном случае не исключает необходимость управления, а корректирует подход руководителя к сотрудникам с позиции управления персоналом или человеческими ресурсами в интересах получения нужного ему результата в работе подчиненных. При этом сотрудник в организациях может выступать в качестве ресурса организации для руководителя не постоянно, а только в условиях, когда нужно разрешить какую-то проблемную ситуацию, например, срочно подготовить документы для приехавшей на проверку комиссии. Тогда руководитель будет создавать необходимые условия для работы такому сотруднику, обеспечивать его всем необходимым и др. Например, для проверки работы казначейства приехала комиссия, которой руководителю организации нужно было представить документы, требующие доработки. Он попросил нужных ему сотрудников задержаться на работе, выделил им компьютеры из своего кабинета и кабинетов замов и представил свой служебный автомобиль, чтобы сотрудники в позднее время после выполнения работ были развезены по домам. Но комиссия уехала, и все вернулось на свои места.

Во-вторых, сегодня многие сотрудники организации, особенно специальности которых не всегда будут считаться «презентабельными» на русском языке, именуются менеджерами. Так, например, сегодня в некоторых отечественных организациях уборщицу «позиционируют», как «менеджера по экологии офиса» и др. Или в туристических агентствах в руководстве по оформлению документов для выезда за границу часто можно встретить рекомендацию: «Если вы не знаете, как написать свою профессию на иностранном языке, пишете – менеджер». Тем не менее, продавец в магазине или кладовщика в организации, который не имеет подчиненных, можно считать менеджером, если они реализуют сущностное содержание менеджмента – обеспечивают эффективность использования доверенных им ресурсов в интересах повышения (обеспечения) эффективности деятельности организации.

В-третьих, учитывая такой подход в определении сущности понятий «управление» и «менеджмент» в отечественной теории управления, нужно всегда исходить из положения, что понятие «управления» является базовым и его содержание исследователям нельзя «перестраивать» и «подгонять» под себя, как удобно им в каждом конкретном случае. Учитывая тот факт, что понятие «менеджмент» уже вошло в понятийный аппарат отечественной теории управления организациями, его нужно считать подчиненным понятию управления, имеющим свою сущность и содержание, и дополняющим теории управления организациями новыми подходами с учетом современных условий конкуренции.

В-четвертых, путаница в понимании научной сущности приводит к тому, что нет единства у исследователей и выявления функций менеджмента и управления. Так, например, исследователи Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в качестве одной из функций менеджмента выделяют «руководство» [9]. Профессор С.Н. Буликов в качестве первой и основной функции управления организациями выделял маркетинг. Здесь нужно уточнить, а что же нужно понимать под функцией управления и менеджмента. Так, например, Б.Г. Литвак считает, что управленческой функцией называются действия,

составляющие процесс управления» [10, с. 25]. А.В. Карпов под функцией управления понимает «согласованную систему качественно сходных задач, направленных на обеспечение какого-либо важнейшего аспекта управленческой деятельности» [7, с. 563]. В результате такого подхода, можно считать, что маркетинг не может быть функцией управления и менеджмента, так как наряду с ними является разновидностью профессиональной деятельности, а руководство выступает в управлении частью его содержания. Нужно отметить, что большинство авторов все же полагают, что в управлении организациями, как разновидности профессиональной деятельности выделяются четыре функции: организация работ, планирование, мотивация и контроль. Но здесь тоже есть у отечественных исследователей различия в их понимании. Так, не всегда четко исследователями понимается содержание функции организации работ. Например, Б.Г. Литвака полагает, что термин «организация» приходится использовать в двух смыслах. «Первый смысл этого термина соответствует предприятию, фирме, банку и т. д., то есть определенному социальному институту, а второй – процессу (например, организации производственного совещания, деловой встречи, выполнения принятых решений)». И далее он отмечает, что надеется, что читатель его книги сам «сможет разобраться, в каком случае какой смысл термина «организация» используется» [10, с. 26–27]. Но проведение совещания нельзя считать функцией организации работ. Это лишь форма доведения задач до подчиненных. Но их можно довести подчиненным и в другой форме, например, по электронной почте и др. Изучение проблемы показывает, что прежде, чем что-то планировать, нужно принять управленческое решение. Следовательно, на наш взгляд, первую функцию управления целесообразнее было бы обозначить, как принятие управленческого решения, что избавит различных исследователей по-разному ее раскрывать с учетом своего понимания. Несомненно, что важнейшей функцией управления можно считать и мотивацию, так как объектом управления выступают люди. А вот в менеджменте, функция мотивации не является основной, так как его объектом являются ресурсы. Принимать решение на их использование, планировать их использование, контролировать их использование нужно. Но нельзя, например, мотивировать финансовые ресурсы, какие-то материальные или нематериальные ресурсы. Однако мотивации будет возникать в менеджменте, когда сотрудники организации будут рассматриваться в качестве ресурса, а не «винтика производственного процесса. В данном случае мотивация будет являться определенным подходом в реализации специфического ресурса – человеческого.

Таким образом, нужно отметить, что в отечественной теории управления есть проблемы, которые не позволяют ей давать научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию управления организациями в динамично изменяющихся условиях их деятельности в современной экономической обстановке. И главная проблема, порождающая уже другие вопросы, связана с необходимостью приведения в порядок понятийного аппарата отечественной теории управления в связи с внедрением в него иностранных понятий и, в первую очередь, понятия «менеджмент». Научный подход к раскрытию сущности, содержания и места понятия «менеджмент» в понятийном аппарате отечественной теории управления организациями и его взаимосвязи с понятием «управление», как «подчиненным» ему, позволит избежать многих «недопониманий» у исследователей

и практиков в изучении и разрешении проблем управления, которые появились в отечественной теории управления организациями на этапе перехода российской экономики от плановой к рыночной и до сих пор не преодолены. В результате этого отечественная теория управления организациями должна вновь стать реальной научной базой для отечественных организаций в обеспечении необходимой эффективности их деятельности с учетом менталитета россиян, опыта управления отечественными организациями и новыми условиями хозяйственной деятельности отечественных организаций в современных условиях рыночной экономики.

Библиографический список к главе 1

1. Абчук В.А. Менеджмент: учебник / В.А. Абчук. – СПб.: Союз, 2002. – 463 с.
2. Веснин В.Р. Менеджмент в схемах и определениях: учеб. пособ. / В.Р. Веснин. – М.: Проспект, 2009. – 120 с.
3. Виханский О.С. Стратегическое управление: учебник / О.С. Виханский. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2009.
4. Волкогонова О.Д. Стратегический менеджмент: учебник / О.Д. Волкогонова, А.Т. Зуб. – М.: Форум; Инфра-М, 2010.
5. Драчева Е.Л. Менеджмент: учебник для студ. учреждений ср. проф. образования / Е.Л. Драчева, Л.И. Юликов. – 14-е изд., стер. – М.: Академия, 2012.
6. Ивасенко А.Г. Менеджмент: учебное пособие / А.Г. Ивасенко. – Новосибирск, 2001. – 97 с.
7. Карпов А.В. Психология менеджмента / А.В. Карпов. – М.: Гардарики, 2007. – 584 с. EDN QXQZIV
8. Киселев А.А. Современные проблемы управления и менеджмента в отечественной науке и практике: монография / А.А. Киселев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 228 с.
9. Краткий анализ известных школ менеджмента (группы, направления, цели, ученые): Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9192695/page:2/> (дата обращения: 17.12.2024).
10. Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения / Б.Г. Литвак. – М.: Дело, 2004. – 416 с. EDN QOCVAL
11. Лифшиц А.С. Управленческие решения: учеб. пособ. / А.С. Лифшиц. – М.: КНОРУС, 2013. – 244 с.
12. Менеджмент организации: учебное пособие для подготовки к итоговому междисциплинарному экзамену профессиональной подготовки менеджера / под общ. ред. В.Е. Ланкина. – Таганрог: ТРТУ, 2006.
13. Менеджмент организации: учебное пособие / З.П. Румянцева, Н.А. Саломатин, Р.З. Акбердин [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 1995. – 432 с.
14. Менеджмент: учебник для вузов / А.Л. Гапоненко [и др.]; под общ. ред. А.Л. Гапоненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 379 с
15. Мурашов А. Школы и модели менеджмента / А. Мурашов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zaochnik-com.com/spravochnik/menedzhment/teorija-upravlenija/shkoly-menedzhmenta/> (дата обращения: 17.12.2024).
16. Общий менеджмент: учебное пособие / Л.С. Ружанская [и др.]; под общ. ред. Л.С. Ружанской, И.В. Когляревой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 116 с. EDN ZVIWRL
17. Орлов А.И. Менеджмент: учебник для вузов / А.И. Орлов. – М.: Изумруд, 2003.
18. Тесленко И.В. История менеджмента: учебное пособие / И.В. Тесленко. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. – 140 с. EDN TITIWN
19. Шапкин И.Н. Менеджмент: учебник для бакалавров / под общ. ред. И.Н. Шапкина. – М.: Юрайт, 2013. – 690 с.
20. Цыренова А.А. Менеджмент: учебно-методическое пособие / А.А. Цыренова. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006.

ГЛАВА 2

DOI 10.31483/r-115334

Солдатова Любовь Ивановна

Шмидт Юлия Ивановна

Фадеева Галина Владимировна

АНАЛИЗ ТРУДА И ЕГО ОПЛАТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: *основным источником дохода любого человека является заработная плата. Она также помогает осуществлять контроль за мерой труда и потребления. Поэтому заработную плату можно рассматривать как экономический рычаг управления экономикой предприятия [9, с. 109].*

Заработная плата выступает в качестве центрального фактора, который оказывает прямое воздействие на производительность труда сотрудников. Это стимул, ради которого человек трудится в компании [4, с. 1154].

Особое внимание государство сегодня уделяет проработке множественных нормативных актов, посредством которых регулируется выплата зарплаты сотрудникам [7, с. 315].

Прежде всего, нужно максимально грамотно построить систему оплаты труда в компании. Система должна быть максимально понятной для каждого сотрудника, потому как именно посредством ее он видит зависимость между производительностью, а также качеством труда и размером заработной платы. В зависимости от того, какой будет заработная плата, зависит уровень жизни граждан, а это крайне важный фактор в развитии государства в целом. При снижении заработной платы понижаются расходы во всех сферах, а также это приводит к росту безработицы [11, с. 69].

Ключевые слова: *анализ, труд, оплата труда, заработная плата, коэффициенты, эффективность, задолженность, показатели изменения выработки, фонд оплаты труда.*

Abstract: *the main source of income for any person is wages. It also helps to control the measure of labor and consumption. Therefore, wages can be considered as an economic lever for managing the economy of an enterprise.*

Wages act as a central factor that has a direct impact on the productivity of employees. This is the incentive for which a person works in a company.

Today, the state pays special attention to the development of multiple regulations that regulate the payment of salaries to employees.

First of all, it is necessary to build a wage system in the company as competently as possible. The system should be as clear as possible for each employee, because it is through it that he sees the relationship between productivity, as well as the quality of work and the amount of wages. Depending on what the wages will be, the standard of living of citizens depends, and this is an extremely important factor in the development of the state as a whole. When

wages are reduced, expenses in all areas are reduced, and this also leads to an increase in unemployment.

Keywords: *analysis, labor, remuneration, wages, coefficients, efficiency, debt, indicators of change in output, wage fund.*

Для подавляющего большинства людей заработная плата является основным источником дохода. Поэтому вопросы, связанные с заработной платой являются одними из наиболее актуальных, как для работников, так и для работодателей. Анализ оплаты труда по праву занимает центральное место во всей системе учета в организации [15, с. 164].

Всесторонний анализ трудовых ресурсов является залогом выявления скрытых хозяйственных резервов [6, с. 363].

Поэтому основные задачи анализа труда и его оплаты представлены на рисунке 1.

Источниками информации для анализа кадров организации служат: формы бухгалтерской (финансовой) отчетности, первичная документация по труду: договора, контракты, приказы (распоряжения) о приеме на работу и о прекращении трудового договора, личная карточка, записка о предоставлении отпуска, табель учета рабочего времени и расчета заработной платы, наряды на сдельную работу, нормы, расценки, лицевые счета, расчетно-платежные ведомости, платежные ведомости, опросные листы, анкеты социологических исследований персонала [1, с. 471].

Рис. 1. Задачи анализа труда и его оплаты

Важной составляющей анализа использования трудовых ресурсов организации является изучение движения рабочей силы [5, с. 381].

Рассматривая движение рабочей силы, следует иметь в виду, что частая смена работников сдерживает рост производительности труда.

Необходимо проанализировать причины текучести кадров (состояние социального обеспечения, прогулы, уход по собственному желанию и др.), динамику состава увольнений: индивидуальное и коллективное, перемена служебного положения, число переводов и на другие должности, уход на пенсию, истечение срока контракта и др.

Анализ осуществляется в динамике за ряд лет на основе следующих коэффициентов, рисунок 2.

Рис. 2. Коэффициенты для анализа трудовых ресурсов

Оборот рабочей силы делится на излишний и нормальный. Нормальный – это оборот, который не зависит от организации, обусловлен такими причинами как призыв в армию, уход на пенсию и на учебу, переход на выборные должности и др.. Увольнение по собственному желанию, за прогулы относятся к излишнему обороту рабочей силы [14, с. 398].

Объем производства продукции зависит не столько от численности работающих, сколько от количества, затраченного на производство труда, определенного количеством рабочего, времени. Поэтому анализ использования рабочего времени является важной составляющей частью аналитической работы в организации. В процессе анализа использования рабочего времени следует проверить обоснованность производственных заданий, изучить уровень их выполнения, выявить потери рабочего времени, установить их причины, наметить пути дальнейшего улучшения использования рабочего времени, разобрать необходимые мероприятия [3, с. 149].

Анализ использования рабочего времени осуществляется на основе баланса рабочего времени. В зависимости от поставленной цели и точности измерения резервов повышения производительности труда, применяются различные значения фонда рабочего времени: номинальный, явочные, эффективный (полезный). Основные составляющие баланса представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные показатели баланса рабочего времени одного рабочего

Показатель фонда времени	Формула расчета	Примечания
Календарный, T_k	$T_k = 365 \text{ дн}$	$T_{\text{вых}}$ — количество выходных и праздничных дней; $T_{\text{неявл}}$ — дни неявок: отпуска по болезни, по решению администрации, прогулы и пр.; t — номинальная продолжительность рабочего времени; $t_{\text{вп}}$ — время внутрисменных простоев и перерывов в работе, сокращенных и льготных часов.
Номинальный (режимный), T_n	$T_n = T_k - T_{\text{вых}}$	
Явочный, $T_{\text{яв}}$	$T_{\text{яв}} = T_n - T_{\text{неявл}}$	
Полезный фонд рабочего времени, T_p	$T_p = T_{\text{яв}} * (t - t_{\text{вп}})$	

Полнота использования персонала оценивается по количеству отработанных дней и часов одним работником за период, а также по степени использования фонда рабочего времени. Такой анализ проводят как по отдельным категориям персонала, так и в целом по организации [8, с. 145].

Для анализа использования совокупного календарного фонда времени необходимо определить его потенциальную величину. Фонд рабочего времени (ФРВ) зависит от численности рабочих, количества рабочих, количества отработанных дней одним рабочим в среднем за год (D) и средней продолжительности дня (Π).

Изменение фонда рабочего времени за счет факторов представлено на рисунке 3.

В ходе анализа необходимо выявить причины образования потерь рабочего времени. Классификация потерь рабочего времени разделяет рабочее времени на резервообразующие и нерезервообразующие. Резервообразующие – это потери, которые могут быть снижены при системной организации работы по снижению потерь рабочего времени.

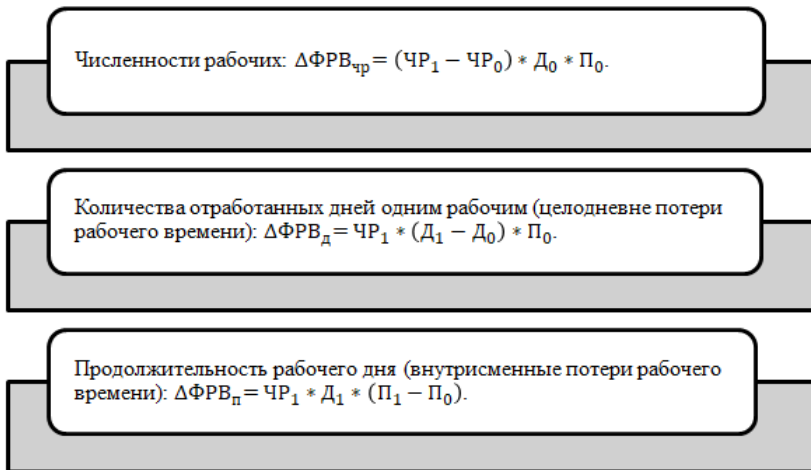

Рис. 3. Изменение фонда рабочего времени

Среди них могут быть: дополнительные отпуска с разрешения администрации, невыходы на работу по болезни, простои из-за неисправности оборудования, отсутствие работы, сырья, материалов, топлива, энергии и т. д. [6, с. 263].

Потери рабочего времени не всегда приводят к уменьшению объема производства товара, т. к. они могут быть компенсированы повышением интенсивности труда работников. Поэтому при анализе использования трудовых ресурсов большое значение придается изучению показателей производительности труда [2, с. 104].

Один и тот же производственный результат может быть получен при различной эффективности труда. Мерой эффективности труда называют производительность труда, т. е. под производительностью труда понимается его результативность, способность человека производить за

единицу времени определенный объем продукции. Наиболее обобщающий показатель производительности труда – валовый выход продукции на среднегодового работника, т. е. его годовая его выработка (ГВ). Величина ее зависит не только от среднедневной (ДВ) и среднечасовой (Ч), но и от удельного веса производственных рабочих в общей численности работников хозяйства, занятых в сельскохозяйственном производстве ($У_d$), количества отработанных дней одним рабочим за год (Д) и продолжительности рабочего дня (П). Чем выше среднечасовая выработка и чем меньше целодневные и внутрисменные потери рабочего времени, тем выше выход продукции на одного работника в год.

Расчет влияния данных факторов производится одним из способов детерминированного факторного анализа.

Среднегодовая выработка может изменяться за счет факторов представленных на рисунке 4.

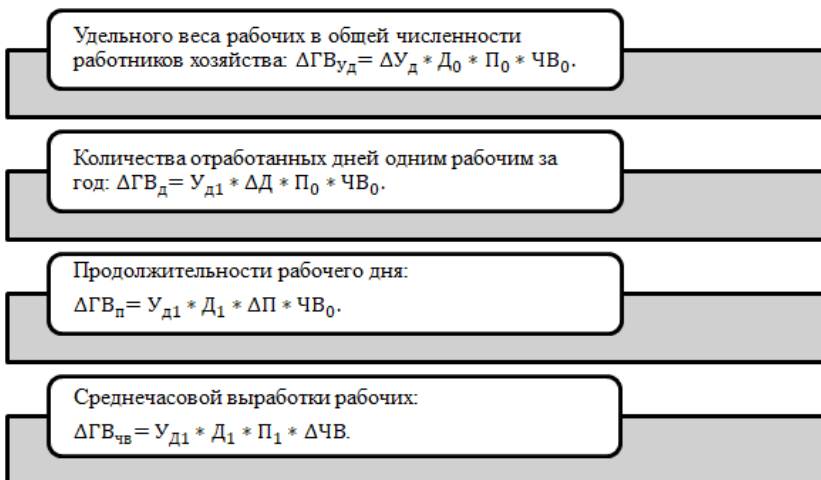

Рис. 4. Показатели изменения выработки

В заключении анализа должны быть подсчитаны резервы увеличения производительности труда по каждому виду продукции и в целом по организации. Основные источники резерва роста производительности труда представлены на рисунке 5.

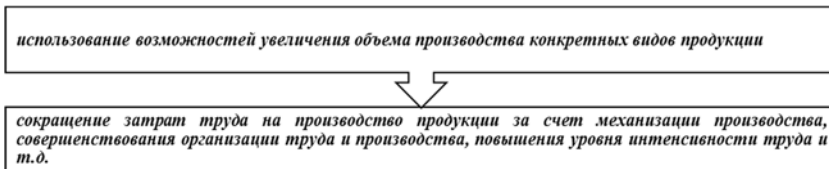

Рис. 5. Источники резерва роста производительности труда

Об эффективности использования персонала судят по размеру полученной прибыли на одного работника предприятия, который называется рентабельностью персонала.

Благодаря анализу показателя рентабельности персонала можно выявить на предприятии ненужные и лишние рабочие места, без которых предприятие прекрасно может обойтись [10, с. 33].

Анализ трудовых ресурсов начинают с изучения показателей обеспеченности. Обеспеченность предприятия трудовыми ресурсами определяют сравнением фактических данных о наличии в целом по предприятию, а также в разрезе отдельных категорий и профессий работников с плановой потребностью и определяют обеспеченность в процентах. Выявление отклонений от плана позволяет судить о том, как обеспечено предприятие необходимым количеством трудовых ресурсов [13, с. 69].

Таблица 2

Динамика численности трудовых ресурсов, чел.

Категории работников	2021г.	2022г.	2023г.	2023г. к 2021г., +/-	В среднем за 2023–2021гг.	
					чел.	к итогу %
Всего по предприятию	64	57	55	-9	59	100
в т.ч. работники занятые в сельскохозяйственном производстве	61	55	53	-8	56	94,9
из них: рабочие постоянные	43	40	39	-4	41	69,5
в т.ч. трактористы-машинисты	12	13	11	-1	12	20,3
операторы машинного доения, дояры	9	9	10	-1	9	15,3
скотники крупного рогатого скота	12	10	14	2	12	20,3
работники птицеводства	-	-	-	-	-	-
Рабочие сезонные и временные	-	-	-	-	-	-
Служащие	18	15	14	-4	16	27,1
из них руководители	6	6	5	-1	6	10,2
специалисты	12	9	9	-3	10	16,9
Прочие рабочие	3	2	2	-1	2	3,4

В организации за анализируемый период общая численность трудового коллектива сократилась на 9 человек, в том числе занятых в сельскохозяйственном производстве на 8 человек, т. е. сокращение работников происходит за счет сокращения производства, т. к. работники занятые в сельскохозяйственном производстве занимают в среднем 94,9%, из них постоянные рабочие – 69,5%, численность служащих составляет 16 человек, это 27,1% от общей численности работников в среднем за три года.

Количество прочих работников за анализируемый период не превышает 3 человек, численность специалистов и руководителей составляет 10 и 6 соответственно. Отток работников связан с тяжелыми условиями труда, старением коллектива и близостью города.

Таблица 3

Показатели трудообеспеченности

Показатель	2021г.	2022г.	2023г.	2023г. к 2021г., +/-
Приходится среднегодовых работников в основном производстве, чел.	□	□	□	□
на 100 га. сельскохозяйственных угодий	2□	2□	2□	0□
на 100 га. пашни	6□	5□	5□	-1□
Приходится на среднегодового работника в основном производстве, га	□	□	□	□
сельскохозяйственных угодий	41□	46□	48□	7□
пашни	17□	19□	19□	2□

Показатели трудообеспеченности имеют тенденцию к снижению. В расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий и пашни среднегодовое количество работников сократилось на 1 человека. Нагрузка на одного работника сельскохозяйственных угодий увеличилась в результате сокращения численности работников на 7 га. и пашни на 2 га соответственно.

В организации происходит снижение затрат труда по организации в целом на 14,8 тыс. ч. часов, по животноводству на 10,65 тыс. ч. час., по растениеводству – тыс. ч. час. Производство валовой продукции в расчете на одного среднегодового работника увеличилось в целом по сельскохозяйственному производству на 458 тыс. руб., по животноводству на 544,6 тыс. руб., а по отрасли растениеводства на 319,28 тыс. руб. Производство валовой продукции в расчете на 1 человека час за анализируемый период увеличилось на 358,16 тыс. руб., в том числе в отрасли животноводства на 272,06 тыс. руб., а в отрасли растениеводства на 653,44 тыс. руб.

Таблица 4

Показатели производительности труда

Показатель	2021г.	2022г.	2023г.	2023г. от 2021г., +/-
Исходные данные:				
Стоимость валовой продукции, тыс. руб.	125047□	130496□	132926□	7879□
в т.ч. растениеводстве	15481□	16988□	22463□	6982□
в животноводстве	109566□	113508□	110463□	897□
Среднегодовая численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, всего чел.	61□	55□	53□	-8□
в т.ч. растениеводстве	34□	30□	29□	-5□
в животноводстве	27□	25□	24□	-3□
Отработано в сельскохозяйственном, всего тыс. чел. час	92,6□	85,3□	77,8□	-14,8□
в т.ч. растениеводстве	19,8□	17,65□	15,65□	-4,15□
в животноводстве	72,8□	67,65□	62,15□	-10,65□
Расчетные данные:				
Произведено валовой продукции на 1 среднегодового работника, тыс. руб.	2050□	2372,65□	2508□	458□
в растениеводстве	455,32□	566,3□	774,6□	319,28□
в животноводстве	4058□	4540,32□	4602,6□	544,6□
Произведено валовой продукции на 1 чел. час, руб.	1350,4□	1529,85□	1708,56□	358,16□
в растениеводстве	781,9□	962,49□	1435,34□	653,44□
в животноводстве	1505,3□	1677,87□	1777,36□	272,06□
Занятость 1 среднегодового работника по предприятию, тыс. ч. – час	2,03□	2,08□	2,16□	0,13□

За анализируемый период мы наблюдаем снижение занятости на одного среднегодового работника на 0,13 ч. час.

Таблица 5

Затраты на производство ц. основных видов сельскохозяйственной продукции, чел. ч.

Наименование продукции	2021г.	2022г.	2023г.	2023г. от 2021г., +/-
Зерновые и зернобобовые	0,78	0,33	0,28	-0,5
в т. ч. озимые	0,52	0,41	-	-0,52
яровые	1,50	0,34	0,39	-1,11
Молоко	0,90	0,86	0,86	-0,04
Прирост крупного рогатого скота	13,75	14,05	13,53	-0,22

В организации наиболее трудоемким видом продукции является прирост крупного рогатого скота, затраты по которому за исследуемый период колеблются от 13,53 до 14,05 ч. час. на 1 ц. Следует отметить, что в 2023г. затраты труда на прирост крупного рогатого скота составил 13,53 ч. час., что меньше чем в 2021г. на 0,22 ч. час. года.

Таблица 6

Влияние численности и среднегодового заработка на расходование фонда заработной платы

Категории работников	Среднегодовая численность работников, чел.		Среднегодовой заработок 1 работника, тыс. руб.		Годовой фонд заработной платы, тыс. руб.		Отклонение по годовому фонду заработной платы (+), (-), тыс. руб.	
	2021г.	2023г.	2021г.	2023г.	2021г.	2023г.	Всего	в т.ч. за счет изменения численности работников
Всего по предприятию	64	55	370,66	510,75	23722	28091	4369	-3335,94
в т.ч. работники, занятые в сельскохозяйственном производстве	61	53	366,25	508,96	22341	26975	4634	-2930
из них: рабочие постоянные	43	39	320,91	449,26	13799	17521	3722	-1283,64
в т.ч. трактористы-машинисты	12	11	436,92	589,58	5243	6485	1242	-436,92
операторы машинного доения, доярки	9	10	389,11	461,9	3502	4619	1117	389,11
скотники крупного рогатого скота	12	14	229,25	278	2751	3892	1141	458,5
Служащие	18	14	473,11	659	8516	9226	710	-1892,44
из них: руководители	6	5	569,67	722,46	3418	3612	194	-569,67
специалисты	12	9	424,83	623,78	5098	5614	516	-1274,49
Прочие рабочие	3	2	460,33	558	1381	1116	-265	-460,33

Затраты труда на производство молока не превышают 0,9 ч. час. на 1 ц., что объясняется автоматизацией и механизацией процессов производства молока и равномерным выходом продукции в течении года (таблица 6).

Анализ использования трудовых ресурсов, производительности труда необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с заработной платой [12, с. 196].

В организации годовой фонд заработной платы за анализируемый период увеличился на 4369 тыс. руб. при этом изменение численности работников на 9 человек снизило годовой фонд заработной платы на 3335,94 тыс. руб., а увеличение среднегодового заработка оказало положительное влияние на фонд заработной платы, увеличив его на 7704,95 тыс. руб.. Следует отметить, что годовой фонд заработной платы

увеличился практически по всем категориям работников, исключение составляют прочие рабочие, там произошли уменьшение на 265 тыс. руб.

Таблица 7

Динамика среднегодовой заработной платы работника, тыс. руб.

Категории работников	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 2021 г., %
Всего по предприятию	370,66	429,51	510,75	137,79
в т.ч.: работники занятые в сельскохозяйственном производстве	366,25	428,58	508,96	138,97
из них: рабочие постоянные	320,91	386,78	449,26	139,99
в т.ч. трактористы-машинисты	436,92	427,62	589,55	134,93
операторы машинного доения, дояры	389,11	383,44	461,90	118,71
скотники крупного рогатого скота	229,25	241,8	278	121,26
Служащие	473,11	538,20	659	139,29
из них: руководители	569,67	647,83	722,46	126,82
специалисты	424,83	465,11	623,78	146,83
Прочие рабочие	460,33	455	558	121,22

Самая высокая заработная плата за анализируемый период наблюдается в 2023г. по всем категориям работников. Если сравнивать данные 2023 г. и 2021 г., то мы наблюдаем увеличение заработной платы на 37,79% в целом по организации. Самая высокооплачиваемая категория работников в 2023 г. руководители, средняя заработная плата которых составила 722,46 тыс. руб., это более 60 тыс. руб. в месяц. За анализируемый период заработная плата служащих имела устойчивую тенденцию роста и в 2023г. по сравнению с 2021г. возросла на 39,29% при этом средняя заработная плата этой категории работников в месяц в 2023 г. составила 54,92 тыс. руб. Средняя заработная плата специалистов в 2023 г. составила более 51 тыс. руб., примерно такая же заработная плата наблюдается у трактористов-машинистов – 49,1 тыс. руб.

Выдача заработной платы в организации ведется в основном через кассу, в связи с этим было бы целесообразно внести предложение по открытию зарплатных банковских карт и осуществлять выдачу заработной платы путем зачисления денежных средств на карту.

Это помогло бы избежать ведения лишних операций по депонированию не полученной заработной платы, которую работник должен получить в кассе в течении трех дней. Так же это позволит избежать ведения книги депонентов, в которой ведется регистрация заработной платы и при следующей выплате ее нужно получить в банке, что ведет за собой лишние расходы. Так же следует заметить, что в организации оплачивают бухгалтеру за дополнительную нагрузку, связанную с вышеперечисленными обязанностями, эта сумма тоже попадает в расходы организации, и ее можно сэкономить при переходе на зарплатный проект.

Переход организации на зарплатный проект приведет к положительным последствиям, представленным на рисунке 6.

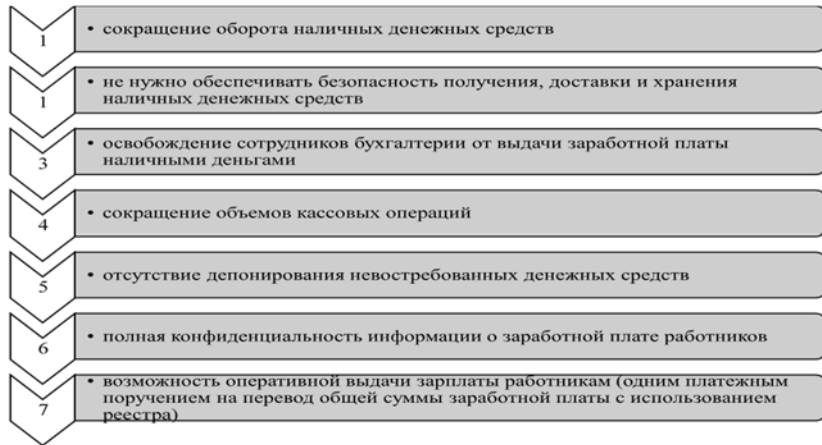

Рис. 6. Преимущества от перевода заработной платы сотрудников на банковские карты

При открытии зарплатного проекта сократится объем кассовых операций, сохранится конфиденциальность информации о размерах выплат работникам, сократятся расходы по банковским, транспортным расходам и охране денежных средств на предприятии. Так как в связи с переводом заработной платы уменьшится количество кассовых операций, у бухгалтера сократится объем работы, и таким образом доплату можно будет убрать. Тем самым экономия организации в год составит 170232 руб.

Рис. 7. Затраты, связанные с выдачей заработной платы, руб.

Выдачу банковских карт производят работник банка, в основном это происходит на территории организации, а все расходы по ее содержанию несет держатель карты, согласно банковским тарифам.

Таким образом внесенные предложения позволят организации вести более качественный учет, снизить расходы по обслуживанию депонированных сумм заработной платы, обеспечить оперативность и своевременность получения заработной платы. А полученный экономический эффект позволит снизить себестоимость продукции и увеличить конкурентоспособность организации.

Библиографический список к главе 2

1. Анализ рынка труда Костромской области и повышение эффективности его использования на основе CRM-системы / Л.И. Солдатова, Ю.Т. Фаринюк, Е.П. Задворнева, Д.В. Мухина // Экономика и предпринимательство. – 2022. – №10 (147). – С. 469–476. – DOI 10.34925/EIP.2022.147.10.089. – EDN XBTGDU.

2. Задворнева Е. П. Модель потребления факторов производства в сельском хозяйстве при формировании высокотехнологических производственных зон / Е.П. Задворнева, И.В. Жуллей, Ю.И. Шмидт // Экономика и предпринимательство. – 2024. – №1 (162). – С. 102–105. – DOI 10.34925/EIP.2024.162.1.015. – EDN GMPMGA.

3. Иванова О.Е. Оценка управления затратным механизмом на основе матричного подхода / О.Е. Иванова, Л.И. Солдатова // Социально-экономические проблемы современной российской экономики / ред. Н.А. Адамов. Т. 1. – М.: Экономическая газета, 2013. – С. 142–156. – EDN TZOVHN.

4. Карасев М. А. Этапы разработки сбалансированной системы показателей KPI / М.А. Карасев, Л.Д. Котлярова, Е.Н. Румянцева // Экономика и предпринимательство. – 2024. – №2 (163). – С. 1153–1157. – DOI 10.34925/EIP.2024.163.2.228. – EDN MLPJYQ.

5. Колосова О.Е. Кадры для АПК будущего / О.Е. Колосова // Инновационные технологии в АПК региона: достижения, проблемы, перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции (Тверь, 9–11 февраля 2021 года). – Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2021. – С. 379–383. – EDN XWWAQX.

6. Николаев С.А. Подходы к совершенствованию учета оплаты труда на предприятии / С.А. Николаев, А.Ю. Маркова // Студенческая наука: сборник научных трудов по материалам 52-ой научно-практической конференции студентов и молодых ученых (Тверь, 12–14 марта 2024 года). – Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2024. – С. 362–365. – EDN KOPAHY.

7. Орлова Н.Н. Направления повышения эффективности труда научно-педагогических работников в цифровой экономике / Н.Н. Орлова, С.Ю. Цехла // Цифровизация высшего образования в России: перспективы и проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 17 февраля 2022 года). – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 312–317. – EDN XCDXLX.

8. Симченко Н.А. Развитие экономики труда в цифровую эпоху: методы и технологии / Н.А. Симченко, Ф.В. Зиновьев, А.К. Ганиева. – Симферополь: ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 2022. – 260 с. – ISBN 978-5-6047623-6-3. – EDN LLWBKH.

9. Солдатова Л. И. Направления повышения эффективности использования рабочего времени и фонда оплаты труда / Л.И. Солдатова // Актуальные вопросы экономики и менеджмента в агропромышленном комплексе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Караваево, 15 ноября 2018 года). – Караваево: Костромская государственная сельскохозяйственная академия, 2019. – С. 107–112. – EDN YWIBTV.

10. Ткаченко Е.А. Особенности функционирования регионального сельского рынка труда / Е.А. Ткаченко // Проблемы и перспективы развития науки и образования: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Тверь, 14 февраля 2023 года). – Тверь: Изд-во Тверской ГСХА, 2023. – С. 31–36. – EDN BYWFTU.

11. Производительность труда работников сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в ЦФО и ДФО: факторы и эффект сдвига / Ю.И. Шмидт, И.В. Жуплей, Е.П. Задворнева, Е.В. Зайцева // Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности. – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 57–82. – DOI 10.31483/r-109692. – EDN DMZCYP.
12. Развитие экономики труда в цифровую эпоху: методы и технологии / Н.А. Симченко, Ф.В. Зиновьев, А.К. Ганиева [и др.]. – Симферополь: ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 2022. – 259 с. – ISBN 978-5-6047623-6-3. – EDN NLKXHV.
13. Самылина Ю.Н. Налоговое стимулирование развития аграрного сектора России / Ю.Н. Самылина, Е.Н. Малышева // Экономика и управление предприятиями, отраслями, комплексами на современном этапе глобализации: сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О.М. Дюжиловой, Г.Г. Скворцовой. – В 2 ч. – 2020. – С. 68–72. EDN MVTDOL
14. Шмидт Ю.И. Методика анализа использования трудовых ресурсов / Ю.И. Шмидт, А.А. Щербакова // Студенческая наука (Тверь, 14–16 марта 2023 года). – Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2023. – С. 397–400. – EDN HGQHTG.
15. Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг / З.А. Айларова, В.В. Табольская, Д.Н. Ермаков [и др.]; Бюджетное образовательное учреждение высшего образования Чувашской Республики «Чувашский государственный институт культуры и искусств»; Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. – Чебоксары: Среда, 2023. – 196 с. – ISBN 978-5-907688-52-0. – DOI 10.31483/a-10513. – EDN AAMZCM.

ГЛАВА 3

DOI 10.31483/r-115441

Бобошко Андрей Александрович

Харланов Алексей Сергеевич

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРОХОЖДЕНИЯ СВО РОССИИ НА УКРАИНЕ С УЧЕТОМ КИТАЙСКОГО ОПЫТА

Аннотация: авторы рассматривают модель российской экономики при её переходе к мобилизационному режиму. Раскрыт потенциал нанокластеров Китая как мирового лидера ИКТ и идущего американско-китайского дикаплинга в развитии Индустрии 4.0. и росте ключевых компетенций в вопросах цифровизации и эффективности национальной экономики.

Ключевые слова: дикаплинг, Россия, США, Китай, СВО, мобилизационная экономика, нанокластер, фрагментация, локализация, альтерглобализация.

Abstract: the authors consider the model of the Russian economy during its transition to a mobilization regime. To unlock the potential of China's nanoclusters as a global ICT leader and leading US-Chinese decoupling in the development of Industry 4.0 and the growth of key competencies in digitalization and the efficiency of the national economy.

Keywords: decoupling, Russia, USA, China, OWN, mobilization economy, nanocluster, fragmentation, localization, alterglobalization.

Победивший на выборах в США 47 Президент Нового Света Дональд Трамп очень молниеносно смог, почти незаметно, запустить несколько процессов, возвращения Америки к статусу «великой державы» через остановку 3-ей Ливанской войны, вывода российских войск из Сирии и через анонсирование механизма остановки российской СВО в конфликте с Украиной в течение января 2025 года, сразу же после инаугурации.

При этом риски высокой ключевой ставки ЦБ России и современная структура существующей модели российской экономики всё более трансформируются под запросы военного времени и определяют базис и надстройку, способные гармонизировать запросы общества в победе над «коллективным Западом» и сохранить приоритеты имперского развития России в фарватере достижений поступательного роста ВВП, качества жизни и безопасности граждан.

Данная модель при переходе от либерализма к государственно-монополистическому капитализму, возникшему на базе советской плановой экономики и её разбросанных по всем 15 бывшим советским республикам активов, только формируется как национально-ориентированная, освобождающаяся от клановой зависимости и институтов глобального управления. Последние получили реальную власть над всеми странами распавшейся «красной империи» через комбинации различных форм

децентрализации и декапитализации существующих реальных активов путем их преднамеренного и массового занижения с позиций стоимости и последующего реформатирования между формальными ФПГ (финансово-промышленными группами), организовавших их дальнейшее вовлечение в процессы производственных, логистических и транспортных цепочек между реальными заказчиками и оставшимися трудовыми ресурсами новой России. Эти реально обанкротившиеся факторы производства социалистической системы, фактически созданных сталинской экономикой, стали досадным недоразумением в получении доходов от их эксплуатации в стране капиталистических принципов, главные из которых свелись к обогащению, как основного свойства капитала – его непрекращающейся оборачиваемости с позиций роста качества инфраструктуры и роста инноваций для снижения издержек и сохранения конкурентных преимуществ, ранее обоснованных австрийской экономической школой Йозефа Шумпетера.

Новые владельцы криминализирующейся бизнес-среды стали реформатировать под свои интересы страну, которая утратила и идеологию, и авторитет запутавшихся вождей, показав полную несостоятельность российской элиты в её бесплодных, а потому и преступных ожиданиях растущих надежд, на кооперационное взаимодействие с Западом, который изначально продемонстрировал органическую русофобию, скрывавшуюся в периоды нашего собственного разгосударствления и уничтожения военного потенциала ВПК и советского космоса.

Даже похлопывание по плечам больших начальников от промышленной политики в вопросах необходимой диверсификации ВПК и особенно в области конверсии, начитывание лекций снижающего градуса развития прозападных гуру псевдонаучного целеполагания, с позиций равнения на Старшего англо-саксонского Брата, сопровождавшееся обильным подливанием горячительных напитков и елей лидерам нашего перестроенного развития, во времена системной утраты нашей геополитической состоятельности, не смогло отвлечь патриотов науки и образования от всё более серой и бездарной действительности, становящейся следствием догоняющего развития. Эти рекламируемые и внедряемые взгляды «дружественных партнеров» не дали возможности своевременно и твердо заменить иллюзии на реальные концепции промышленно-экономического развития в среде оборонных технологий и достижений в области космоса, саботировали попытки соответствия НТР и международной инновационной политики, что, сразу же, привело к ускорению «утечки мозгов» на Запад и в страны АТР. Упавшие темпы модернизации российской экономики при этом стали следствием манипулирования издержками колонизирующегося государства, выбравшего сырьевую основу своего дальнейшего существования под воздействием идей «золотого миллиарда», внедрившего бесперспективность и историческую обреченность советских идей культуры и просвещения, и всё более подводящих к неизбежности имплементации требований «бремени белого человека» на примере соответствия стандартам образования Болонского процесса.

Поэтому до начала СВО в феврале 2022 года страна пыталась выживать в рамках весьма умеренной валютной выручки мировых ТНК, ставших владельцами российской экономики, согласно индексу транснационализации на 87%. Никакие эксперименты по реформатированию

реальных активов, кроме их безудержной эксплуатации и минимального ремонта не допускались, что диктовалось соблюдением сроков соответствия «дорожным картам», описавшим реальное положение вещей на пространстве Российской Федерации, и предложивших заняться модернизацией инфраструктуры, ставшей критически изношенной. Именно такие заботы государства о поддержании собственной инфраструктуры за счет её модернизации и последующей цифровизации решали сразу несколько задач по улучшению качества уровня жизни граждан, снижению издержек ТНК для их перевозки ресурсов внутри и во вне России, по привлечению ПИИ в развитие отраслей, готовых переходить и на новый научно-технологический уклад Индустрии 4.0., и давать более фрагментированные цепочки производства и поставок на международные рынки, активно действующей, у нас, корпоратократии.

При этом всем очевидно, что технологическое развитие Российской Федерации характеризуется значительными контрастами между различными секторами экономики и уровнями диспропорций в имеющихся элементах имплементации со стороны научно-технического прогресса, которые очень сильно разнятся и имеют приоритеты ремонта и дофинансирования с позиций иностранных инвесторов, ожидавших перекладывания бремени своего присутствия на плечи российского государства. При этом их безусловная антипатриотическая направленность, как финансистов и капиталистических эксплуататоров российских недр и инфраструктуры, ярко выражалась в налоговых преференциальных режимах, которые были остановлены только в месяц начала СВО России. При этом полученные ими ранее многолетние гарантии своей лояльности со стороны российских властей, успели быстро и глубоко интегрировать созданные товары и услуги из РФ во внешнее пространство через технологическое управление на ранее поставленном ими же оборудовании и при полном контроле цепей поставок ТЭК на пути всего следования нефти и газа к границам Отечества. На фоне высоких достижений в отдельных областях, таких как космос, атомная энергетика и оборонная промышленность, многие гражданские отрасли испытывают дефицит технологических новшеств и инноваций, не имеют требуемого количества образованных кадров необходимого уровня компетенций, поскольку десятилетиями отечественные вузы создавали опытных технократов для «коллективного Запада», работающих в том числе и у нас, с позиций своей незаменимости и уникальности для поставляемых решений в науке, в логистике и в производстве. Такая избирательность создала структурные дисбалансы и препятствует до сих пор полноценному развитию экономики страны, не решая до конца задачи ни регионов, ни центра по вопросам геоэкономического районирования и внедрения своих собственных, национально ориентированных цепочек производства, с позиций их контролируемой кластеризации и отраслевой фрагментации, а также не позволяет массово внедрять отечественные технологии на базе существующих научных школ.

При этом советский опыт в производстве и в науке, основываясь на мощной образовательной платформе средней специальной и высшей школы, дает нам доступ к богатому научно-исследовательскому потенциалу, представленного широким спектром научных-исследовательских и аналитико-прогностических учреждений, академических и прикладных университетов и кампусов, просветительных центров по подготовке и по

переподготовке существующих кадров среднего и высшего звена управления для бизнеса и государственного строительства. Однако эффективность использования этого потенциала остается низкой, мало согласованной с практикой в регионах и не учитывающей демографические тренды в современных реалиях. Особо важно, что до сих пор у нас существуют проблемы с коммерциализацией научных разработок и их внедрением в промышленность, которую мы уже несколько раз ваучеризовали и раздавали в руки государственных, иностранных и ГЧП структур. Отсутствие налаженных связей между наукой и бизнесом, а также недостаточное финансирование научных исследований и разработок (НИОКР) приводят к тому, что многие перспективные проекты остаются нереализованными или утраченными из-за технической шпионажа, кадры продолжают искать реализацию своих возможностей приложения сил и профессиональных компетенций за рубежом, не видя реального воплощения в пакете предлагаемых сегодня решений для ВПК и для космоса своих трудовых навыков и уникальных знаний.

Сравнение текущего состояния технологического развития России с прошлыми периодами выявляет как достигнутые совпадения эволюционного сходства, так и подчеркивает значительные различия российских ученых в отличие от западных в подходах к технологическому прогрессу и научным достижениям в области развития «хай-тека» и форм аккумуляции научных знаний и прикладных разработок.

В современной России финансирование науки и технологий составляет около 1% ВВП, что значительно ниже показателей времен прошлых периодов и среднего уровня развитых стран, которые сегодня в виде единого НАТОвского ВПК противостоят российским войскам в традиционных средах и в киберпространстве. Недостаток частных инвестиций также является проблемой. Нет понимания и о ПИИ, которые могли бы помочь реверсу различных технологий и их трансферу, например с государствами «глобального Юга» через рост глокализации и с постепенной унификацией подходов к созданию высокоточных систем вооружений и гиперзвуковой техники, атомной энергетике и в ВИЭ применении, в компьютерных разработках по созданию робото-технических комплексов, систем работающих с квантовыми вычислениями, занимающихся ДЗЗ (дистанционным зондированием Земли), определяющих зрелость и актуальность научных школ, в их умениях реализовывать проекты по защите национальных интересов Российской Федерации.

В целях придания серьезного импульса для промышленного роста во всех отраслях и в креативных индустриях необходим единый подход к расчету потребности в промышленной продукции, умелое и четкое планирование задач по импортозамещению, ускорению конвергенции российских научных школ с соответствующими ведущими площадками глобальных инноваций и их прикладного внедрения в прорывных отраслях ВПК, ТЭК и космоса.

Здесь наиболее вероятным примером для сетевого взаимодействия в рамках ШОС и БРИКС могли бы стать инновационные зоны КНР, которые уже многие годы являются одними из ключевых элементов экономической и технологической стратегией лидерства Китая, направленной на стимулирование роста инновационных изделий и вхождению в тройку мировых производителей продукции военного назначения. Поэтому

предлагаемые зоны, имеющие статус нанокластеров, реализуются на стыке академических образовательных кампусов, НИИ и КБ ВПК Поднебесной, способны предложить множество преимуществ для своих резидентов. Среди этих приоритетов выстраиваются достижения скорейших результатов инновационных внедрений, которые можно получить благодаря особым режимам существования и эволюционирования подобных территорий. Они же имеют особые налоговые льготы, применяют упрощенные таможенные процедуры и несут разноуровневую поддержку предпринимателям в форме ГЧП или реализуемого государственного оборонного/космического заказа (ГОЗ) и составляют необходимый баланс высокотехнологичных предприятий сетевой кооперации со смежниками, выступающими в роли доноров таких площадок. Благодаря этим мерам, а также благодаря высокому уровню расходов на НИОКР, Китай демонстрирует значительный прогресс в возвращении и в стимулировании «ноу-хау», которые проходят патентное оформление и ориентированы в большинстве своем на ИИ и Биг Дата.

В одном из оценивающих рейтингов данной деятельности государства в рамках своего инновационного и технологического развития, в таком как Глобальный индекс инноваций, составляемым Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), Поднебесная успела доказать свою конкурентоспособную адекватность и техническую состоятельность, сделав рывок с 34-го места в 2012 г. до 12-го в 2023 г. (55,31), заняв первое место среди стран со средним уровнем дохода [1], где лидерами рейтинга долгие годы остаются Швейцария, Швеция и США. В данном ключе именно КПК показывает самый быстрый прогресс среди всех экономик планеты, ибо сочетает партийную дисциплину и государственную поддержку науки и образования в пределах требуемых затрат мировых показателей, – 2,43% (расходы на исследования и развитие), 22,64% (экспорт информационных технологий), 770 миллионов долларов США (экспорт изделий «хай-тека»), 23,12% – доля «хай-тека» в экспорте готовых изделий, 1,62 миллиона патентных заявок, где 40% составляют патенты на услуги ИИ и цифровые и облачные сервисы. Красная империя Востока остается единственной кооперационно ориентированной, и сетевым образом собранной экономикой, со средним уровнем дохода, входящей в число 20 самых развитых инновационных экономик Земли.

Таблица 1

Глобальный индекс инноваций в 2023 г. (страны с уровнем дохода выше среднего)

Позиция	Индекс инноваций
1	Китай (12)
2	Болгария (35)
3	Малайзия (36)
4	Турция (37)
5	Таиланд (43)
6	Маврикий (45)
7	Российская Федерация (47)
8	Бразилия (54)
9	Сербия (55)

Источник: составлено автором на основе данных Глобального инновационного индекса ВОИС, 2024. – URL: <https://www.wipo.int/publications/en/series/index.jsp?id=129> (дата обращения: 15.12.2024).

С 2009 г. количество национальных инновационных зон в Китае выросло с 3 до 23. При этом число высокотехнологичных предприятий увеличилось с 49 тысяч до 330 тысяч в 2022 г. [8, с. 5]

Согласно отчету статистического бюро КНР в 2023 г. на долю инновационных зон пришлось 13,4% ВВП страны, при том, что эти зоны занимают всего 2,5% земель под застройку. В 2022 г. эти объекты принесли 15,3 трлн юаней (\$2,2 трлн), по сравнению с 5,4 трлн юаней (\$775,77 млрд) в 2012 г. [12].

В инновационных зонах находится 78% национальных центров технологических инноваций и 84% ключевых лабораторий Китая, включая университетские и исследовательские лаборатории, которые финансируются федеральным правительством. Помимо этого, в них расположено более 4400 исследовательских институтов, в которых работает более 5,63 млн научных сотрудников [4].

Общий объем экспорта из зон в 2022 г. составил 24,4% от общего объема экспорта страны, по сравнению с 3,2% в 2012 г. [9].

Реальным примером по развитию инновационных зон можно считать принятие решений 20-ого съезда КПК о развитии всего Китая и его провинций на основе «дорожных карт»: «Зон новых и высоких технологий» или технопарков, и «Территорий инновационного развития» – региональных инновационных кластеров, которые территориально развивают и логистически связывают саму цифровую инфраструктуру Поднебесной, позволяя учитывать мультипликативные элементы сетевого распределения требуемых компетенций и задач по ускоренному переходу в Индустрию 4.0. на основе НБИКС-решений.

Технопарки

Согласно китайским источникам, под термином «технопарк» понимается особая экономическая зона, которая занимается разработкой и внедрением новейших технологий, а также развитием передового инновационного производства. Технопарки в большинстве случаев создаются как свободные экономические зоны, которые представляют собой совокупность научных, образовательных исследовательских и экспериментальных инновационных предприятий. В настоящее время в стране насчитывается 178 таких технопарков, которые способствуют созданию новых продуктов и являются экспериментальными площадками для институциональных и региональных реформ [5].

Создание и развитие технопарков в КНР было главным образом основано на Генеральном плане ЦК КПК под названием «Факел», принятом в 1988 г. Данная программа реализуется и по сей день и направлена на то, чтобы помочь компаниям в коммерциализации их высокотехнологичных разработок, которые способствуют росту производства товаров с использованием высоких технологий. Помимо этого, она способствует привлечению инвестиций в зоны высоких технологий и развитию региональных технопарков.

Так, благодаря данному плану уже к середине 90-х гг. произошло снижение зависимости национального высокотехнологичного производства

от ввозимых комплектующих. В первую очередь это коснулось производства IT-техники. Так, компьютеры фирмы Lenovo с 1994 г. собираются из 100% комплектующих деталей, изготовленных в Китае [3, с. 5].

В 1988 г. в Китае был создан первый национальный научный парк Чжунгуаньцунь, который в настоящее время известен как Кремниевая долина Китая КНР. В 2009 г. он был преобразован в инновационную зону [11].

Данный технопарк находится в Пекине, его площадь составляет 260 квадратных километров. В составе Чжунгуаньцунь числятся 17 парков, которые специализируются на IT, авиакосмических проектах, энергосберегающих технологиях и других важных сферах. Также здесь находятся 39 университетов, 140 исследовательских центров и более 20 тыс. высокотехнологичных предприятий. С 1996 по 2020 гг. компании технопарка подали 124 тыс. патентных заявок, ежегодный прирост заявок составил 35,1% [10].

Суммарный доход высокотехнологичных мероприятий, работающих в данном технопарке, составил более 176 млрд долларов в 2022 г. Значительный объем этих доходов пришелся на IT компании, в числе которых китайские Founder и Baidu [9].

Одним из главных преимуществ технопарков является возможность получения льготного налогового режима, аналогичного режиму в СЭЗ.

Применяемые при этом основные льготы, предоставляемые резидентам китайских инновационных парков, выглядят следующим образом:

- при условии получения статуса «высокотехнологичного предприятия», в течение первых 3-х лет деятельности компания-резидент может рассчитывать на нулевую ставку НДС. В следующие 3 года ставка составит 7,5%;
- для предприятий, которые экспортируют более 40% выпускаемой продукции, установлен пониженный налог в размере 10%;
- для высокотехнологичных предприятий, которые в отчетном году увеличили капитальные затраты на 10% по сравнению с предыдущим годом, имеют право на снижение ставки корпоративного налога на 50%;
- для сотрудников высокотехнологичных компаний устанавливается нулевая ставка подоходного налога.

Региональные инновационные кластеры

Высокотехнологичные зоны поддерживают строительство региональных инновационных кластеров передового производства, в которых зарегистрирована одна треть высокотехнологичных предприятий и две трети компаний, котирующихся на бирже SSE STAR в Шанхае (аналогом американской Nasdaq) [6].

Согласно китайским источникам, под инновационным кластером понимается система стратегического партнерства между осуществляющими исследования и разработки компаниями, венчурными фондами и учебными заведениями, которая способствует созданию синергетического эффекта в процессе совместного создания новых инновационных товаров и услуг [18].

Согласно концепции Министерства науки и технологий КНР 2001 г., китайские инновационные кластеры должны создаваться, прежде всего, за счет развития инновационных возможностей существующих промышленных кластеров, а также использования преимуществ государственных

зон технико-экономического развития и иных благоприятных территорий [17].

Существует ряд особенностей, которыми должны обладать инновационные кластеры.

1. Инновационные кластеры, в отличие от промышленных, специализируются на разработке и внедрении новых инновационных товаров и услуг.

2. Инновационные кластеры являются основой для создания единой цепочки производства инновационных продуктов, которая будет охватывать научные и производственные ресурсы широкого круга предприятия и организации.

3. Основными целями функционирования инновационных кластеров помимо создания новой производственной цепочки с использованием традиционных связей и ресурсов, также является вхождение в мировую сеть создания новых продуктов с использованием новейших технологий.

4. Важным объединяющим фактором инновационных кластеров является благоприятная обстановка для создания инноваций и многообразие форм взаимодействия его участников [17].

В 2023 г. Китай впервые возглавил рейтинг стран с наибольшим количеством ведущих научно-технологических кластеров в мире, обогнав США. Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), в Китае расположено 24 из 100 ведущих научно-технологических кластеров, тогда как в США – 21 [7].

Среди ведущих кластеров в Китае можно выделить Шэньчжэнь-Гонконг-Гуанчжоу, Пекин, Шанхай-Сучжоу и Нанкин.

Шэньчжэнь-Гонконг-Гуанчжоу

Этот кластер, включающий три города, является одним из крупнейших и наиболее динамично развивающихся технологических центров в мире. Шэньчжэнь, дом таких гигантов, как Huawei и Tencent, известен своими высокими темпами роста и значительными инвестициями в R&D, составляющими около 5% ВВП города в 2023 г. Гонконг выступает важным финансовым и инновационным центром, привлекающим международные инвестиции и поддерживающим научные исследования. Гуанчжоу фокусируется на биотехнологиях, электронике и автомобильной промышленности, что способствует его важной роли в общем кластере [15].

Пекин

Пекинский кластер включает ведущие университеты, такие как Пекинский университет и Университет Цинхуа, а также множество исследовательских институтов и стартапов. В Пекине находится более 90 государственных научных учреждений и около 1000 научно-исследовательских институтов. В 2023 г. Пекин выдал более 110 тыс. патентов, что составляет около 25% от общего числа патентов в Китае. Это свидетельствует о высоком уровне научно-исследовательской активности и инноваций в столице Китая [19].

Шанхай-Сучжоу

Данный кластер известен своими инновациями в области биотехнологий, информационных технологий и финансовых технологий. Шанхай является ведущим финансовым центром Китая, активно развивающим стартапы и технологические компании. В 2023 г. в Шанхае было зарегистрировано более 20 000 новых технологических стартапов, что подчеркивает

его важность как центра инноваций. Сучжоу, в свою очередь, фокусируется на высокотехнологичном производстве и биотехнологиях, размещая многочисленные исследовательские парки и инкубаторы, способствующие развитию новых технологий [13].

Нанкин

Нанкинский кластер активно развивает научно-технологическую базу и становится важным центром для инноваций в области материаловедения, инженерии и биомедицинских исследований. В 2023 г. Нанкин инвестировал более 60 миллиардов юаней в научные исследования и разработки. Здесь расположены такие ведущие образовательные учреждения, как Нанкинский университет и Юго-восточный университет, которые играют ключевую роль в подготовке специалистов и проведении научных исследований [16].

Эти кластеры являются яркими примерами стремительного роста и развития Китая в области науки и технологий, способствующими укреплению позиций страны на глобальной арене.

Китай планирует и дальше развивать свои инновационные зоны, стремясь укрепить свои позиции на мировом рынке технологий и повысить технологический суверенитет страны. Эти зоны играют ключевую роль в стратегиях «Сделано в Китае 2025» и «Двойной циркуляции», направленных на стимулирование внутреннего спроса и снижение зависимости от западных технологий и комплектующих в чувствительных сферах. Инновационные зоны способствуют реализации этой стратегии за счет привлечения инвестиций, стимулирования НИОКР и создания благоприятных условий для коммерциализации инноваций [2, с. 226].

Таким образом, инновационные зоны Китая являются успешным примером того, как стратегическое планирование и внедрение новых экономических механизмов могут способствовать достижению высоких результатов в технологическом развитии и экономическом росте. Опыт КНР показывает, что создание благоприятных условий для инвестиций в НИОКР, а также поддержка высокотехнологичных предприятий и стартапов могут значительно ускорить процесс инновационного развития. Благодаря комплексному подходу, включающему льготные условия для ведения бизнеса и активное государственное содействие, инновационные зоны становятся центрами притяжения для талантливых специалистов и высокотехнологичных компаний со всего мира, дают мощный импульс для победы в американско-китайском дикаплинге, который определяет дальнейшее развитие ВПК и космоса, электроники и компьютеризации, квантовых вычислений и выхода за пределы Земли в попытках построения космических баз для тайконавтов.

Учитывая существующие решения китайских инноваторов в области трансформации существующих ресурсов и применения технологий российской ВПК и экономика отечественных государственных корпораций может выстроить свои приоритеты и нанокластерные решения наряду с сетевой кооперацией стран «глобального Юга» в организации соответствующей фрагментации цепочек поставок и производств, как части реализуемой региональной политики на базе глокализационных решений и альтерглобалистского миропорядка, создаваемого на интеграционных площадках ШОС и БРИКС, активно реализуемого в развитии и евразийского континента, как части нового «центра силы».

Библиографический список к главе 3

1. Глобальный инновационный индекс // ВОИС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/publications/en/series/index.jsp?id=129> (дата обращения: 15.12.2024).
2. Куренков В.А. Стратегия «двойной циркуляции» – новый приоритет экономического развития КНР / В.А. Куренков // Человек. Социум. Общество. – 2024. – №2. – С. 226–231. EDN OZZMEX
3. Пашкова Е.В. Поиски эффективных форм управления научно-техническим прогрессом: международный опыт и возможности взаимодействия / Е.В. Пашкова // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2018. – №3. – 16 с.
4. Chengdu, Chongqing strive to become regional sci-tech innovation hub // China Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://govt.chinadaily.com.cn/s/202403/13/WS6612459e498ed2d7b7eab262/chengdu-chongqing-strive-to-become-regional-sci-tech-innovation-hub.html> (дата обращения: 15.12.2024).
5. China's high-tech zones important source of innovation, creativity // China Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202312/14/WS657a9ba31040ac301a7d4b.html> (дата обращения: 15.12.2024).
6. Listed companies on STAR Market exceeds 400 // China Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202203/22/WS623943c2a310fd2b29e52813.html> (дата обращения 15.12.2024).
7. Science and Technology Cluster Ranking 2023 // WIPO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2023/science-technology-clusters.html (дата обращения 14.12.2024).
8. Siying Yang, 2022. The Dynamic Value of China's High-Tech Zones: Direct and Indirect Influence on Urban Ecological Innovation, Land, MDPI, vol. 11(1), January, p. 1–19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ideas.repec.org/a/gam/jlands/v11y2022i1p59-d716154.html> (дата обращения 15.12.2024).
9. The Future of Digital Innovation in China: Megatrends Shaping One of the World's Fastest Evolving Digital Ecosystems // McKinsey & Company, September 30, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/the-future-of-digital-innovation-in-china-megatrends-shaping-one-of-the-worlds-fastest-evolving-digital-ecosystems> (дата обращения 15.12.2024).
10. Xu Zhengxiang, 2018. Innovation and development of Zhongguancun science park // China Intellectual Property Magazine, Dec. 2013. Issue 58. P.s 18–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinaipmagazine.com/en/journal-show.asp?id=1038> (дата обращения 15.12.2024).
11. 《中关村国家自主创新示范区促进园区高质量发展支持资金管理辦法（试行）》政策解读 // Правительство Пекина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.beijing.gov.cn/zhengce/zcjd/202209/t20220906_2809471.html (дата обращения 15.12.2024).
12. 中华人民共和国2022年国民经济和社会发展统计公报 // Национальное бюро статистики КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230228_1919011.html (дата обращения 15.12.2024).
13. 新质生产力在中国 | «研发+临床+制造+应用» 上海打造世界级生物医药产业集群 // Phoenix New Media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ifeng.com/c/8XwMcm9WWcr> (дата обращения 15.12.2024)
14. 新闻观察：国内生产总值30强城市出炉// CCTV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.cctv.com/2023/02/13/ARTIjqbH9ZblyKCS02VMugK230213.shtml> (дата обращения 15.12.2024).

15. 深圳-香港-广州»科技集群连续4年全球第2 // Новости специального административного района Шэньчжэнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sztqb.sznews.com/MV/content/202311/12/content_3141537.html (дата обращения 15.12.2024).

16. 南京：向»新»突破、向»高»攀升、向»合»共赢 // Нанкин жибао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.jstv.com/a/20240123/1705992009728.shtml> (дата обращения 15.12.2024).

17. 国家计委、科技部关于印发当前优先发展的高技术产业重点领域指南（2001年度）的通知 // Архив законодательных актов КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.110.com/fagui/law_144214.html (дата обращения 14.12.2024).

18. 创新型产业集群 // Энциклопедия Baike [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E5%88%9B%E6%96%B0%E5%9E%8B%E4%BA%A7%E4%B8%9A%E9%9B%86%E7%BE%A4/273665?fr=aladdin> (дата обращения 14.12.2024).

19. 北京一流创新生态持续优化 // Жэньминжибао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bj.people.com.cn/n2/2024/0417/c349239-40813024.html> (дата обращения 15.12.2024).

ГЛАВА 4

DOI 10.31483/r-115093

Лапшин Вячеслав Юрьевич

МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИИ В ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Аннотация: в главе акцентируется внимание на востребованности в современных условиях маркетингового инструментария в управлении развитием проблемных территориально-административных образований России. Несмотря на увеличение количества исследований отдельных аспектов маркетинга территорий (имиджа, дестинаций), наблюдается отсутствие комплексного подхода к решению проблемы оптимизации структуры экономики и обеспечения устойчивого развития именно малых городов России. Обосновывается необходимость рассматривать не отдельные направления территориального маркетинга, применительно к малым городам, а выработать единый подход к разрешению проблем отставания в развитии на основе исследования типичных представителей в данной категории. В современных условиях, определение «уникальных» рыночных позиций, на основе внедрения в управление проблемным муниципалитетом маркетинговых технологий, с последующей их «бизнес-конвертацией», наиболее оптимальное их позиционирование.

Ключевые слова: управление, малые города, маркетинг территории, мониторинг, ресурсный потенциал, стратегия, оптимизация, устойчивое развитие.

Abstract: the study focuses on the demand for marketing tools in modern conditions in managing the development of problematic territorial-administrative entities of Russia. Despite the increase in the number of studies of individual aspects of territorial marketing (image, destinations), there is a lack of a comprehensive approach to solving the problem of optimizing the structure of the economy and ensuring sustainable development of small towns in Russia. The need to consider not individual areas of territorial marketing, as applied to small towns, but to develop a unified approach to resolving the problems of development lags based on a study of typical representatives in this category is substantiated. In modern conditions, the definition of «unique» market positions, based on the introduction of marketing technologies into the management of a problematic municipality, with their subsequent «business conversion», their most optimal positioning.

Keywords: management, small towns, territorial marketing, monitoring, resource potential, strategy, optimization, sustainable development.

Актуальность исследования

Трансформация факторов роста экономики требуют не только адекватной оценки существующего экономического развития, но и определение дальнейших перспектив, формирования концептуальных основ будущих позитивных социально-экономических преобразований. В условиях

непрерывной динамики и часто неопределённости, актуально задействовать все ресурсы для учета и формирования социально-экономического прогресса.

На данном этапе генезиса основополагающую роль в устойчивом развитии России играют не только интегрированные процессы в рамках всей страны, но и определение возможностей, ресурсного потенциала (или так называемых «точек роста») отдельных территориальных образований, составляющих социально-экономический каркас государства. Именно необходимость дифференцированного подхода в отношении административных образований России, определила востребованность и такого направления в управленческой мысли как маркетинга территорий.

Следует заметить, что в настоящее время предпринимаются попытки систематизации понятийного аппарата маркетинга территорий, что также требует дальнейшего развития теоретико-методологической базы по данной проблематике.

Маркетинг территорий расширяет возможности регионального роста, так как берет на вооружение не только экономические инструменты, но и современные средства маркетинга, мультиплицируя тем самым прилагаемые усилия. Маркетинг территорий выходит за пределы чисто позитивного анализа, вовлекая инструментарий нормативного анализа, позволяя эффективно позиционировать и продвигать различную продукцию, услуги территориальных образований в отношении реальных и потенциальных потребителей.

Фактически маркетинг территорий также должен следовать общей канве общественного развития, сосредотачивая, формируя и развивая материальные и нематериальные активы. В плане маркетинга территорий материальными активами нам представляются экономические блага, которые предлагаются потребителям территориального образования (в нашем примере – малого города) – произведенные здесь товары и услуги, уровень дохода, инвестиционной отдачи в территориальное образование, социальной защищенности, экологической безопасности и т. д. Нематериальными активами мы можем рассматривать собственно имидж самого территориального образования, перспективы его развития, что не формирует благосостояние, но выступает в качестве одной из ценностных составляющих городского поселения в территориальном маркетинге.

Управление территориальным образованием, вне всякого сомнения, должно быть маркетинговым, то есть должно быть ценностно-ориентированным в отношении реальных и потенциальных резидентов данного образования, а также тех, кто заинтересован в нем, как в объекте инвестиционной активности.

При существовании общих подходов маркетинга территорий, существуют и специфические, выявляющие особенности отдельных территориальных образований. Инструментарий территориального маркетинга обладает, по нашему мнению, максимальной актуальностью в отношении, прежде всего «низко ресурсных» территориальных образований. В подавляющем большинстве к «низко ресурсным» территориальным образованиям в России можно отнести малые города, обладающие не только ограниченным ресурсным потенциалом, но и небольшим числом объектов attractiveness для потребителей.

Методы исследования

Несмотря на увеличение количества исследований отдельных аспектов маркетинга территорий (таких как развитие имиджа территорий и маркетинг дестинаций) наблюдается отсутствие комплексного подхода к проблеме активизации маркетинга малых городов. Поэтому, особую роль в методологическом обеспечении исследования определял именно комплексный подход, интегрирующий следующие общенаучные и специальные маркетинговые методы: системный, структурный, типологический, рационалистический, исторический, нормативный и позитивный, учетно-статистический, программно-целевое планирование, экспертных оценок, наблюдение и опрос. Они позволяют комплексно исследовать территориальное образование, провести классификацию и систематизацию элементов территориального маркетинга, а также разработать стратегические направления в развитии малых городов.

Кроме того, рассматривались не отдельные направления территориального маркетинга, применительно к малым городам, а осуществлялась выработка единого подхода к разрешению проблем отставания в развитии на основе исследования типичных представителей в данной категории.

Обработка фактического материала осуществлялась с помощью таких логических операций, как анализ (включая PEST- и SWOT-анализ) и синтез, индукция и дедукция, а также восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты и обобщения

Территориальный или пространственный маркетинг – это комплексная рыночно – ориентированная (т.е. в соответствии с его базовыми постулатами ориентированная на потребителей) система менеджмента территориально-административными субъектами (в нашем случае РФ) различного масштаба, основное функциональное назначение которой заключается в обеспечении их:

- сбалансированного и оптимального развития;
- устойчивых конкурентных позиций на рынке;
- эффективными технологиями продвижения территориальных «продуктов» (производимых товаров и оказываемых услуг) до различного типа потребителей;
- необходимыми условиями для максимальной реализации имеющихся на территории ресурсного потенциала и возможностей.

С позиции целого ряда авторов «маркетинг территории имеет определённую специфику, т.к. априори не может быть «универсальным» из-за различных масштабов и соответственно имеющихся потенциалов городов, регионов или стран» [5; 7].

Поэтому не случайно для территориального маркетинга актуальна структурная дифференциация на основе пространственного каркаса России, с учётом его масштаба и направлениями воздействия на него маркетинговой деятельности. «Следовательно, маркетинговое управление в рамках административно-территориального субъекта определяется, в первую очередь, его особенностями. Каждый сегмент специфичен по-своему, что обусловлено множеством факторов (географических, экономических, социальных, экологических, правовых и др.)» [3].

Невозможно оспорить и тот факт, что, например, маркетинг малых городов имеет определенные отличия от маркетинга целого региона или, уж тем более, маркетинга целой страны.

В этом отношении нам представляется возможным классифицировать маркетинг территорий и в соответствии с масштабом географического объекта, выделив тем самым следующие его уровни.

1. «Микротерриториальный» маркетинг. Данный вид территориального маркетинга охватывает локальные и небольшие обособленные территориальные образования с высокой плотностью населения. Объектами данного маркетинга являются малые города, а также другие населенные пункты с небольшим количеством населения (сельские поселения и ПГТ и др.). Понятно, что данный вид территориального маркетинга обладает самой низкой масштабностью, причём в прикладном значении некоторые населенные пункты вообще могут быть очень далеки от реализации на практике хоть каких-нибудь аспектов территориального маркетинга.

2. «Метамикротерриториальный» маркетинг. Объединяет средние и крупные города в отдельный вид территориального маркетинга в зависимости от масштаба. Главная их черта – это уже сформированный хозяйственный комплекс, больше возможностей и средств по собственному продвижению. Кроме того, они обладают определенной притягательностью в силу более доходного положения проживающего там населения, в силу возможности доступа к сравнительно большему числу благ цивилизации.

3. «Мезотерриториальный» маркетинг. Включает отдельные регионы страны, которые сочетают уже не одно единственное компактное место проживания населения (путь даже и довольно большое) с относительно высокой плотностью населения, а их совокупность, объединенную общей взаимосвязанной организацией хозяйственного комплекса. На этом уровне территориального маркетинга могут рассматриваться стратегии в отношении нескольких региональных образований. В определенной степени все территориальные субъекты данного уровня нивелируются по своему социально-экономическому развитию, по своему маркетинговому потенциалу, хотя даже в этой достаточно целостной структуре можно выделять как лидеров, так и аутсайдеров.

4. «Макротерриториальный» маркетинг. Охватывает всё государство, позиционирующее себя на мировой арене и формирует представление о нем, определенный имидж. Для некоторых стран, которые в большей степени и существуют за счет территориального маркетинга (например, курортные страны), продвижение своего имиджа является просто жизненно необходимым.

5. «Мегатерриториальный» маркетинг. Включает группировки стран и межгосударственные интеграционные объединения, например, Европейский Союз. Реализуя такой маркетинг, требуется координация усилий стран-участниц объединения, поэтому управление мега-территориальным геобрендингом чаще всего может проводиться на государственном уровне. На этом уровне требуется максимум усилий по распределению ролей и координации в осуществлении территориального маркетинга.

Такая классификация маркетинга территорий позволяет более эффективно разрабатывать концептуальные основы пространственного развития. Фактически весь комплекс маркетинга, который можно эффективно

использовать в развитии территории, определяется, в первую очередь, самим территориальным объектом, наличием определенных ресурсов, сложившейся социально-экономической инфраструктурой, административным управленческим ресурсом.

Если использовать поликритериальный подход, то структура маркетинга территорий представляется довольно неоднозначной и многогранной по своему составу и формам проявления. Маркетинг территорий в определенных случаях не может быть унифицированным, как по масштабности, о чём речь шла раньше, так и по непосредственно самому территориальному продукту, который может быть представлен несколькими формами.

Рис. 1. Структура территориального маркетинга.

В основе обеспечения «притягательности» и «устойчивого развития» территориального образования с позиции маркетинга территории заложено, прежде всего, требование адекватности мер со стороны управленческого воздействия. Процессная логика территориального маркетинга заключается в последовательной реализации и взаимосвязи в рыночной среде чёткого целеполагания» [6].

Кроме того, результативное маркетинговое управление должно одновременно исходить из комплекса оптимальных:

- управленческих воздействий;
- инструментария достижения целей;
- средств контроля за исполнением заданного алгоритма достижения цели;
- постоянной возможности, в зависимости от ситуации, для корректировки, причём на любом этапе.

«Главный функционал территориального маркетинга в данной сфере – это постоянный мониторинг ситуации, фиксация динамики и её интерпретация, соотношение выявленных возможностей с рыночной конъюнктурой и генерация оптимального для данной ситуации комплекса управленческих решений, методов и приёмов направленных на эффективное использование ресурсов территориального образования» [4].

С точки зрения проблемного поля территориального маркетинга в современной российской социально-экономической модели особо выделяется и требует оперативного вмешательства ситуация с дальнейшим развитием малых городов.

Основными причинами «депопуляции» малых городов в территориально-административной структуре хозяйственного комплекса России, как правило, выступают:

- ограниченные ресурсные возможности и низкоэффективная экономическая модель;
- узкоспециализированная структура бизнеса и прямая зависимость от градообразующих предприятий;
- технологическое отставание производственных предприятий, «старение» основных капитальных фондов и их физический износ, т.е. завершается, неоднократно продлеваемый, этап жизненного цикла машин и оборудования, созданных ещё в советский период;
- экстенсивный характер осуществляемых изменений и развития;
- отсутствие развитой инфраструктуры и низкий уровень социально-культурного обеспечения;
- низкая инвестиционно-инновационная активность;
- низкий уровень и качество жизни большей части населения;
- неблагоприятный демографический фон (старение, миграция, «утечка мозгов», превышающая естественный прирост в 2–3 раза смертность населения), девиация из трудоизбыточного пространства в трудодефицитное;
- невыгодные конкурентные позиции на рынке труда (с точки зрения, прежде всего, привлечения квалифицированных кадров) и деформация его структуры (рынок функционирует преимущественно в условиях монополии и несовершенной конкуренции).

Следствием социально-экономических деформаций и отсутствия эффективной государственной политики, как показывает проведённый мониторинг на примере городов в Тамбовской области (Моршанска, Кирсанова, Уварова, Жердевки) становится самоадаптивное, деструктивное «естественное» позиционирование малых территориально-административных образований в условиях рыночной трансформации 1992–2023 гг.

На наш взгляд, такое позиционирование в большинстве малых городов России, включает три взаимосвязанных процесса и артефакта:

- деиндустриализацию;
- депопуляцию;
- деурбанизацию.

Результаты проведенного мониторинга можно представить в виде казуальной схемы, определяющей негативные тенденции базиса территориального маркетинга, а точнее – социально-экономической сферы, в отношении рассматриваемых территориальных образований.

Рис. 2. Типичный процесс самостоятельного адаптивно-деструктивного позиционирования малых территориально-административных образований в условиях рыночной трансформации России

Всё это обуславливает, на наш взгляд, на макро- и мезоуровнях, необходимость оперативного государственного регулирования, иначе «естественная» самоадаптация к рыночному механизму (при низкой конкурентоспособности ещё советских производств) приводит в малых городах к их трансформации в ППТ или сельское поселение, а в конечном итоге к разрушению территориальной организации хозяйства и размещения населения России.

«Поэтому одной из важнейших задач современного этапа развития малых городов является повышение эффективности территориального управления, заключающееся в следующем:

- организации маркетингового управления в муниципалитете;
- системном развитии и правильном выборе приоритетов;
- оптимизации использования ресурсного потенциала и концентрации на решении ключевых задач функционирования и развития территории;
- консолидации усилий разных ведомств и организационных звеньев в решении комплексных задач;
- развитию новых форм и методов управления, которые в максимальной степени были бы адекватны, с одной стороны, процессам интеграции и глобализации, а с другой специфике территориальной конкуренции;
- формировании адаптивного механизма противодействия негативным явлениям внешней и внутренней среды» [1].

На внутреннем, местном или микроуровне системы управления, нейтрализация деструктивного позиционирования малых городов предполагает, прежде всего, внедрение маркетингового подхода при реинжиниринге бизнес-процессов, оптимизации отраслевой структуры хозяйства и на этой основе решение ключевых проблем качества жизни населения.

Главная цель здесь – это создание рыночно-ориентированной хозяйственной структуры, а основной инструмент её формирования – территориальный маркетинг. Особая роль здесь должна отводиться рыночной структуре и, прежде всего, конкурентной среде. Конкуренция препятствует монополизации рынка, также снижает цены и, вдобавок к этому, делает товары и услуги более доступными. Она стимулирует развитие инноваций, улучшает качество продукции, повышает эффективность деятельности компаний и защищает права потребителей, предоставляя всем участникам рынка равные условия для ведения бизнеса. Кроме того, конкуренция влияет на формирование цен и повышение качества продукции, так как она мотивирует продавцов эффективно использовать ресурсы и расширять доступность своих товаров или услуг.

Необходимость повышения конкурентоспособности и социальной привлекательности малого города выдвигает на передний план задачи:

- реинжиниринга бизнес-процессов;
- формирования нового ассортиментного ряда выпускаемых в малом городе товаров и услуг;
- совершенствования механизмов внутреннего ценообразования и продвижения;
- развития промышленного потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса малого города.

Маркетинговое управление позволяет найти «точки роста» даже для самых депрессивных территориальных образований. Методический инструментарий процесса внедрения территориального маркетинга предполагает последовательное проведение определенных работ. На наш взгляд, с определённой долей условности, на микро-территориальном уровне, необходимо выделить несколько основных этапов маркетингового управления территориальным образованием.

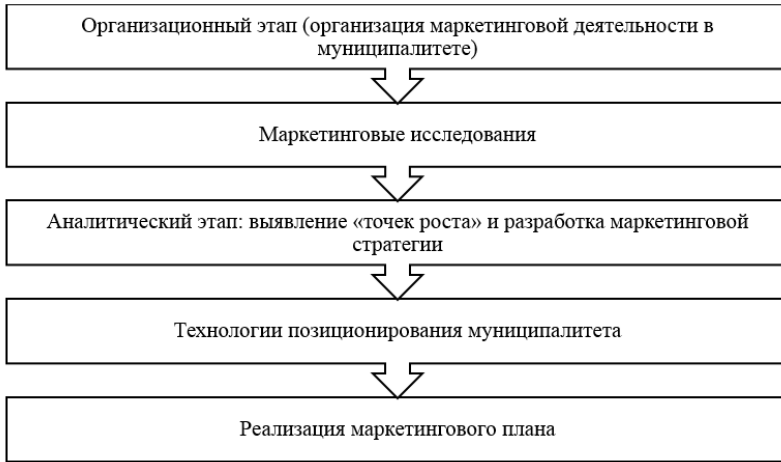

Рис. 3. Основные этапы маркетингового управления территорией.

Маркетинговое управление территорией подразумевает взаимосвязанную последовательность действий, необходимых для того, чтобы добиться положительного результата – оптимизировать использование имеющегося ресурсного потенциала, максимизировать бюджетные возможности, обеспечить рост привлекательности территориального образования и, как следствие, реальную позитивную социально-экономическую динамику.

Организационный этап – это создание рыночно-ориентированной системы управления в органе исполнительной власти, призванной осуществлять организацию и реализацию территориального маркетинга. На этом этапе происходит выявление всех субъектов территориального маркетинга на территории, проводится работа по координации усилий, возможно, создание общественной (некоммерческой) организации, призванной осуществлять конкретные мероприятия в области территориального маркетинга.

Второй этап организации территориального маркетинга должен быть ориентирован в большей степени на исследовательскую работу, а именно сбор и анализ вторичной и формирование первичной маркетинговой информации о внутренней и внешней среде территории.

Аналитический этап позволяет выявить перечень элементов, способных инициировать развитие городских поселений (т.е. «точки роста»), спрогнозировать изменения каждого из элементов внутренней и внешней среды, определить отношение субъектов территориального маркетинга к дальнейшему их генезису. Выявленные «точки роста» позволяют разработать комплексную маркетинговую стратегию, ориентированную на оптимизацию используемого ресурсного потенциала территории и максимизацию ее бюджетных возможностей.

На этапе выработки технологий позиционирования важно, «во-первых, учитывать тот факт, что позиционирование в маркетинге территорий не может быть основано на неоощуемых и воображаемых свойствах

продукта территориального маркетинга. Во-вторых, позиционирование в маркетинге территорий всегда есть суть реальных качественных преобразований, которые являются явными для потребителей продукта территориального маркетинга – бизнеса и резидентов. Поэтому выработка технологии позиционирования в маркетинге территорий должна определять реальные выгоды и перспективы, выступая таким образом, маркетинговым планом развития территории» [2].

Этап реализации плана маркетинга, который предполагает не только воплощение в жизнь разработанных конкретных мероприятий, но и постоянный мониторинг изменений внешней и внутренней среды территории с целью своевременно выявить события, тенденции, способные отразиться на реализации плана маркетинга и при необходимости скорректировать мероприятия плана маркетинга. На этапе реализации проводится текущий контроль за выполнением краткосрочных мероприятий как со стороны организационного звена в органе исполнительной власти, так и со стороны других субъектов маркетинга.

Основная миссия стратегии в данном сегменте маркетинга – это превращение малого города в само развивающуюся на инновационной основе (или структуре спроса) оптимальную систему/модель, соответствующую современным стандартам качества жизни. Она предполагает реализацию следующих стратегических целей:

- проведение неоиндустриализации экономики;
- обеспечение устойчивого развития и темпов экономического роста;
- повышение благосостояния и качества жизни населения;
- усиление конкурентных позиций территориального образования в регионе;
- укрепление репутации и имиджа города.

Основным иницирующим механизмом позиционирования и трансформации территориального образования должен стать мультипликатор привлекательности (т. е. когда одно позитивное изменение в маркетинговом управлении активно задействует принцип эмерджентности). Если, например, стимулировать инвестиционную деятельность, то мультипликатор привлекательности для трех субъектов маркетинга территорий – бизнеса, резидентов и муниципальной власти – должен обеспечить взаимосвязанную цепочку позитивных изменений

Заключение

Таким образом, в социально-экономическом контексте управление территориальным образованием, различного масштаба, должно быть маркетинговым, то есть ценностно-ориентированным в отношении реальных и потенциальных резидентов данного образования, а также тех, кто заинтересован в нём, как в объекте инвестиционной активности.

Разработанный методический инструментарий маркетингового управления территорией будет способствовать положительной динамике социально-экономических процессов территориального образования, основанных на маркетинговой концепции и взаимовыгодном сотрудничестве всех заинтересованных сторон – власти, бизнеса, резидентов территории.

Внедрение маркетинга территории предполагает последовательную реализацию нескольких основных этапов: организацию маркетинговой деятельности в муниципалитете, проведение мониторинга, выявление

«точек роста», разработку маркетинговой стратегии и управление процессом позиционирования хозяйственной системы малого города.

В основе стратегии позиционирования малых городов выработка конкурентоспособных направлений развития территориального образования. Эффективное взаимообусловленное сочетание социально-экономических преобразований и имиджевого роста административного образования определяют основные направления маркетингового территориального управления заключающегося в сочетании с активизацией мультипликатора привлекательности, представляющего собой возрастающий эффект позиционирования при надлежащих качественных управленческих преобразованиях маркетинга территорий.

Библиографический список к главе 4

1. Лапшин В.Ю. Технология организации маркетингового управления малым территориально-административным образованием / В.Ю. Лапшин, П.В. Языкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – №5 (109). – С. 165–169.
2. Лапшин В.Ю. Маркетинговое управление в обеспечении устойчивого и безопасного развития локальной туристской дестинации / В.Ю. Лапшин, И.М. Лапшина // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – №2 (60). – С. 67–71. EDN RZLEKH
3. Романишина Т.С. Маркетинг территории: сущностные характеристики и основные подходы / Т.С. Романишина // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2020. – №4 (72). – С. 155–154.
4. Тарасова Е.В. Влияние территориального маркетинга на повышение инвестиционной привлекательности региона / Е.В. Тарасова, И.Н. Свистунова // Проблемы экономики, организации и управления в России и мире: Материалы IX международной научно-практической конференции (Прага, 9 октября 2015 года). – Прага: World Press s.r.o, 2015. – С. 273–277. EDN SUWNJG
5. Чеботарев В.Е. Маркетинг территорий: учебное пособие / В.Е. Чеботарев, Д.В. Горелов. – М: Московский институт государственного управления и права, 2016. – 421 с. EDN VBFWJG
6. Языкова П.В. Современные подходы к определению категории территориального маркетинга / П.В. Языкова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – №5–6 (27–28). – С. 265–268. EDN OJLHBR
7. Ярош О.Б. Теоретические основы маркетинга территорий, его роль и место в современной экономике / О.Б. Ярош, Э.А. Митина // Маркетинг в России и за рубежом. – 2019. – №2. – С. 3–11. EDN ZLTMWG

ГЛАВА 5

DOI 10.31483/r-115347

Бекетова Ольга Николаевна

Седов Ярослав Дмитриевич

Багирова Амина Рашидовна

Лосева Евгения Сергеевна

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДА «ЗАТРАТЫ-ВЫПУСК» В ТУРИСТСКИХ РЕГИОНАХ

Аннотация: авторами обобщена информация о методологических аспектах применения метода «затраты-выпуск» для анализа социально-экономических эффектов от развития туризма в регионах. Пока основной практической проблемой остаётся поиск методов оптимизации оценки вклада туристской отрасли в экономику региона, выявление взаимосвязей между различными секторами экономики в условиях туристского спроса. В качестве методов исследования использовались системный анализ и обобщение информации. Результаты исследования позволяют заключить, что интеграция метода «затраты-выпуск» с эконометрическими моделями и сравнительным анализом позволяет более детально оценить мультипликативный эффект туристской деятельности на экономику региона, включая увеличение производства, занятости и налоговых поступлений.

Ключевые слова: метод «затраты-выпуск», макроэкономические тождества, туристский мультипликатор, межотраслевой баланс, оценка социально-экономических эффектов туризма.

Abstract: the authors summarize information on the methodological aspects of the application of the input-output method to analyze the socio-economic effects of tourism development in the regions. So far, the main practical problem remains the search for methods to optimize the assessment of the contribution of the tourism industry to the economy of the region, to identify the relationships between different sectors of the economy in terms of tourist demand. Systematic analysis and generalization of information were used as research methods. The results of the study allow us to conclude that the integration of the input-output method with econometric models and comparative analysis makes it possible to assess in more detail the multiplicative effect of tourist activity on the economy of the region, including an increase in production, employment and tax revenues.

Keywords: input-output method, macroeconomic identities, tourist multiplier, intersectoral balance, assessment of socio-economic effects of tourism.

Работа выполнена в рамках внутренней инициативной НИР.

В российском контексте использование обновленных моделей «затраты-выпуск» может решить ряд стратегических задач: повысить

региональную конкурентоспособность; выявить точки роста для туристической инфраструктуры, оптимизации распределения ресурсов; стимулировать развитие малых городов и отдаленных территорий с высоким туристическим потенциалом.

Общепризнанно, матрица «затраты-выпуск» состоит из строк и столбцов, каждый из которых соответствует определённой отрасли. Строки отражают куда направляется продукция (выпуск), а столбцы – откуда поступают ресурсы (затраты). Для туристической территории в расчёт берутся отрасли, которые наиболее тесно связаны с туризмом: гостиницы, питание, транспорт, розничная торговля, развлечения.

Таблица 1

Пример упрощённой структуры матрицы затрат-выпуска (тыс. ед.)

<i>Сектор/ потребление</i>	<i>Гостиницы</i>	<i>Питание</i>	<i>Транспорт</i>	<i>Розничная торговля</i>	<i>Развлечения</i>	<i>Конечное потребление</i>	<i>Валовой выпуск</i>
Гостиницы							
Питание							
Транспорт							
Розничная торговля							
Развлече- ния							
Затраты на импорт							

Конечное потребление измеряется через затраты туристов и местных жителей на товары и услуги. Валовой выпуск – общий объём выпуска каждого сектора, включая промежуточное и конечное потребление.

Макроэкономические тождества представляют собой базовые экономические соотношения, которые описывают баланс между затратами и выпуском, а также их влияние на экономику региона.

Общее производство (Y) в экономике равно сумме всех расходов на конечное потребление и межотраслевые связи:

$$Y = C + I + G + (X - M),$$

где:

C – потребление туристов и местных жителей;

I – инвестиции в туристическую инфраструктуру;

G – государственные расходы (например, на поддержку туризма);

X – экспорт (например, доходы от иностранных туристов);

M – импорт товаров и услуг, связанных с туризмом.

Для каждой отрасли валовой выпуск равен сумме промежуточных затрат и конечного потребления. Равенство выполняется для всех отраслей, что подтверждает правильность построения матрицы.

Макроэкономические коэффициенты, применяемые в рамках анализа матрицы «затраты-выпуск», являются важными индикаторами, позволяющими оценить уровень взаимосвязей между секторами экономики,

выявить степень их влияния на общую экономическую активность и понять динамику мультипликативных эффектов:

1. Коэффициент a_{ij} показывает, сколько продукции отрасли i необходимо для производства единицы продукции отрасли j .

$$a_{ij} = \frac{\text{Затраты отрасли } i \text{ на } j}{\text{Валовой выпуск отрасли } j}.$$

Высокие значения коэффициента указывают на сильную зависимость между отраслями.

2. Коэффициенты полных затрат (b_{ij}) учитывает как прямые, так и косвенные затраты, рассчитывается как сумма всех затрат отрасли i , связанных с выпуском отрасли j . Они показывают, сколько продукции отрасли i требуется для обеспечения выпуска единицы продукции в отрасли j , принимая во внимание все цепочки межотраслевых взаимодействий. Более высокие значения коэффициентов указывают на сильные межотраслевые связи.

3. Коэффициенты доходности (r_{ij}) отражает долю дохода, генерируемого отраслью j из затрат отрасли i , показывают, насколько эффективно отрасль использует вложенные средства.

$$r_{ij} = \frac{\text{Чистый доход отрасли } j}{\text{Затраты отрасли } i}.$$

Высокие значения r_{ij} указывают на высокую рентабельность. Транспорт, как правило, имеет высокий коэффициент доходности благодаря большим объемам перевозок туристов.

4. Коэффициент импорта (m_{ij}) измеряет долю продукции, которая импортируется для обеспечения выпуска в отрасли j . Коэффициент показывает зависимость отрасли от внешних поставок.

$$m_{ij} = \frac{\text{Импорт продукции } i}{\text{Общий выпуск отрасли } j}.$$

Высокие значения m_{ij} свидетельствуют о зависимости отрасли от импорта, что может быть угрозой для устойчивости региона, если логистические цепочки нарушены.

Туристский мультипликатор представляет собой величину коэффициента косвенного влияния туризма на смежные отрасли экономики и социальной сферы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Данный феномен проявляется наиболее существенно по причине специфической природы туризма, а также наличия парадокса «невидимого экспорта». В современном понимании мультипликативный эффект отражает способность туристских расходов создавать дополнительный доход в экономике региона путем их многократного обращения. Особенность данного процесса заключается в том, что первоначальные расходы туристов

создают волновой эффект, стимулирующий развитие различных секторов региональной экономики [2, с. 56].

Мультипликативный эффект в туризме – это ключевой показатель, отражающий, насколько изменения в затратах или инвестициях в эту отрасль приводят к изменениям в выпуске и доходах других отраслей экономики. Он состоит из трёх основных компонентов: прямого, косвенного и индуцированного эффекта. Рассмотрим каждый из них более подробно с применением данных для туристической территории.

Прямой эффект относится к изменениям в выпуске и доходах, непосредственно возникающих в результате деятельности определённого сектора экономики. В контексте туризма это затраты туристов на услуги и продукцию целевого региона (расходы туристов на проживание в гостиницах, оплата питания в ресторанах, покупка билетов на экскурсии и культурные мероприятия, затраты на транспорт (такси, аренда автомобилей, билеты на общественный транспорт). Прямой эффект возникает от непосредственных расходов туристов на приобретение услуг и товаров в дестинации. Эти расходы генерируют доход предприятий туристской индустрии, создают рабочие места и обеспечивают налоговые поступления в местный бюджет [1, с. 34]. Значимость прямого эффекта определяется не только объемом первичных туристских расходов, но и структурой потребления туристских услуг в регионе.

Косвенный эффект формируется за счёт взаимодействия между секторами, поддерживающими основную деятельность, что связано с дополнительным спросом, возникающим у поставщиков товаров и услуг для обслуживания туристической деятельности (гостиницы закупают постельное бельё у текстильных фабрик и продукты у фермеров; рестораны заказывают местные продукты питания (мясо, овощи, молоко); транспортные компании покупают топливо и запчасти для обслуживания транспорта).

Косвенные эффекты демонстрируют, что туристическая активность стимулирует другие сектора экономики. Например, гостиницы генерируют значительный спрос на текстиль, а рестораны – на продукцию сельского хозяйства.

Индуцированный эффект – дополнительные изменения в экономике, возникающие из-за роста доходов работников, занятых в туристической отрасли и связанных секторах. Работники тратят свои доходы на товары и услуги, что вызывает дальнейший рост экономической активности (сотрудники гостиниц и ресторанов покупают продукты, бытовую технику и другие товары, работники транспортных компаний инвестируют в недвижимость или оплачивают образовательные услуги). Индуцированный эффект часто оказывает длительное воздействие на экономику, так как рост доходов домохозяйств стимулирует потребление и инвестиции.

Мультипликативный эффект от деятельности на целевой территории представляет собой сложную взаимосвязанную систему прямых, косвенных и индуцированных воздействий на экономику. Туризм является мощным инструментом стимулирования экономического роста, так как он создаёт значительное количество рабочих мест, увеличивает доходы регионов и поддерживает смежные отрасли. Для максимизации мультипликативного эффекта необходимо инвестировать в инфраструктуру, поддержку местных производителей и развитие человеческого капитала.

Прямое влияние туризма на экономику региона проявляется через расходы туристов на покупку услуг и товаров туризма.

Деньги, потраченные туристами в месте пребывания, создают доход, который приводит к цепной реакции: расходы – доходы – расходы – доходы. Этот процесс означает косвенное влияние туризма на экономику региона, генерируя вторичный спрос на товары и услуги. При этом важно отметить, что каждый последующий цикл расходования средств создает дополнительную экономическую активность, хотя и с постепенно уменьшающейся интенсивностью [4, с. 13].

Косвенный мультипликативный эффект формируется через цепочку последующих транзакций в экономике региона. Например, гостиницы пользуются услугами строителей, коммунальных организаций, банков, страховых компаний, производителей пищевых продуктов. Таким образом, генерированная экономическая активность, полученная из этих последовательных этапов расходования, создает дополнительный экономический эффект. Существенную роль в формировании косвенного эффекта играет степень интеграции туристского сектора с другими отраслями региональной экономики.

Все методики расчёта мультипликативного эффекта схожи в том, что он состоит из прямого вклада туризма в экономику, косвенного и вынужденного воздействия. Согласно рекомендациям статистической комиссии ВТО, туристский мультипликатор рассматривается как измерение экономических выгод от туризма в части воздействия на валовой внутренний продукт через туристские расходы. Методология расчета учитывает не только прямые поступления от туристской деятельности, но и всю цепочку межотраслевых взаимодействий.

В современной научной литературе выделяют четыре основные модели мультипликаторов:

мультипликатор доходов, отражающий дополнительные доходы, созданные в экономике благодаря туристским расходам;

мультипликатор продаж, показывающий дополнительный оборот предприятий, связанный с туристскими расходами;

мультипликатор занятости, характеризующий количество рабочих мест, созданных благодаря развитию туризма;

мультипликатор производства, отражающий дополнительное производство, стимулированное туристскими расходами.

Для повышения мультипликативного эффекта от туризма в регионе требуется развитая туристская инфраструктура, наличие высокоаттрактивных туристских ресурсов, эффективная рекламная стратегия и разумная ценовая политика [3, с. 20]. Важным фактором также является способность региональной экономики удовлетворять возросший спрос на товары и услуги без существенного увеличения импорта.

Для оценки социально-экономических эффектов от развития туризма применяются различные традиционные количественные, качественные и комбинированные методы анализа, обеспечивающие получение надежных и достоверных данных, охватывающих разные аспекты воздействия туризма на экономику, общество, окружающую среду и культуру [5, с. 102].

К количественным методам оценки относят мультипликативный анализ, построение межотраслевого баланса, эконометрическое моделирование, анализ затрат и выгод, модели общего равновесия (CGE-модели), анализ регрессионных зависимостей.

Социологические опросы и интервью, фокус-группы, SWOT-анализ, экспертные оценки, метод изучения конкретных примеров (кейсов), анализ документов и вторичных данных представляют собой основные качественные методы оценки эффектов.

Анализ жизненного цикла, GIS-анализ можно выделить в качестве основных комбинированных методов оценки эффектов развития туризма.

Сезонность в туристической активности определяется колебаниями спроса в зависимости от времени года, культурных событий, погодных условий и других факторов. Для анализа сезонности применяются:

1) временные ряды для анализа динамики данных (ежемесячные или еженедельные данные);

2) коэффициенты сезонности, рассчитанные на основе отклонений фактических показателей от среднегодовых значений;

3) индексы сезонной активности, позволяющие оценить интенсивность туристических потоков в разные периоды.

Для анализа сезонных и временных колебаний используются следующие источники:

- данные статистических служб (число прибытий, занятость гостиниц, доходы предприятий),

- опросы туристов (в пиковый и непииковый сезоны),

- биг-дата, включая онлайн-бронирования и транспортные потоки,

- информация о событиях и фестивалях, которые влияют на краткосрочные всплески активности.

Среди основных методов учета сезонных и временных колебаний.

1. Сегментация данных. Для учета сезонных изменений туристическая активность делится на:

- пиковые периоды: периоды максимального спроса (летние месяцы для пляжных курортов или зимние для горнолыжных регионов);

- непииковые периоды: время снижения туристической активности;

- переходные периоды: межсезонье, характеризующееся постепенным изменением спроса.

Разделение данных позволяет выделить особенности спроса и экономической деятельности в каждом периоде.

2. Построение моделей временных рядов. Для прогнозирования сезонности используются методы временных рядов, включая:

- аддитивные модели: предполагающие, что сезонные, трендовые и случайные компоненты складываются;

- мультипликативные модели: учитывающие, что сезонный эффект пропорционален общей активности;

- ARIMA-модели (авторегрессионные интегрированные скользящие средние): для учета трендов и случайных факторов.

3. Корректирующие коэффициенты.

Для адаптации данных к реальным условиям используются корректирующие коэффициенты, которые рассчитываются на основе исторических данных: коэффициенты сезонности для различных отраслей туризма; коэффициенты временных колебаний для учета краткосрочных событий (фестивалей или спортивных мероприятий).

Для летних курортов характерен резкий рост туристического потока в июне-августе. Учет сезонности позволяет прогнозировать доходы предприятий и планировать затраты на инфраструктуру.

В зимний сезон туристическая активность в горнолыжных регионах резко возрастает, что требует учета сезонных трендов в построении таблиц «затраты-выпуск» для оценки вклада туризма в экономику.

Кратковременные колебания, вызванные массовыми мероприятиями, фестивалями и событиями, создают необходимость учета временных всплесков активности в прогнозировании туристических потоков.

Учет сезонных и временных колебаний в туристической активности позволяет:

- повысить точность экономических моделей, таких как «затраты-выпуск»;
- прогнозировать спрос на туристические услуги и оптимизировать использование ресурсов;
- планировать мероприятия по управлению инфраструктурой и смежными отраслями в зависимости от сезонных колебаний.

Однако существующие ограничения, такие как неполные данные или влияние непредсказуемых событий (например, пандемий или природных катастроф), требуют дополнительного совершенствования методов анализа.

Перечисленные методы могут быть интегрированы в экономические модели, такие как затраты-выпуск, для более точной оценки влияния туризма на региональную экономику.

Изученный нами материал позволил сформулировать принципы построения модели оценки социально-экономических эффектов туристско-рекреационной территории и инфраструктурных элементов туризма.

Перечислим основные.

1. Комплексность, системность и многогранность учёта ключевых социально-экономических эффектов туризма, включая прямые, косвенные и вынужденные эффекты, а также взаимодействие между различными секторами экономики. Каждый из этих эффектов должен быть моделируемым на основе объективных и актуальных данных. Принципы комплексности предполагают оценку всех видов воздействий туризма и выявление взаимосвязей между эффектами – экономическими, социальными, экологическими, культурными и инфраструктурными аспектами жизни региона. Системные подходы важны для моделирования взаимосвязей между секторами экономики.

2. Многоуровневость. Оценка должна проводиться на нескольких уровнях (региональном, муниципальном, отраслевом), чтобы учесть специфику и потребности разных территорий и секторов экономики. Важно учитывать, как региональная модель взаимодействует с федеральной и международной.

3. Использование междисциплинарного подхода через интеграцию данных из различных областей, таких как экономика, экология, социология, право, и технологии, чтобы обеспечить всесторонний и многогранный анализ. Имеет место быть включение факторов занятости, экологических воздействий и социальных изменений необходимо для получения точных результатов.

4. Гибкость и адаптивность, модель может работать с обновляющимися данными в режиме реального времени.

5. Интерактивность и прогнозируемость на основе текущих данных, а также есть возможность сценарного анализа для определения

оптимальных стратегий развития. Прогнозы должны быть основаны на моделях «затраты-выпуск», мультипликаторов и других экономических инструментов.

6. Учет правовых и институциональных аспектов посредством интеграции правовой составляющей, то есть учитывать существующие нормативные акты и регулирующие органы, которые могут повлиять на результаты оценки.

7. Учет экологических, социальных и культурных аспектов. Оценка эффектов должна учитывать принципы устойчивого развития, долгосрочные последствия развития туризма. Туристские потоки и их эффекты могут изменяться со временем, поэтому оценка адаптируется к динамике изменений в краткосрочной и долгосрочной перспективе с целью выбора соответствующих ситуации мер регулирования. При этом оценка учитывает специфику территории для развития туризма: в экологически уязвимых регионах основное внимание уделяется оценке экологических рисков, в то время как в регионах с высоким уровнем бедности – социальным и экономическим аспектам. Считаем, что практическая реализация перечисленных принципов позволяет разрабатывать эффективные стратегии управления и регулирования отрасли.

Таким образом, метод «затраты-выпуск» предоставляет эффективный инструмент для анализа влияния туризма на экономику региона. Однако его успешная реализация требует тщательного подхода к сбору и обработке данных, а также учета сезонных и временных колебаний, что позволяет получать точные и актуальные результаты для управления развитием туристской территории. Значимым фактором успеха инфраструктурных решений является обеспечение их всесезонности. Создание всепогодных туристских объектов и развитие крытых развлекательных комплексов позволяет снизить сезонные колебания туристского потока на 35–40% и обеспечить стабильную загрузку туристской инфраструктуры в течение всего года.

Следует отметить сравнительный анализ регионов как важный инструмент для оценки туристической активности и её влияния на экономическое развитие. Он позволит выявить закономерности, зависимости и ключевые факторы успеха, а также определить лучшие практики для их адаптации к различным условиям.

На первом этапе следует проводить сбор данных по регионам, что включает в себя анализ туристического потока, который охватывает количество посетителей, их расходы и среднюю продолжительность пребывания. Дополнительно изучается вклад туризма в валовой региональный продукт (ВРП) и уровень занятости в туристическом секторе и смежных отраслях. Анализ собранных показателей позволит оценить влияния на экономическое развитие. На базе подхода «затраты-выпуск» выявляются закономерности, зависимости и ключевые факторы успеха, а также определяются лучшие практики для их адаптации к различным условиям. Далее необходимо проводить сравнение ключевых показателей по регионам, анализировать данные о туристической активности и её экономическом эффекте. Даже при одинаковом количестве туристов разные регионы могут демонстрировать различные мультипликативные эффекты, что может быть связано с инфраструктурой, качеством предоставляемых услуг или управленческими подходами.

Особое внимание следует уделять учету уникальных характеристик регионов. Природные ресурсы, культурное наследие и инфраструктурные особенности каждого региона в идеале должны анализироваться более тщательно для определения их вклада в экономическую эффективность туризма.

Выявление лучших практик и их адаптация к конкретным условиям позволят улучшить результаты в других регионах. Развитие уникальных туристических продуктов, таких как этнотуризм или экотуризм, может повысить привлекательность региона. Модернизация инфраструктуры для улучшения качества обслуживания или создание благоприятных условий для привлечения частных инвесторов также являются эффективными стратегиями.

Опыт успешных регионов можно адаптировать для других территорий с учётом их особенностей. Методы продвижения местной кухни и организации гастрономических фестивалей, применяемые в одном регионе, могут быть внедрены в другом регионе с похожими ресурсами, чтобы привлечь аналогичную аудиторию.

В условиях конкурентной борьбы между регионами важно учитывать их уникальные преимущества, такие как природные ресурсы, климатические условия или исторические достопримечательности. Это позволяет развивать туризм более целенаправленно, делая регион привлекательным для инвесторов и туристов.

Методология анализа косвенных эффектов туризма, основанная на матрицах «затраты-выпуск» и сравнении регионов, позволяет глубоко понять влияние туризма на экономику и общество. Эконометрические модели дают количественные оценки, а сравнительный анализ помогает выявить и применить успешные стратегии. Такой комплексный подход является важной основой для стратегического планирования в сфере туризма и развития региональной экономики.

Библиографический список к главе 5

1. Виноградова М.В. Социально-экономическое влияние развития регионального туристского комплекса на экономику региона / М.В. Виноградова // Сервис в России и за рубежом. – 2010. – №1. – С. 132–140. EDN MLHNMJ
2. Гуляев В.Г. Мультипликативный эффект в туризме / В.Г. Гуляев // Вестник РМАТ. – 2011. – №3. – С. 54–64. – EDN QCAACJ
3. Евграфова Л.В. Методологические подходы к оценке мультипликативного эффекта туризма в экономике / Л.В. Евграфова // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т. 16. №5. – С. 11–20. – DOI 10.5281/zenodo.7393825. – EDN JXOTMI
4. Зулфакарова Л.Ф. Туристско-рекреационный кластер – оптимальный объект для реализации механизма государственно-частного партнерства / Л.Ф. Зулфакарова, Э.Р. Ахметшина // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – №3. – С. 13–16. – EDN WTPMER
5. Игнатенко М.Н. Особенности реализации Стратегии развития туризма в Российской Федерации на региональном уровне / М.Н. Игнатенко, А.А. Куликова, О.С. Третьякова // Стратегия как инструмент социально-экономического развития региона: от разработки к реализации: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (14 апреля 2022 года) / Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул: Пять плюс, 2022. – С. 101–104. EDN INYXZR

ГЛАВА 6

DOI 10.31483/r-115583

Федорова Ирина Анатольевна

Дашян Сильви Гариковна

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕДЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА

Аннотация: в главе рассматриваются возможности продолжения деятельности при банкротстве через процедуры финансового оздоровления и внешнего управления. Акцентируется внимание на применении таких механизмов, как перевод обязательств, привлечение инвесторов, реструктуризация долгов и продажа бизнеса.

Ключевые слова: банкротство, финансовое оздоровление, внешнее управление, перевод обязательств, новое юридическое лицо, судебная практика, собрание кредиторов, продолжение деятельности, реструктуризация.

Abstract: this chapter discusses the possibilities of continuing activities during bankruptcy through financial recovery and external management procedures. Attention is focused on the use of mechanisms such as transfer of obligations, attracting investors, debt restructuring and business sale.

Keywords: bankruptcy, financial rehabilitation, external management, transfer of obligations, new legal entity, judicial practice, creditors' meeting, continuation of activities, restructuring.

Процедуры банкротства в рамках российского законодательства, регулируемые Федеральным законом от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], направлены на восстановление платежеспособности должника или справедливое удовлетворение требований кредиторов. Эти механизмы направлены на обеспечение баланса интересов сторон и предотвращая необоснованное прекращение деятельности организаций.

Актуальность темы обусловлена тем, что, несмотря на запуск процедур банкротства, законодательство допускает возможность продолжения финансово-хозяйственной деятельности компании. Более того, сохранение бизнеса может быть выгодным как для должника, так и для кредиторов, особенно на этапах финансового оздоровления и внешнего управления.

Процедуры банкротства в Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Этот нормативный акт устанавливает порядок признания должника несостоятельным, механизмы удовлетворения требований кредиторов и меры, направленные на сохранение платежеспособности организации. Согласно закону, банкротство представляет собой признанную арбитражным судом неспособность должника удовлетворить требования кредиторов в полном объеме. Однако сам факт введения процедуры

банкротства не означает немедленного прекращения финансово-хозяйственной деятельности организации. Напротив, законодатель предусматривает возможность продолжения операций на определенных этапах с целью восстановления платежеспособности.

Ключевые этапы процедур банкротства включают [2]:

– наблюдение – стадия, на которой проводится анализ финансового состояния должника. В этот период вводятся ограниченные меры контроля, но компания продолжает работать;

– финансовое оздоровление – предусматривает разработку и реализацию плана по восстановлению платежеспособности. Основное внимание уделяется обеспечению текущей деятельности и частичному погашению задолженности;

– внешнее управление – назначение арбитражным судом внешнего управляющего, который берет на себя руководство компанией, минимизирует издержки и реализует меры по восстановлению ее финансового состояния;

– конкурсное производство – процесс реализации имущества должника с целью удовлетворения требований кредиторов;

– мировое соглашение – добровольное урегулирование спора между должником и кредиторами на любой стадии.

Особое значение для сохранения финансовой деятельности имеют стадии финансового оздоровления и внешнего управления, так как именно на этих этапах организация может продолжать функционировать под контролем временной администрации или арбитражного управляющего. Закон также подчеркивает важность взаимодействия с кредиторами, чьи права защищаются через механизмы согласования ключевых решений. Например, для перевода договоров на новое юридическое лицо требуется согласие большинства кредиторов, что снижает риски нарушения их интересов. Таким образом, российское законодательство о банкротстве предоставляет должнику возможность не только сохранить финансовую деятельность, но и реализовать меры по восстановлению платежеспособности, минимизируя негативные последствия как для бизнеса, так и для кредиторов.

Финансовое оздоровление и внешнее управление являются важнейшими этапами процедуры банкротства, позволяющими должнику продолжить свою деятельность и попытаться восстановить платежеспособность. Эти этапы ориентированы на сохранение бизнеса и защиту интересов кредиторов, при этом должник может избежать ликвидации.

Финансовое оздоровление вводится арбитражным судом с учетом решения собрания кредиторов, если имеется реальная возможность восстановления платежеспособности должника. На этом этапе создается план финансового оздоровления, который предусматривает реструктуризацию долгов и определяет меры по восстановлению финансового положения компании. План включает график погашения задолженности и возможные источники для ее покрытия. Важным аспектом является контроль за деятельностью должника со стороны временного управляющего, который осуществляет надзор за соблюдением условий плана восстановления. Должник сохраняет право вести свою деятельность, однако крупные сделки требуют согласования с временным управляющим. Цель

финансового оздоровления – восстановление платежеспособности компании и минимизация ущерба для кредиторов.

Внешнее управление вводится в случае, если финансовое оздоровление не дало результатов или изначально признано невозможным. Внешний управляющий, назначаемый арбитражным судом, берет на себя управление компанией, замещая органы управления должника. Задачи внешнего управления включают: разработку и реализацию плана восстановления платежеспособности компании, реструктуризацию долгов и оптимизацию активов, минимизацию финансовых потерь, сохранение бизнеса и рабочих мест. Внешнее управление направлено на восстановление компании в условиях, когда текущие органы управления не способны эффективно решить финансовые проблемы. На этом этапе внешнему управляющему предоставляются широкие полномочия для осуществления необходимых мер по реорганизации бизнеса и реструктуризации обязательств. Он имеет право изменять условия договоров, сокращать затраты и ликвидировать непрофильные активы. Однако все ключевые решения должны быть согласованы с кредиторами.

Таким образом, финансовое оздоровление и внешнее управление позволяют должнику продолжать свою деятельность и предпринимать меры по восстановлению платежеспособности, избегая банкротства и последующей ликвидации компании. Эти этапы являются важным инструментом для обеспечения интересов как должника, так и кредиторов в рамках процедуры банкротства.

Одним из инструментов, позволяющих сохранить бизнес в условиях банкротства, является перевод обязательств и активов на новое юридическое лицо. Этот механизм используется для минимизации убытков, сохранения рабочей деятельности и выполнения обязательств перед кредиторами. Однако в российском праве реализация такой процедуры строго регулируется, чтобы не допустить ущемления интересов кредиторов.

В соответствии со статьей 61.2 Федерального закона №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», перевод активов и обязательств на новое юридическое лицо возможен только с согласия кредиторов. Кроме того, положения статьи 391 Гражданского кодекса РФ устанавливают, что перевод долгов на третье лицо (в данном случае – новое юридическое лицо) требует письменного согласия кредиторов. При этом кредиторы вправе требовать предоставления гарантий, подтверждающих платежеспособность нового должника, либо отказать в переводе долга, если это ухудшит их положение.

Продолжение финансовой деятельности организации в процедуре банкротства требует проведения анализа подозрительных операций, которые в соответствии с законодательством могут быть оспорены в арбитражном суде. Подозрительными считаются сделки, направленные на причинение ущерба имущественным правам кредиторов или заключенные на условиях, явно невыгодных для должника. Эти сделки могут разграничиваться по объективным и субъективным критериям.

Объективным критерием является неравномерное возмещение, когда стоимость передаваемого имущества или иных обязательств должника значительно превышает стоимость возмещения. Закон не определяет конкретные суммы превышения, оставляя эту задачу на усмотрение суда,

который учитывает обстоятельства каждой сделки. Особый порядок применяется к сделкам, подлежащим государственному регулированию цен. В таких случаях критерием признания сделки подозрительной является продажа имущества, услуг или работ по ценам ниже установленных законом пределов.

Субъективный критерий связан с целью причинения ущерба кредиторам. Для признания сделки подозрительной в данном контексте необходимо доказать, что другая сторона сделки знала о намерении должника причинить вред. Признаком таких сделок является реальный ущерб имущественным правам кредиторов, проявляющийся, например, в продаже имущества по заниженной цене или в создании условий, препятствующих погашению долгов. Несомненно, стоит подчеркнуть важность оценки рыночной стоимости имущества и условий его реализации для определения убытков.

Закон о банкротстве уделяет особое внимание сделкам, участниками которых являются руководители должника, члены его органов управления, а также их близкие родственники. При признании таких участников заинтересованными суды учитывают положения корпоративного права, антимонопольного законодательства и иных федеральных законов. Подозрительные сделки с участием участников также могут быть оспорены, если будет доказано, что они нарушают интересы кредиторов.

Государственное регулирование цен играет важную роль в определении подозрительности сделок. Установление максимальных цен, тарифов и надбавок на товары или услуги социального значения помогает минимизировать риск причинения вреда кредиторам. Однако сделки, осуществляемые по ценам ниже этих пределов, могут быть отнесены к неэквивалентным, что является основанием для их оспаривания. Таким образом, правовое регулирование подозрительных сделок в производстве по делу о несостоятельности направлено на защиту конкурсного имущества и интересов всех кредиторов. При этом закон наделяет арбитражные суды широкими полномочиями по оценке сделок с учетом конкретных обстоятельств, конъюнктуры рынка и целей защиты имущественных прав участников процесса [6].

Один из вариантов восстановления платежеспособности – перевод обязательств на новое юридическое лицо осуществляется в рамках плана финансового оздоровления или внешнего управления. Эта процедура может включать следующие этапы:

- разработка плана, который предусматривает создание нового юридического лица и передачу ему части или всех обязательств;
- согласование условий с кредиторами, включая сроки и формы погашения долгов;
- передача активов и обязательств новому юридическому лицу на основании договора;
- утверждение изменений в арбитражном суде.

Для успешного перевода обязательств должник и управляющий должны убедить кредиторов, что новое юридическое лицо способно выполнять взятые на себя обязательства. Это может быть обеспечено представлением гарантий, залогов или подтверждения наличия устойчивого финансового положения.

На примере дела №А40-271091/2021 [3] рассмотрим неудачную процедуру перевода обязательств и активов на новое юридическое лицо. Руководитель должен был подать заявление о банкротстве ООО «Сотис», в связи с просрочкой по договору о взыскании задолженности ООО «Строймонтаж инжиниринг» в 13 327 728 рублей. Однако он заявления не подал, хотя его компании была неплатежеспособна. Также у компании ООО «Сотис» имелись невыполненные обязательства перед рядом других контрагентов. Вместо этого руководитель образовал новое юридическое лицо клон ООО «С-ЮНИТ», которое занималось аналогичной деятельностью с компанией ООО «Сотис». Фактически смена юридического лица прошла формально. Перевод бизнеса на другое юридическое лицо привело к тому, что должник был лишен всех активов и возможности рассчитаться по долгам перед своими кредиторами. А новая компания ООО «С-ЮНИТ» именно в 2020 году начала получать прибыль, что также подтверждает переход проектов, заказов, клиентов, имущества от одного юридического лица к другому. Переведя деятельность на новое юридическое лицо, руководитель прекратил деятельность в компании-должнике, чтобы не отвечать по обязательствам перед кредиторами. По данному делу суд вынес следующее решение: привлечь к субсидиарной ответственности руководителя и взыскать с него 13 327 728 руб. в пользу ООО «Строймонтаж инжиниринг».

Если бы руководитель подал заявление о банкротстве и в рамках процедуры банкротства было бы получено одобрение собрания кредиторов на перевод обязательств и активов на новое юридическое лицо, это могло бы привести к успешному урегулированию долговых обязательств. Однако руководитель решил не исполнять свои обязательства и учредить новую организацию с аналогичной деятельностью, что является правонарушением.

Перевод активов и обязательств на новое юридическое лицо во время процедур банкротства имеет несколько целей и выгод, как для должника, так и для кредиторов. Это не просто создание аналогичной организации, а попытка сохранить активы, рабочую деятельность и минимизировать убытки. Основные предпосылки принятия такого решения:

1. Создание нового юридического лица позволяет сохранить жизнеспособные части бизнеса. Если компания в целом испытывает финансовые трудности, то иногда бывает так, что отдельные направления или активы остаются прибыльными и могут продолжать приносить доход. Перевод таких активов на новое лицо позволяет сохранить бизнес, рабочие места и ключевых клиентов.

2. Если все активы компании-должника будут изъяты в рамках конкурсного производства, бизнес прекратит свое существование. Перевод части активов и обязательств позволяет избежать полного прекращения деятельности компании, сохраняя перспективные проекты и ресурсы.

3. Новое юридическое лицо берет на себя только те обязательства, которые оно способно выполнить. Это облегчает бремя долгов, которые лежат на изначальном должнике, и создает условия для более эффективного управления финансами.

4. Кредиторы соглашаются на перевод обязательств, если новое юридическое лицо демонстрирует свою способность погасить долг. В этом

случае кредиторы получают больше шансов вернуть свои средства, чем при ликвидации должника.

5. Новое юридическое лицо может начать работать с «чистого листа», избавившись от репутации компании-банкрота. Это облегчает привлечение новых партнеров, инвесторов или клиентов.

6. Создание нового юридического лица позволяет начать деятельность с упрощенной организационной структурой, без старых обязательств, конфликтов или спорных активов, что ускоряет процесс восстановления бизнеса.

В российском законодательстве и практике существуют другие механизмы, позволяющие компании продолжать и оптимизировать свою деятельность в условиях банкротства.

Привлечение стратегических или финансовых инвесторов возможно на этапах финансового оздоровления и внешнего управления. Инвесторы могут вносить средства в бизнес, получать долю в компании или её активах, взамен обеспечивая средства для погашения долгов и восстановления платежеспособности. Реструктуризация долгов, согласованная с кредиторами, позволяет компании перераспределить финансовую нагрузку и продолжать деятельность. Это может включать: изменение графика платежей; списание части задолженности; конвертацию долгов в акции компании. В рамках процедуры внешнего управления или конкурсного производства бизнес может быть продан целиком как имущественный комплекс. Это позволяет: сохранить активы компании в едином виде; передать обязательства новому собственнику; продолжить деятельность под новым управлением. Этот подход особенно актуален для крупных предприятий, чья ликвидация может привести к социальным или экономическим последствиям.

Обратимся к делу № А26-3360/2016 [5], рассматриваемому в Арбитражном суде Республики Карелия относительно иска Александра Владимировича Ижболдина и Константина Витальевича Раевского к ОАО «Кондопога» (Республика Карелия). Истцы оспаривали решения общего собрания общества от 22 января 2016 года, в частности, о внесении изменений в устав и увеличении уставного капитала общества путем дополнительной эмиссии акций.

Ижболдин и Раевский утверждали, что данные решения были приняты с нарушениями, которые могли затронуть их права как акционеров общества, а также противоречили принципам законности, правопорядка и нравственности. Они ссылались на положения Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности, на статьи 10, 163, 181.1 и 181.5, регламентирующие порядок принятия решений и их возможную недействительность. Однако истцы не представили доказательств заявленных ими нарушений и не смогли доказать злоупотребление правами со стороны других акционеров.

Важным моментом стало то, что решение о дополнительной эмиссии акций было принято в период внешнего управления ОАО «Кондопога». Суд установил, что решение собрания акционеров соответствовало требованиям законодательства, в том числе о наличии необходимого кворума, и не нарушало права истцов. Кроме того, такие действия были предусмотрены планом внешнего управления, что позволило обществу провести

дополнительную эмиссию акций, несмотря на неплатежеспособность общества.

Суд также установил, что решения собрания акционеров были удостоверены в соответствии с законом, а протокол голосования был надлежащим образом зафиксирован и подтвержден регистратором. В результате суд пришел к выводу о необоснованности требований истцов и отказал в удовлетворении их требований.

Таким образом, суть дела А26-3360/2016 заключалась в том, что в случае неплатежеспособности общества и в рамках внешнего управления могут быть приняты решения, например, о дополнительной эмиссии акций, если это предусмотрено планом внешнего управления.

Самостоятельный интерес представляет деятельность банков в период проведения процедур банкротства. Продолжение финансовой деятельности банка в ходе процедуры банкротства в Российской Федерации регулируется рядом нормативных актов, в том числе Федеральным законом №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и Федеральным законом №86-ФЗ «О центральной Банк Российской Федерации (Банк России)». Особое внимание уделено введению временного или внешнего управления, направленного на восстановление платежеспособности кредитной организации.

Если банк испытывает финансовые трудности, например, если уровень резервов опускается ниже минимальных нормативов, установленных Банком России, может быть введено временное управление. В соответствии со ст. 74 Федерального закона №86-ФЗ Банк России имеет право назначить временную администрацию в случае нарушения обязательных нормативов, возникновения угрозы интересам кредиторов и вкладчиков или ухудшения финансового состояния банка. Временная администрация наделена полномочиями по контролю за деятельностью органов управления банка, включая их временное отстранение, проведению инвентаризации активов и обязательств, анализу финансового состояния и разработке мер по восстановлению платежеспособности. При этом банк продолжает выполнять основные функции, такие как расчеты, обслуживание текущих счетов клиентов и привлечение средств на депозиты, но такие операции строго контролируются временной администрацией.

Если меры, принятые временной администрацией, не дают результатов, может быть инициировано внешнее управление. Она направлено на реструктуризацию деятельности банка и регулируется положениями главы IX Федерального закона №127-ФЗ. Целями внешнего управления являются восстановление платежеспособности банка, снижение долговой нагрузки, пересмотр или прекращение убыточных сделок, реализация имущества для удовлетворения требований кредиторов. Внешние управляющие обладают более широкими полномочиями, включая изменение структуры активов и пассивов, реструктуризацию долга и продажу активов банка. При этом, если лицензия банка еще не отозвана, он продолжает работать в ограниченном режиме и в строгом соответствии с требованиями ЦБ.

Банк России играет ключевую роль на всех стадиях процесса банкротства кредитной организации. Он контролирует соблюдение нормативов капитала, выполнение обязательств перед вкладчиками и кредиторами,

выполнение плана восстановления платежеспособности. Если в ходе временного или внешнего управления выяснится, что финансовое состояние банка не подлежит восстановлению, Банк России принимает решение об отзыве лицензии, что осуществляется в соответствии со статьей 20 Федерального закона №395-1 «О банках и банковской деятельности», является основанием для ликвидации кредитной организации.

До отзыва лицензии банк сохраняет возможность осуществлять расчеты и платежи, привлекать средства населения во вклады на условиях, установленных временной администрацией, а также осуществлять ограниченные операции с активами, например, продажу имущества только с согласия временной администрации. Это позволяет банку выполнять свои базовые функции и поддерживать минимальный уровень финансовой устойчивости.

Процедура банкротства банков в Российской Федерации имеет свои особенности, которые связаны с высокой значимостью кредитных организаций для экономики и социальной сферы. Временное и внешнее управление направлено на предотвращение краха банка, сохранение его ключевых функций и защиту интересов вкладчиков. Решения о сохранении или отзыве лицензии принимаются Банком России с учетом финансового состояния банка, его способности выполнять свои обязательства перед клиентами и его стратегического значения для экономики страны.

Так, Внешпромбанк, основанный в 1993 году, был одним из крупнейших российских банков, столкнувшихся с проблемами финансовой устойчивости в 2015 году. Он много лет работал с крупнейшим и российским и компаниями, такими как: Роснефть, Транснефть, Роснефтегаз и т. д. На фоне ухудшающейся ситуации Центральный банк России ввел в декабре 2015 году временную администрацию банка, а в январе 2016 была отозвана лицензия. Причиной этого стало несоблюдение банком установленных нормативов, а также, как в дальнейшем было выяснено – проведение руководством операций по выводу активов и представление неверной отчетности о величине и качестве активов. Целью временной администрации была стабилизация финансового положения банка, его реструктуризация и защита интересов клиентов.

В период введения временной администрации банк продолжал выполнять основные функции, такие как ведение текущих счетов, проведение расчетов и привлечение вкладов, но под строгим контролем. В этот период была проведена инвентаризация активов и обязательств, разработаны мероприятия по восстановлению платежеспособности банка. Временная администрация осуществляла контроль за деятельностью руководства банка с целью предотвращения возможных попыток вывода активов и несанкционированных действий, которые могли ухудшить финансовое положение.

Однако, несмотря на стабилизационные усилия, в марте 2016 года Внешпромбанк был признан банкротом. Данное решение стало следствием невозможности восстановления платежеспособности банка, что привело к инициированию процедуры ликвидации. В рамках ликвидации активы банка были реализованы для удовлетворения требований кредиторов и вкладчиков. В процессе ликвидации особое внимание уделялось

защите интересов вкладчиков, а также прозрачности и законности всех сделок, связанных с реализацией активов банка.

Помимо означенных вариантов восстановления платежеспособности организаций, существуют и другие, например, механизм концессионных соглашений или передачи управления – в случаях, когда компания обладает стратегически важными активами, управление ими может быть передано государственным или частным структурам на временной основе. Это позволяет сохранить деятельность предприятия и избежать социальной напряженности.

Пример преобразования системы коммунального хозяйства в городском курорте Геленджике [4] демонстрирует, как этот инструмент может не только помочь сохранить работу предприятия, но и привлечь частный капитал для решения накопившихся проблем. Долгое время Геленджикский водоканал существовал в форме муниципального унитарного предприятия (МУП). Такая организационно-правовая структура зачастую страдает недостаточной эффективностью управления: из-за отсутствия конкуренции, ограниченного бюджета и отсутствия финансовой дисциплины компания не смогла провести необходимую модернизацию инфраструктуры. Жители города продолжали платить за услуги, однако средства расходовались нерационально, что приводило к нехватке финансовых средств на капитальный ремонт и содержание, а обеспечение стабильного водоснабжения особенно важно для Геленджика как туристического курорта со значительным потоком туристов.

Для преодоления кризиса, недопущения банкротства было решено привлечь частные инвестиции через механизм концессионного соглашения. Подписанное в Геленджике 19 декабря 2018 года концессионное соглашение стало важным шагом на пути модернизации системы водоснабжения и канализации города. Он был заключен между администрацией муниципального образования Геленджик (концессионер) и ООО «Водоконцессия – Геленджик» (концессионер) сроком на 40 лет. Соглашение предусматривает значительные инвестиции в инфраструктуру: около 2,47 млрд рублей в системы водоснабжения и более 10 млрд рублей в системы канализации. Основная цель проекта – повышение качества водоснабжения и водоотведения, снижение аварийности, строительство новых очистных сооружений и внедрение энергосберегающих технологий. Прибыль инвестора по концессии формируется за счет доходов от оказания услуг по регулируемым тарифам. Говоря о промежуточных результатах, можно отметить, что построена новая система водоснабжения, которая соединяет водоемы в западной и восточной частях города, обеспечивая подачу воды в восточные районы в период засухи. Кроме того, перестроены насосные станции и внедрены системы телеметрии для оптимизации подачи воды с учетом потребностей населения. Опыт Геленджика показывает, что концессия может быть эффективным инструментом в тех случаях, когда муниципальные структуры, предприятия не в состоянии самостоятельно справиться с управлением стратегически важных активов.

Таким образом, процедура банкротства в российском законодательстве предоставляет инструменты для продолжения финансовой деятельности компании, даже в условиях проведения процедур несостоятельности, еще до признания должника банкротом. Эти механизмы направлены

на сохранение бизнеса, защиту интересов кредиторов и минимизацию убытков для всех сторон.

Библиографический список к главе 6

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=m4kgkcuqop626274849 (дата обращения: 12.12.2024).
2. Этапы банкротства юридических лиц / П.В. Бочков, Ю.В. Сидоров, А.А. Бакунова, Е.А. Блинова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2023. – №1. – С. 111–114. EDN BMWMFХ
3. Решение от 16 декабря 2022 г. по делу №А40-271091/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LxqrrJ5yLtQp/?ysclid=m4kfma1gvi809824933> (дата обращения: 12.12.2024).
4. Концессии водоснабжения Геленджик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kv-gelendzhik.ru/?ysclid=m4kgy6r0rs416428214> (дата обращения: 12.12.2024).
5. Решение от 12 августа 2016 г. по делу №А26-3360/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/B62Q2a4uHxW4/> (дата обращения: 12.12.2024).
6. Комментарии к статье 61.2. Оспаривание подозрительных сделок должника // СПС «КонсультантПлюс».

ГЛАВА 7

DOI 10.31483/r-115226

Федулова Елена Анатольевна

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА

Аннотация: автор анализирует связь между инвестициями и экономическим ростом, установлена зависимость объемов инвестиций региона от прибыльности работы корпораций, которая в свою очередь зависит от конъюнктуры мировых цен на уголь. Инвестиции региона исследованы на основе показателя нормы инвестиций, который за 2015–2022 годы представлен в виде ломаной и находится в диапазоне 17–26%. Аналитическое исследование источников привлечения инвестиций отмечает значительную волатильность как по кредитным, так и по бюджетным ресурсам. Доля заемных средств кредитных учреждений в 2022 году снизилась до исторического минимума в 2,2%. Доля бюджетных средств наоборот – выросла до 16% – но при этом остается значительно ниже других регионов РФ. Добыча полезных ископаемых является основным видом деятельности в Кемеровской области – Кузбассе и за исследуемый период в структуре экономических видов деятельности нарастила долю инвестиций до 47 процентов. За последние три года отмечается рост инвестиций организаций государственной формы собственности с 9,2% в 2019 году до 15,6–11,8% в 2020–2022 годах. Доля активных инвестиций в Кузбассе значительно превышает долю активных инвестиций по РФ в 36,4% в 2022 году и указывает на динамичность и эффективность инвестиционных вложений в регионе. Динамичность инвестиционного процесса в регионе подтверждена обзором крупных инвестиционных проектов, реализуемых на территории Кемеровской области: фанерный комбинат на территории ТОР Анжеро-Судженск, четырехзвездочный гостиничный комплекс Cosmos Шерегеш, центр технической поддержки «БЕЛАЗ», цех по производству грибов ООО «Кузбасский бройлер».

Ключевые слова: инвестиции, экономический рост, инвестиционная активность, источники инвестирования, индикаторы инвестиционной активности региона.

Abstract: the author analyzes the relationship between investments and economic growth, establishes the dependence of the volume of investments in the region on the profitability of corporations, which in turn depends on the conjuncture of world coal prices. Investments in the region are studied on the basis of the investment rate indicator, which for 2015–2022 is presented in the form of a polyline and is in the range of 17–26%. An analytical study of the sources of attracting investments notes significant volatility in both credit and budgetary resources. The share of borrowed funds of credit institutions in 2022 decreased to a historic low of 2.2%. On the contrary, the share of budget funds has increased to 16%, but at the same time remains significantly lower than other regions of the Russian Federation. Mining is the main activity in the Kemerovo region – Kuzbass and over the period under study, the share of

investments in the structure of economic activities increased to 47 percent. Over the past three years, there has been an increase in investments by state-owned organizations from 9.2% in 2019 to 15.6–11.8% in 2020–2022. The share of active investments in Kuzbass significantly exceeds the share of active investments in the Russian Federation at 36.4% in 2022 and indicates the dynamism and efficiency of investments in the region. The dynamism of the investment process in the region is confirmed by a review of major investment projects being implemented in the Kemerovo Region: the plywood mill on the territory of the Angero-Sudzhensk TOR, the four-star Cosmos Sheregesh hotel complex, the BELAZ technical support center, the Kuzbass Broiler mushroom production workshop.

Keywords: *investments, economic growth, investment activity, sources of investment, indicators of investment activity in the region.*

Современная экономическая мысль и мировая практика выявила устойчивую связь между ростом капиталовложений и валового национального продукта: увеличение первых на 1 процент обеспечивает рост ВВП на 0,1 процента [15]. Экономический рост, в свою очередь, определяет реальные возможности страны на каждом конкретном этапе развития, в том числе и формирование на своей основе более рациональной инвестиционной политики [2; 16]. Государство, реализуя ту или иную политику антикризисных мероприятий и ориентируясь при этом на интересы, прежде всего, экономики страны в целом, может наталкиваться в своих действиях на определенное противодействие со стороны отдельных фирм или группы фирм [17].

Та или иная фирма в той или иной степени «привязана» к определенной территории (региону), то могут возникать на этой почве противоречия уже между центральными органами власти и региональными. На основании вышеозначенного произведем оценку инвестиционной активности Кемеровской области – Кузбасса за 2015–2024 гг. и рассмотрим инвестиции как фактор экономического роста региона.

В начале определим зависимость инвестиций и экономического роста. Известно, что с 1990 до 2015 года в экономике Кемеровской области наблюдалась «перевернутая» зависимость объемов инвестиций от объемов ВВП с временным лагом в один год. Объяснялось это большой долей инвестиций в основной капитал собственных средств крупных корпораций и конъюнктурой мировых цен на уголь – основной производимый товар в регионе.

С 2015 года динамика валового регионального продукта Кузбасса имеет положительный тренд с периодом понижения в 20019 и 2020 годах, связанный с конъюнктурой на мировых рынках сырья.

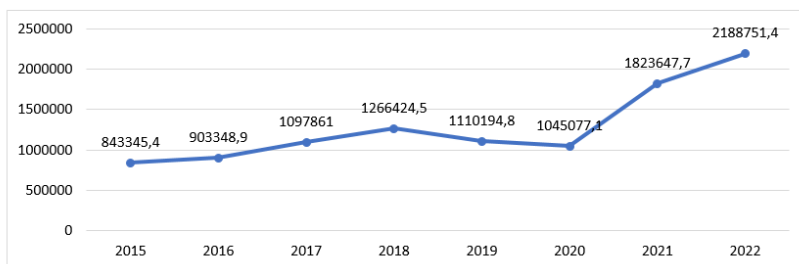

Рис. 1. Динамика ВРП Кемеровской области – Кузбасса в 2015–2022 гг., млн руб. [8]

Динамика инвестиций в основной капитал за период с 2015 по 2022 год имеет положительную тенденцию. Исключениями являются 2016 и 2020 год. В 2016 году причиной падения послужило увеличение нарушенных производством земель, за счёт чего упали инвестиции в основной капитал, направленные на защиту окружающей среды [6]. В 2020 году на падение инвестиций повлияла пандемия COVID-19.

Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал Кемеровской области в 2015–2022 гг., млн руб. [6]

«Перевернутая» зависимость объемов инвестиций от объемов ВВП в Кузбассе сохранилась. Однако стала немного смазанной без явного временного лага.

Например, падение объемов ВРП в 2015 и 2019 году, вызванное падением цен на уголь и снижением прибыли региональных компаний привело в 2016 и 2020 годах соответственно к снижению инвестиционной активности. При этом продолжающееся падение ВВП в 2020 году не привело к падению инвестиций в 2021 году. Наоборот, мы видим почти синхронный рост объемов инвестиций и объемов ВРП в 2021 году, что указывает на снижение временного лага отклика роста инвестиций от прибыли организаций региона.

Главное наблюдение, однако, остается без изменений: это зависимость объемов инвестиций региона от прибыльности работы корпораций, которая в свою очередь зависит от конъюнктуры мировых цен на уголь.

Вторым индикатором, сдерживающим инвестиционную активность Кемеровской области, является *норма инвестиций*. По требованиям Совета безопасности РФ норма инвестиций характеризует развитие экономики и считается приемлемой на уровне 25% и выше. Показатель ниже

указанного уровня говорит о недоинвестировании средств и невозможности расширенного воспроизводства.

Норма инвестиций рассчитывается как отношение объёма инвестиций к ВРП региона (в процентах).

$$\text{Норма инвестиций} = \frac{V \text{ Инвестиций}}{\text{ВРП}} * 100\%$$

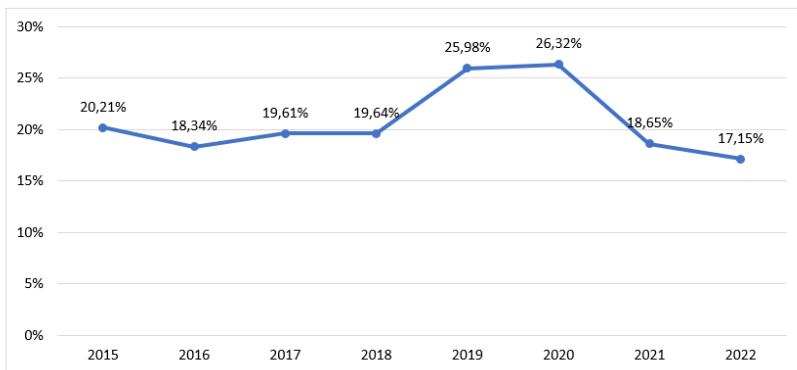

Рис. 3. Динамика нормы инвестиций Кемеровской области в 2015–2022 гг., %

Источник: рассчитано автором самостоятельно по данным рисунков 1 и 2.

Динамика нормы инвестиций за 2015–2022 годы представлена в виде ломаной и находится в диапазоне 17–26%. Рост нормы инвестиций свыше 25 процентов в 2019 и 2020 годах, к сожалению, объясняется не ростом объемов инвестиций, а снижением объема ВРП, причины которого описывались выше. В остальные годы она колеблется от 17 до 20%, что с одной стороны – является средним показателем по регионам страны, но с другой стороны – сильно уступает регионам-лидерам из Дальневосточного федерального округа, где норма инвестиций достигает 80 процентов.

Третьим индикатором инвестиционной активности региона является *структура источников инвестиций в основной капитал*. Традиционно в Кемеровской области преобладают собственные источники инвестиций. Это объясняется размещением на территории региона крупных промышленных корпораций способных реализовывать собственные инвестиционные программы и незначительной долей инвестирования за счет бюджетных средств. За период с 2015 по 2022 год доля инвестирования за счет собственных средств увеличилась с 68% до 76%, что усилило диспропорцию и значительно отличается от странового показателя в 55%. По сути, реализация инвестиционной активности в полной мере зависит от наличия инвестиционных ресурсов у промышленных корпораций региона, что в отличие от зависимости инвестиций от привлеченных средств из бюджета является прогрессивным аспектом. Но монопродуктовость региона ставит его в зависимость от конъюнктуры мировых цен на уголь и, по сути, реализация системных рисков на рынке углеводородов удерживает

долгосрочную инвестиционную политику региона в зоне турбулентности [18; 19].

Рис. 4. Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования, % [13; 14]

Среди привлеченных источников инвестирования отмечается значительная волатильность как по кредитным, так и по бюджетным ресурсам. Доля заемных средств кредитных учреждений в 2022 году снизилась до исторического минимума в 2,2%. Доля бюджетных средств наоборот – выросла до 16% – но при этом остается значительно ниже других регионов РФ. И если в инвестициях за счет бюджетных средств до 2019 года преобладали средства из федерального бюджета, то с 2020 года – преобладают средства из областного бюджета. Это указывает на вторичную автономность реализации инвестиционной политики региона.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования, %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Инвестиции в основной капитал</i>	100	100	100	100	100	100	100	100
по источникам финансирования:								
собственные средства	67,7	67,8	68,2	67,2	71,3	61,6	70,7	75,7
привлечённые средства	32,3	32,2	31,8	32,8	28,7	38,4	29,3	24,3
из них:								
кредиты банков	9,5	6,3	7,5	12	7,7	13	5,6	2,9
заёмные средства других организаций	2,6	4,8	6,7	3,7	5,9	6,1	7	2,2
инвестиции из-за рубежа	0,3	0,4	0,1	0	-	-	-	-
бюджетные средства	11,6	9	6,6	5,9	9,4	14,8	13,2	16,5

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
в том числе:								
федерального бюджета	5,9	4,1	3	2,8	4,8	6,2	5,6	5,6
областного бюджета	2,4	2,1	1,7	1,5	3,2	7	6,4	9,5
местных бюджетов	3,3	2,8	1,9	1,6	1,5	1,6	1,2	1,4
средства государственных внебюджетных фондов	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,1	-
прочие	8,3	11,4	10,7	11	5,5	4,3	3,4	2,5

Обращаем внимание, что данные по источникам финансирования не учитывают субъекты малого предпринимательства.

Четвертым индикатором инвестиционной активности региона является *отраслевая структура вложений*.

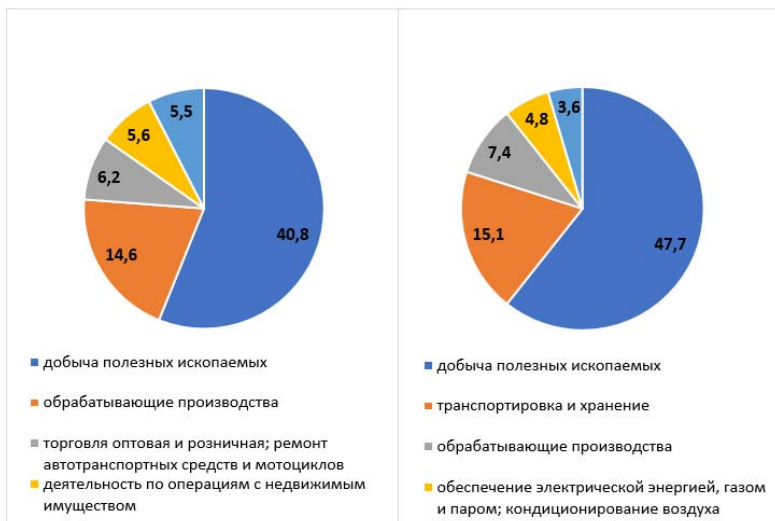

Рис. 5. Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности в 2015 и 2022 годах [13; 14]

За период с 2015 по 2022 год в Кемеровской области – Кузбассе структура экономических видов деятельности претерпела небольшие изменения. Произошло снижение доли обрабатывающих производств в общей структуре, при незначительном увеличении доли транспортировки и хранения. Добыча полезных ископаемых является основным видом деятельности в Кемеровской области – Кузбассе и за исследуемый период в

структуре экономических видов деятельности нарастила долю инвестиций до 47 процентов. Таким образом, ориентир региона на развитие сырьевых секторов экономики остается без практического подтверждения, поскольку без роста инвестиций в обрабатывающие производства снизить сырьевую зависимость региона не представляется возможным.

Пятый индикатор инвестиционной активности региона проявляется в преобладающей доли инвестиций организаций частной формы собственности, что является статистической нормой РФ. Большую часть инвестиций на протяжении всего периода занимает российская форма собственности. При этом в ней преобладает частная собственность, которая с 2015 по 2022 год снизилась на 8%. Последние три года отмечается рост инвестиций организаций государственной формы собственности с 9,2% в 2019 году до 15,6–11,8%% в 2020–2022 годах, что объясняется развертыванием государственных предприятий в период COVID-19 и далее при СВО. Совместная российская и иностранная форма собственности увеличилась в 2022 году до 13,7%. Иностранные инвестиции снизились за весь период почти на 4,5% [13; 14].

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал по формам собственности, %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Инвестиции в основной капитал</i>	100	100	100	100	100	100	100	100
Российская	87,2	83,1	88,6	86,5	86,7	95,1	87	85,1
из неё:								
государственная	6	4,8	5,1	5	9,2	15,6	12,2	11,8
муниципальная	4,3	3	2,3	1,9	3	4	5,6	4,2
частная	74,4	73,2	79,5	77,7	73,5	74,1	68,8	68,3
смешанная российская	2,5	2	1,7	1,8	1	1,4	0,4	0,9
Иностранная	5,8	6,9	1,5	1,1	2,7	1	3,2	1,2
Совместная российская и иностранная	7	10	9,9	12,4	10,6	3,9	9,9	13,7

Рис. 6. Динамика инвестиций в основной капитал по формам собственности, %

Шестой индикатор инвестиционной активности региона проявляется в соотношении активной и пассивной доли инвестиционных вложений. Данная классификация показывает загруженность зданий и сооружений машинами и оборудованием. Можно утверждать, что чем выше доля активной части основных фондов, тем эффективнее экономика региона.

В Кемеровской области инвестиции в машины, оборудование и транспортные средства преобладают на протяжении всего периода с 2015 по 2022 год. Рост доли активных инвестиций отмечается высокой волатильностью с трендом на увеличение с 39,6% до 59,6%. Данное соотношение пассивной и активной доли инвестиций отражает специфику угольных предприятий с высокой долей машин и оборудования и значительным обновлением данных фондов в последние годы. Доля активных инвестиций в Кузбассе значительно превышает долю активных инвестиций по РФ в 36,4% в 2022 году и указывает на динамичность и эффективность инвестиционных вложений в регионе.

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал по видам основных фондов, % [13; 14]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Инвестиции в основной капитал</i>	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе в:								
жилые здания и помещения	19,7	18,1	12,1	11,5	11,1	11,4	6,8	6,5
здания (кроме жилых) и сооружения	39,1	31,8	29,3	29,4	35,2	38,1	33,4	32,6
машины, оборудование, транспортные средства	39,6	48,8	57,4	57,6	52,5	49	58,7	59,6
объекты интеллектуальной собственности	-	-	0,2	0,7	0,5	0,7	0,5	0,8
прочие	1,6	1,3	1	0,8	0,7	0,8	0,6	0,6

Для подтверждения динамичности инвестиционного процесса в регионе проведем обзор крупных инвестиционных проектов, реализуемых на территории Кемеровской области.

Ввод в эксплуатацию фанерного комбината на территории ТОР Анжеро-Судженск.

Строительство Анжерского фанерного комбината (ЗАО «АФК») было запущено в 2006 году и планировалось завершить строительство еще к 2011 году. Инвестиции составили 4,2 млрд. рублей. На начальном этапе производство планировали запустить в 2011 году, но в 2011 году строительство было остановлено из-за прекращения финансирования со стороны польского «М Банка», основного инвестора. К апрелю 2017 года предприятие оказалось обанкрочено с долгом на 4 млрд рублей. В 2020 году активы компании были выставлены на торги. К моменту готовность комбината к работе оценивалась в 70% [9].

В июле 2020 года ООО «ЕвроФанГруппСибирь» (ЕФГС) приобрела на торгах имущество обанкротившегося «Анжерского фанерного комбината» за 293,5 млн рублей.

В рамках новых параметров проект ориентирован на ввод в эксплуатацию предприятия и выпуск готовой продукции (широкоформатной фанеры) мощностью 60 тыс. куб. метров фанеры в год. Потребителями продукции будут российские и зарубежные компании, поставщиками – лесоперерабатывающие и лесозаготовительные организации. Планируемая стоимость проекта – 2,600 млрд рублей при государственной поддержке в 1,2 млрд рублей и собственных источниках финансирования в 300 млн рублей ООО «ЕвроФанГруппСибирь» [6].

Межрайонная ИФНС России №14 по Кемеровской области – Кузбассу 23 октября 2023 года обратилась в арбитражный суд Кемеровской области с заявлением о признании ЕФГС несостоятельным. Компания имеет задолженность по обязательным платежам на сумму 2,16 млн. рублей. ЕФГС рассчитывает урегулировать проблему с задолженностью еще до рассмотрения судом заявления налоговой [7]. Если ЕФГС удастся решить проблему, то срок сдачи комплекса в эксплуатацию скорее всего вновь будет перенесен на неопределенное время.

Создание четырехзвездочного гостиничного комплекса Cosmos Шерегеш. 3 июня 2021 года в рамках Петербургского международного экономического форума Губернатор Кузбасса Сергей Цивилев и президент Cosmos Hotel Group Александр Швейн подписали соглашение о строительстве нового гостиничного комплекса на территории курорта Шерегеш [12; 20].

В 2024 году АФК «Система» планирует начать строить горнолыжный комплекс в Шерегеше на горе Утуя [1]. По предварительным планам, на территории в 100 гектаров разместятся отель, коттеджи для посетителей, конгресс-центр, вертолетные площадки и просторная автостоянка. При этом передвижение по территории будет возможно только пешком или на электротранспорте. Для удобства посетителей на территории появятся магазины, кафе, баня, а также общежитие для работников комплекса. Стоимость проекта составляет 1,5 млрд рублей [6].

Центр Технической Поддержки «БЕЛАЗ». 25 августа 2020 года был открыт один из крупнейших в СНГ и единственный в России центр по

техническому обслуживанию и ремонту карьерной техники центр технической поддержки «БЕЛАЗ» в моногороде Белово [11].

Реализация инвестпроекта позволит привлечь в регион 884 млн рублей инвестиций. Ожидается, что налоговые поступления по итогам реализации проекта до 2028 года составят более 750 млн рублей [4].

Главная задача Центра – обеспечить возможность для проведения всех видов ремонта карьерной техники БЕЛАЗ и сделать процесс взаимодействия с потребителями максимально удобным. Проект обеспечит сервисную поддержку техники «БЕЛАЗ», техническое обслуживание и ремонт карьерной техники БЕЛАЗ всех моделей и классов грузоподъемности с оказанием полного спектра услуг.

Стоимость проекта оценивается в 1,363 млрд руб. Запланирована поддержка НКО «Фонд развития моногородов» на строительство инфраструктуры для реализации новых инвестиционных проектов, в том числе средства бюджета Кемеровской области-Кузбасса, средства бюджета моногорода Беловского городского округа [6].

Строительство цеха по производству грибов ООО «Кузбасский бройлер». Проект ориентирован на строительство цеха по производству грибов ООО «Кузбасский бройлер» в п. Металлургов – крупнейший за Уралом комплекс по производству грибов с использованием замкнутого цикла производства. Стоимость проекта запланирована в размере 650 млн рублей.

ООО «Кузбасский бройлер» с 2019 года приступило к реализации инвестиционного проекта по производству шампиньонов и достигло значительных результатов. За 2020 г. кузбасское предприятие выпустило порядка 20 тонн продукции, за 2021 г. – 272 тонны. Полная производственная мощность компании составляет около 1800 тонн в год [3]. Это самое крупное производство грибов за Уралом [6; 10].

Библиографический список к главе 7

1. АФК «Система» в 2024 году начнет строить горнолыжный комплекс в Шерегеше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/924520> (дата обращения: 25.10.2024).
2. Белоусов А.В. Механизм привлечения капитала в развитии промышленного производства России: дис. ... канд. экон. наук / А.В. Белоусов. – Нальчик, 1993. – С. 7.
3. В Кемеровской области выросло производство шампиньонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/economics/48008894-v-kemerovskoy-oblasti-vyugoslo-proizvodstvo-shampinonov/> (дата обращения: 26.10.2024).
4. Для обслуживания горнодобывающей техники Кузбасса и других регионов открыт новый центр технической поддержки БЕЛАЗ // Министерство угольной промышленности Кузбасса: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mupk42.ru/press-center/news/novosti-organizatsii/769605/> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Инвестиции в охрану окружающей среды в Кузбассе в 2014–2016 году снизились на 41% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3410227?ysclid=m2pr7xhc635036667> (дата обращения: 26.10.2024).
6. Инвестиционный портал Кузбасса: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kuzbass-invest.ru/ru/projects/6128c4a96f71c3351400049a> (дата обращения: 26.10.2024).
7. Инвестор фанерного завода на Кузбассе попал под иск налоговиков о банкротстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusbankrot.ru/new-claim/investor_fanernogo_zavoda_na_kuzbasse_popal_pod_isk_nalogovikov_o_bankrotstve/ (дата обращения: 25.10.2024).
8. Интернет-портал Кемеровостата: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://view.officeapps.live.com> (дата обращения: 26.10.2024).

9. Лавренков И. Комбинат подвинули в сроках / И. Лавренков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6321918> (дата обращения: 25.10.2024).
10. Матющенко Ю. Птицефабрика пошла по грибы / Ю. Матющенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3881957> (дата обращения: 26.10.2024).
11. Первый в РФ центр техобслуживания «БелАЗ» открыли в кузбасском моногороде Белово [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/9282335> (дата обращения: 25.10.2024).
12. Сергей Цивилев подписал соглашение о строительстве гостиничного комплекса на территории курорта «Шерегеш» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-podpisal-soglasenie-o-stroitelstve-gostinichnogo-kompleksa-na-territorii-kurorta-sh> (дата обращения: 25.10.2024).
13. Статистический ежегодник «Кузбасс». 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://service.kemerovostat.gks.ru> (дата обращения: 26.10.2024).
14. Статистический ежегодник «Кузбасс». 2022 // Интернет-портал Кемеровостата: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://service.kemerovostat.gks.ru> (дата обращения: 26.10.2024).
15. Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса / В.Л. Квинт, М.К. Алимуратов, К.Л. Астапов [и др.]. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. – 364 с. DOI 10.21603/978-5-8353-2724-9. EDN VOLPIU
16. Теория и методология региональной экономической политики / Р.М. Котов, Е.Г. Казанцева, О.С. Карпова, А.М. Дворовенко. – М.: Русайнс, 2023. – 138 с. EDN IASFVJ
17. Тошматов С.Р. Инвестиционная политика структурной перестройки переходной экономики в центральных азиатских странах: автореф. дис. ... канд. экон. наук / С.Р. Тошматов. – СПб., 1995. – С. 9.
18. Brusnikin K.N. Scenarios for the development of regional production and economic systems based on industrial parks / K.N. Brusnikin, E.I. Piskun, N.S. Bondarev // E3S Web of Conferences (Voronezh, 9–13 октября 2023 года). Vol. 458. Voronezh: EDP Sciences, 2023. P. 05020. DOI 10.1051/e3sconf/202345805020. EDN WNGGNK
19. Brusnikin K.N. Formation of strategic alternatives for the development of regional production and economic systems in industrial parks / K.N. Brusnikin, E.I. Piskun, N.S. Bondarev // E3S Web of Conferences (Voronezh, 9–13 октября 2023 года). Vol. 458. – Voronezh: EDP Sciences, 2023. – P. 05021. DOI 10.1051/e3sconf/202345805021. EDN ZUSURC
20. Cosmos Шерегеш [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Cosmos_Шерегеш (дата обращения: 25.10.2024).

ГЛАВА 8

DOI 10.31483/r-114203

Бурцева Елена Васильевна

Медведева Светлана Валентиновна

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация: в главе выполнен комплексный анализ сложившихся в российской науке подходов к понятию и сущности прав человека, рассмотрены основные тенденции формирования представлений о правах человека в истории политико-правовых учений, определено их влияние на правовую систему современной России. По итогам исследования обоснованы выводы о концепции прав человека, что представляется особенно актуальным в современном мире, стремящемся к многополярности.

Ключевые слова: права человека, гуманизм, культурный релятивизм, цивилизационный подход, негативные права, позитивные права.

Abstract: a comprehensive analysis of the approaches to the concept and essence of human rights in Russian science was carried out, the main trends in the formation of ideas about human rights in the history of political and legal teachings were considered, their impact on the legal system of modern Russia was determined. According to the results of the study, conclusions about the concept of human rights are justified, which seems especially relevant in the modern world, striving for multipolarity.

Keywords: human rights, humanism, cultural relativism, civilizational approach, negative rights, positive rights.

Введение. Сегодня права человека – это не только внутригосударственный институт. В современном мире права и свободы человека играют большую роль как на национальном, так и на международном уровне, в условиях постглобализации на них существенно усиливается политическая «нагрузка». Развитие механизмов и институтов защиты прав человека во всем мире в значительной мере стало возможно после принятия Всеобщей декларации прав человека, создавшей универсальный каталог прав и свобод, которые в середине XX века приобрели глобальный статус и ценность. Было определено, что демократическое государство обязано законодательно обеспечивать реализацию прав человека в деятельности всего государственного механизма в целом.

Международные организации и их органы, а также международные обычаи стали составной частью и источником прав и свобод человека для большинства государств. Благодаря им создается систематизированное представление мирового сообщества о данном институте. Образование и развитие таких международных организаций будет способствовать предотвращению нарушений прав человека, пресекать их, тем более что международно-правовые акты в области прав человека предоставляют четкое и исчерпывающее представление о содержании прав человека, способах и механизмах их защиты. Наша страна для разрешения

различного рода правовых споров также использует нормативные документы международного уровня.

Сформированные и поддерживаемые международными обычаями и стандартами, а также внутригосударственными конституционными актами права человека являются важнейшим критерием цивилизованности и развитости государства. Их объемы и меры реализации во внутригосударственной сфере считаются ключевым показателем уровня жизни населения.

Защита прав личности является основной задачей международных организаций и государств, а также любого современного общества и человека в отдельности. Следует отметить, что международные организации значительно содействуют развитию прав человека. При этом в полной мере хорошего результата возможно достичь только при условии тотального контроля за их реализацией, применения эффективных механизмов их защиты и развитых конституционных гарантий. Такое возможно в полной мере именно в демократической системе, так как в основе демократии лежит метод коллективного принятия решения, что оказывает сильное влияние на развитие прав и свобод человека, поскольку человек выступает ключевым элементом в условиях данного режима.

Концепция прав человека наряду с сопряженной с нею доктриной правового государства выступает одной из основных теорий, на которой строится политико-правовая идеология современного общества. Однако практика показывает наличие большого количества дефектов в механизме реализации и защиты прав человека в ряде стран коллективного Запада.

Примером чему могут служить агрессия США и их сателлитов по НАТО в Ираке, бывшей Югославии, Ливии, Сирии, Украине, Грузии и других государствах, когда был открыто нарушен фундаментальный принцип невмешательства во внутренние дела чужой страны. Такие действия вызвали многочисленные нарушения прав человека в данных странах.

Таким образом, как показывает история, происходящие в мире политико-правовые и экономические события оказывают существенное влияние на реализацию прав человека. Анализ данного процесса представляет не только научный интерес, но и практическую значимость.

1. Права человека как политико-правовая категория и социальная ценность.

Несмотря на общепризнанную значимость института прав человека, в настоящее время отсутствует единое научное определение данного понятия на международном уровне. основополагающие международные документы о правах человека данное понятие не раскрывают. Это негативно сказывается на их дальнейшем теоретическом анализе, практике реализации и защиты.

Как правило под понятием «права человека» понимают правила, гарантирующие каждому человеку защиту его достоинства и свободы, то есть базовые, основополагающие правила. Статья 2 Конституции Российской Федерации (РФ) определяет, что «права и свободы человека являются высшей ценностью». Любой человек только родившись сразу приобретает определенную правоспособность, в частности, он получает право на жизнь, имя, гражданство, защиту своих прав и многие другие субъективные права. Права обладают универсальным содержанием, которое не зависит от принадлежности человека к какой-либо расе или полу,

на которое не влияет возраст человека и другие его характеристики. В теории права всех граждан страны равны, гарантированы и защищены конституцией данной страны. Однако права и свободы конкретного человека и гражданина не должны нарушать права и свободы других людей, так, например, определяет пункт 3 статьи 17 Конституции РФ.

Не дает точного определения понятию «права человека» и Устав международной Организации объединенных наций (ООН), которая была создана для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, а значит для соблюдения прав человека после Второй мировой войны. Статья 1 Устава ООН закрепляет лишь содержание прав и основных свобод человека. Причем в Уставе используется лишь формулировка «права человека», а не «права и свободы» [25]. Такое положение объясняется тем, что данные понятия сходны – это возможность совершать определенные действия, разница лишь в том, что права закреплены регламентированным порядком реализации, а свободы исполняются самим человеком, главное, чтобы пути и способы их реализации не противоречили закону и не наносили вред другим людям.

Так, выдающийся российский правовед Е.А. Лукашова предложила следующие определение понятия «свобода»: «В общесоциальном смысле свобода есть состояние человека, характеризующееся его возможностью действовать по собственному усмотрению. В этом значении свобода – это право в естественном состоянии, не ограниченное и не стесненное формально-юридическими условностями, т.е. не выраженное в тексте юридического документа (не переведенное на язык права). Это право в фактической форме» [15, с. 24–25].

В самом деле, в естественном состоянии свобода – это ничем не ограниченная возможность действовать так или иначе, однако на практике, то есть в юридическом смысле свобода реализуется только тогда, когда её кто-то гарантирует. У субъекта должна быть возможность защитить свою свободу с помощью правовых институтов, равно как и свои права. В том случае, когда права не имеют каких-либо механизмов реализации и защиты, например, через уголовное производство, тогда эти права носят исключительно декларативный характер. Если права и свободы даже не закреплены правовыми актами, они являются лишь внутренним стремлением.

Рассмотрим некоторые из имеющихся трактовок понятия «права человека», предлагаемых энциклопедиями и словарями.

Российский словарь-справочник определяет под правами человека систему «принципов, норм, правил и традиций взаимоотношений между людьми и государством», которая обеспечивает «индивиду, во-первых, возможность действовать по своему усмотрению, (эта часть прав обычно называется свободами); во-вторых, получать определенные материальные, духовные и иные блага (собственно права)» [2].

В Британской энциклопедии под правами человека понимаются права, принадлежащие индивиду на том основании, что он является человеком. Данные права соотносятся с широким континуумом ценностей, и в некотором смысле равно присущи всем человеческим существам [33].

Свое определение понятия «права человека» предлагает также Стэнфордская энциклопедия философии права человека, в которой это

понятие трактуется как нормы, целью которых выступает защита всех людей от серьезных политических, правовых и социальных злоупотреблений [32].

Следует отметить, что авторы научных работ также по-разному понимают данную правовую категорию. Всевозможные трактовки понятия «права человека» прежде всего зависят от имеющихся концепций понимания прав человека.

Рассмотрим виды концепций, предлагающие разнообразные подходы к понятию «права человека».

В первую очередь проанализируем концепцию естественного права. Ее сторонники считают, что права и свободы принадлежат любому человеку по факту рождения и являются в некотором смысле его неотъемлемыми свойствами. Права не зависят от внешних факторов: формально-юридической закреплённости, воли государства и даже воли самого человека. Формализация прав человека не означает трансформации в плоскость позитивного права, а лишь обретает его форму. Источником прав человека сторонники концепции считают саму человеческую природу, а иногда и волю бога. Несмотря на одиозность с правовой точки зрения и скорее философскую направленность, именно концепция естественного права сформулировала принципы, на которых базируются права человека в современной системе международного права [6].

Концепция социального происхождения прав человек предполагает возникновение прав и свобод в процессе социально-коммуникативного взаимодействия человека с другими субъектами. Единственным правом, принадлежащим человеку по факту его рождения, сторонники теории называют право на коммуникацию. В частности, А.В. Поляков утверждает, что «права человека представляют собой единство легитимированных правовых текстов, включающих нормативное поведение субъектов, действующих в собственных интересах и обеспеченное исполнением обязанностей другими субъектами» [13, с. 319]. Ученые, придерживающиеся данной теории, в качестве источника прав человека называют социальное взаимодействие субъекта и его результат, без такого взаимодействия ответственность прав у лица не возникает.

Позитивистский подход предполагает, что права человека создаются государством (независимо от того, справедливы они или нет) и вне государственных законов существовать не могут. Сторонники данной концепции источником прав человека называют нормативные правовые акты, которые издают государственные органы. То есть в некотором смысле происходит «дарование» прав человека населению от государства.

Как отмечал русский философ права Б.Н. Чичерин, в здоровой теории, так же как и в практике, «свобода только тогда становится правом, когда она признается законом», а установление закона принадлежит государству [28, с. 34]. То есть с точки зрения данной концепции «права человека – понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству» [3, с. 454]. Однако данную концепцию критикуют представители и естественно-правовой концепции, и концепции социального происхождения прав человека. По-нашему глубокому убеждению, данная концепция является маргинальной в условиях современного мира и с практической точки зрения (реализации прав и свобод), и с этической, так как не всегда приходится полагаться на мудрого законодателя. Считаем, что этот вопрос правильно отразил В.А. Четвернин, сказавший, что

права человека «существуют не в силу закона, а в силу их взаимного признания внутри круга субъектов государственно-правового общения» [27, с. 19]. С одной стороны, это действительно так, – взаимное признание субъектами тех или иных прав придает им больше легитимности, нежели дарование закона от мудрого правителя. С другой стороны, мы абсолютно убеждены, что права человека не могут существовать без узаконивания, так как отсутствие соответствующего закона обуславливает отсутствие механизма защиты прав.

Сторонники либерально-юридической концепции понимают под правами человека естественные права и свободы любого человека, которыми он обладает с рождения. Но данная система взглядов состоит в том, что естественные права и свободы человека должны быть закреплены законом, то есть иметь правовые институты защиты. С этой точки зрения права человека представляют собой инструмент ограничения государственной власти.

Точнее смысл рассматриваемой концепции передает определение, данное российским правоведом Е.Н. Рахмановой: «Права человека – это инструмент, средство, дающее человеку возможность и способность защищать права, которыми он обладает, через суд» [18, с. 12].

В этой связи разумно указать на определение правовой категории «права человека» с точки зрения либерально-юридического подхода, предлагаемое А.Ю. Сунгуровым: «права человека – это понятие, тесно связанное с понятием свободы, понятие, отражающее как само достоинство человеческой личности, так и притязание на обладание конкретными возможностями, позволяющими сделать жизнь этой личности действительно достойной. Права человека являются одновременно и характеристикой отношений человек – государство и инструментом ограничения власти правительства (государства) над человеком» [23, с. 91]. На наш взгляд, наиболее правильным для отображения правовой категории «права человека» является определение, предложенное А.Ю. Сунгуровым.

Действительно, права человека, прежде всего, следует рассматривать как инструмент защиты прав для каждого человека, именно это отличает либерально-юридический подход от других: в отличие от позитивистской концепции, данный подход ставит в центр отдельно взятого, то есть каждого человека; а в сравнении с естественно-правовым подходом, либерально-юридическая концепция основывается на необходимости закрепления права человека законодательно. Причем защита данных прав должна выполняться с помощью соответствующих институтов.

Достоинством естественно-правовой концепции является тот факт, что ее сторонниками были сформулированы основные принципы прав человека, однако только в рамках либерально-юридической концепции было определено, что права и свободы человека – это правовой институт, нуждающийся в формализации и надежных инструментах защиты.

Поэтому полагаем, что под правами человека в объективном смысле следует понимать правовой институт, – нормативные правила, обеспечивающие исполнение и защиту каждому человеку его жизни, чести, достоинства и свободы. В субъективном смысле правами человека выступают его индивидуальные возможности, предоставленные ему правом, исходя из базовых принципов гуманизма и справедливости, признаваемые,

гарантированные и защищаемые международными и внутригосударственными механизмами.

Следует отметить, что права человека обладают определенными принципами, которые придают первым социальную устойчивость и позволяют понять характер их применения.

К основным принципам прав человека, которые вырабатывает гуманистическая методология, относятся: принцип уважения человеческого достоинства; свобода прав человека, принцип равноправия, принцип солидарности, демократии, толерантности, справедливости.

Одним из главных и наиболее значимых является принцип универсальности, так как он предполагает, что права человека, закрепленные в основных международных правовых актах, являются всеобщие необходимы. Не менее существенный принцип – неотъемлемость прав человека. То есть прав нельзя лишить, в определенных случаях допускается лишь ограничение человека в правах. Также следует упомянуть принцип взаимозависимости и неделимости, который определяет единую систему прав, их целостность, взаимосвязь и взаимозависимость. Всеобъемлющими принципами международного права в области прав человека являются принцип недискриминации и принцип равенства. Первый принцип является центральным и присутствует во всех документах, декларациях и конвенциях о правах человек. Принцип недискриминации означает независимость прав от пола и расы. Принцип равенства означает право всех людей от рождения на свободу, равенство их прав и достоинства [16]. В качестве еще одного отметим принцип прав и обязанностей. Данный принцип означает признание государством прав и свобод человека, а также возможность их реализации. Кроме того, он подразумевает, что государство обязано соблюдать права и свободы своих граждан. Наличие у человека свободы обязывает государство не препятствовать её реализации, наличие у человека права обязывает государство обеспечить его реализацию.

Следует также отметить, что права человека носят вертикальный характер, то есть они регламентируют отношения государства и субъекта, но не распространяются на отношения между двумя субъектами или субъекта и компании и так далее.

Чтобы разобраться в понятие правовой категории «права человека» следует исследовать основные аспекты, составляющие содержание данного понятия.

Соблюдение прав человека невозможно без обеспечения международного мира и безопасности, только в состоянии дружественных отношений между государствами и сохранением мира реализация прав человека предстает возможной, это представляет собой международный аспект содержания прав человека. Сегодняшнее ухудшение отношений между западными странами во главе с США с одной стороны и Россией с другой стороны, военные действия в Украине, Израиле, Палестине, некоторых африканских государствах, в процессе которых нарушаются права человека, очередной раз доказывают обозначенную связь. Как справедливо отметил видный советский юрист Г.И. Тункин, «современное международное право исходит из того, и это весьма важно, что между обеспечением государствами основных прав и свобод человека и поддержанием международного мира и безопасности существует тесная связь» [24, с. 93]. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации

в целях соблюдения прав человека также подчеркивает необходимость дружественных отношений между государствами [16].

Правовой аспект указывает на необходимость юридического закрепления прав и свобод, а также создания инструментов правовой защиты.

Этический (нравственный) аспект содержания прав человека предполагает неразрывную связь данной правовой категории с этическими и нравственными нормами. Человеческое достоинство, которое невозможно без обладания конкретным человеком подобающими этическими и нравственными нормами, является основой концепции прав человека. Международная система прав и свобод предназначена разработана и предназначена именно для защиты человеческого достоинства, которое определяет неотъемлемые права личности.

Политический аспект содержания прав человека определяет, что только в условиях демократии государство в большей степени может обеспечить легитимность принимаемых решений, вероятность закрепления и реализации прав человека, так как такое государство отражает волю народа. Однако и здесь есть проблема, отмеченная, в частности, Е.А. Лукашевой, а именно, социально уязвимые слои населения де-факто обладают лишь правом выбирать (то есть участвовать в голосовании на выборах), причем выбор этот может быть не всегда осознанным, например, под воздействием пиар компаний [10]. Формально в демократическом обществе люди могут быть равны, однако, как правило, присутствует сильное материальное неравенство, что и приводит к таким последствиям.

Социально-экономический аспект содержания прав человека связан, прежде всего, с понятием социальной справедливости [29]. Однако реализация социально-экономических прав зависит от экономического положения государства. И если в развитых странах с сильной экономикой реализация, например, права на достойную зарплату будет успешной, то в бедных странах реализация данного права значительно осложнена.

2. Эволюция учений о правах человека: от прошлого к настоящему.

Какие права и свободы гарантирует конкретное государство зависит от сформированных в ней социальных институтов. Зарубежная система норм прав человека представляет собой результат правового и культурного развития государств и их сотрудничества. Изначально права человека отражались в национальных законодательствах, однако именно межгосударственное сотрудничество способствовало появлению данной правовой категории в системе международного права.

Первые международные нормы в области прав человека были утверждены в Гаагских конвенциях и декларациях, принятых в результате проведения первой (1899 г.) и второй (1907 г.) мирных конференций в Гааге.

Еще одним важным документом выступила Американская декларация прав и обязанностей человека, которая явилась первым международным документом, закрепляющим гражданские, политические и социально-экономические права. Данная декларация не юридически обязательный документ, ценность этого акта в том, что он провозгласил естественный характер прав, то есть права и свободы, которые не зависят от наличия гражданства, а принадлежат каждому от рождения [1].

Следующим наиболее существенным этапом на пути становления международной системы прав человека явилось принятие Устава ООН, который гласил: «мы, народы Объединенных Наций, в полной решимости

избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, стремимся вновь утвердить веру в основные права и свободы человека». В Уставе ООН были закреплены такие принципы как: «поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (п.3 ст.1); совместные и самостоятельные действия по «Повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития. ... Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (ст. 55 и 56) [25].

Впоследствии Устав ООН послужил основой для принятия других документов, посвященных защите прав человека. Среди данных документов следует выделить принятую Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщую декларацию прав человека, которая определила принципы прав человека, их классификацию, а также соотношение прав личности и государства, став тем самым основой концепции прав человека.

Все создаваемые в дальнейшем организации по защите прав человека, принимаемые в этой сфере документы, основывались в своей работе именно на Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека. Можно сказать, они стали фундаментом для дальнейшей работы в данной сфере.

В 1966 году ООН было принято еще два значимых документа -Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Их нормы наиболее подробно и широко раскрывают содержание прав и свобод человека и, в отличие от Декларации, носят обязательный характер. Три указанных документа вместе составили Международную Хартию о правах человека.

Кроме международных документов с области прав человека стали приниматься и региональные. В качестве примера можно привести Европейскую конвенцию по правам человека, Американскую конвенцию о правах человека, Арабскую хартию прав человека и другие документы [8].

Итак, следует констатировать наличие множества международных документов в сфере прав человека. С одной стороны, существуют различные конвенции, посвященные определенной проблематике (права заключенных, детей, запрет пыток и т. д.), что позволяет наиболее подробно раскрыть эту проблематику, а также закрепить за государствами отдельные обязанности в узких сферах. С другой стороны, наличие множества международных нормативных правовых актов позволяет по-разному интерпретировать отдельные нормы. Кроме того, в регионах существует свое понимание прав человека. Это связано с историческими процессами, различием культур и социально-экономическим положением того или иного региона. Поэтому в контексте международного права в качестве особого субъекта, унифицирующего и стандартизирующего практику прав человека различных географических регионов и вместе с тем предоставляющего в определенных рамках конкретизировать обобщенные установления в национальных нормативно-правовых актах, выступает ООН. И несмотря на то, что в настоящее время, правительства европейских стран, Великобритании и США, своими агрессивными действиями в отношении других стран нарушают принятые их государствами международные

нормы, ООН в своем докладе отмечает, что «несмотря на трудности, прогресс возможен, а перемены достижимы» [5].

Рассмотрим процесс эволюционного развития представлений о правах человека в российской политико-правовой мысли.

Идеи прав человека, прав личности имеют в России свою достаточно продолжительную историю и связаны с политическим либерализмом, который стал развиваться в России во второй половине XIX – начале XX века. Данные идеи нашли отражение в трудах Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, В.М. Гессена, Л.И. Петражицкого, С.Л. Франка и других ученых.

Большое значение для развития данного движения, понимания сути правового государства, его философско-правовых начал имели работы крупнейшего либерального правоведа начала 20-го века П.И. Новгородцева, который полагал, что общественный прогресс связан с развитием личности, а общественный идеал выражается во «вселенском идеале общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства» [11, с. 130]. Однако следует отметить, что эти либеральные идеи замыкались в узкой среде профессионалов и остались чуждыми даже интеллигенции.

В советской юридической науке идея прав человека: основных прав, прав личности, правового статуса личности, разрабатывалась в рамках теории государства и права, государственного (позднее конституционного) права, а также международного права [9]. А интерес к трудам либеральных теоретиков стал особенно проявляться с конца 80-х годов.

Следует отметить при этом, что вопросы, тесно связанные с проблематикой прав человека исследовались в работах советских ученых права в 60-е годы в русле разработки теории субъективных прав.

В частности, И.Е. Фарбером была выдвинута идея о том, «что субъективное право есть не просто гарантированная законом мера поведения, но одновременно и мера обладания социальным благом» [26, с. 41]. Также следует отметить работу 1978 года В.М. Чхиквадзе «Социалистический гуманизм и права человека», которая послужила началом разработки теории прав человека, а также и другие работы [19].

Однако во время социализма в России не все права имели одинаковое значение. Так, Л.И. Захарова отметила, что «в социалистической концепции формально провозглашалась равноценность и неразрывное единство всех категорий прав человека – экономических, политических, социальных и культурных, на деле приоритетное положение занимали социально-экономические права и меньшее внимание уделялось другим категориям прав человека» [7, с. 58]. При социализме главенствовало убеждение, что все права человека зависят от экономических и основываются на них, так как именно экономическое положение страны позволяет правительству определять для граждан те или иные политические, социальные и культурные права [14; 21].

Проблематика прав человека исследовалась советской правовой наукой под углом зрения субъективных прав личности. В теории права того периода господствовало позитивистское понимание права, в силу чего субъективные права человека рассматривались в качестве октроированных государством, а не в качестве «естественных» и неотчуждаемых. До середины 80-х годов проблемы прав человека рассматривались в

ракурсе изучения вопросов субъективных прав и правового статуса личности. Что касается науки международного права, то вопросы прав человека рассматривались в ней в ракурсе сотрудничества государств в области защиты прав человека.

Уже к концу восьмидесятых годов и в начале девяностых в общественном сознании и политике страны постепенно стали утверждаться антиэтатистское правопонимание и персоноцентристские ориентации в праве, отвергающие государственное вмешательство в личные, общественные и экономические дела, предполагающие приоритет в новом мышлении общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека, защиту от любых посягательств на его достоинство.

К моменту выработки и принятия Конституции 1993 года в нашей стране уже учитывались международные правовые нормы о правах человека, которые повлияли на изменение и, как правило, расширение правового статуса личности. Таким образом, был начат переход к либерально-демократическим ценностям. Так, ст. 17 Конституции РФ гласит, что «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Следует заметить, что права человека имеют ключевое значение для общества, но гарантируются не только юридическими нормами. Огромную роль в их осуществлении и развитии играет прочность основ конституционного строя, реальность режима демократии в государстве и уровень развития политической культуры в целом.

Права человека, по своей сути, имеют ключевую ценность для человеческой цивилизации. Они являются динамично развивающейся правовой категорией в направлении постоянного расширения. Это объективный процесс, который обусловлен историческим развитием, прогрессом в обществе. Однако вместе с тенденцией расширения прав и свобод человека, существует тенденция увеличения количества их нарушений. В этом отношении следует разделять проблемы государств (или регионов), в которых непосредственно происходит нарушение прав человека, и проблемы международного сообщества, обеспечивающего саму систему прав человека и взявшего на себя ответственность за их защиту. То есть те проблемы, которые препятствуют эффективной реализации нормативных предписаний в области прав человека.

В современный период развития России важным условием реализации прав человека является устранение существующих вызовов и угроз. В истории есть многочисленные примеры, например, вторжение США в Ирак проводилось на основании резолюций Совета Безопасности ООН. Несмотря на то, что формально ООН не давало разрешения применять военную силу против Ирака, именно на эти резолюции ссылались США при начале военного вторжения, в результате которого погибли и пострадали десятки тысяч человек среди гражданского населения. В этом отношении следует отметить не вину, но ответственность ООН за вторжение США в Ирак и как следствие за жертвы среди гражданского населения, нарушение прав человека со стороны интервентов [31].

Еще одним важным условием реализации прав человека является демократичность государства. С формальной точки зрения, в мире сейчас практически не осталось авторитарных и тем более тоталитарных

государств. Однако на практике существуют политические режимы, в которых власть сосредоточена. Такие режимы называются недемократическими, к ним относятся, в частности, некоторые государства Африки и Азии.

Важной проблемой реализации прав человека также являются государственные идеологии. Например, статья 1 Конституции КНР определяет социалистический строй государства, а также закрепляет руководство за Коммунистической партией [30]. В этой же статье закреплено положение о «демократической диктатуре народа», однако оно является исключительно формальным. В Китае существует тотальная система контроля за гражданами, которая заключается в огромном количестве видеокамер на улицах с определением лиц, интернет-цензуре и обязательной установкой приложенных контролей для смартфона.

Не менее серьезной проблемой реализации прав человека являются религиозные идеологии. Религиозная идеология отличается от религии тем, что, как правило, идеология закреплена в основных государственных документах. Например, статья 1 Основного закона правления Королевства Саудовская Аравия определяет Саудовскую Аравию арабским исламским государством, а Коран ее конституцией [20]. Как правило, в арабском обществе женщины являются наиболее дискриминируемым классом. В Саудовской Аравии они не имеют право голосовать на выборах, водить машину, ограничены в выборе работы и живут на правах несовершеннолетних. В этом отношении следует отметить общую проблему либерально-юридической концепции прав человека, которая предполагает всеобщую универсальность и не учитывает культурные особенности народов. И эта проблема заключается не в том, что права и свободы арабским женщинам не нужны, а в том, что под предлогом свержения тоталитарного правительства, которое нарушает права человека, отдельные государства могут произвести военную интервенцию, преследуя свои политические цели.

Миграция также является проблемой реализации нормативных предписаний в области прав человека. Возрастающие миграционные потоки сталкивают между собой различные национальные системы, что усложняет должный контроль за обеспечением прав человека. Например, одним из последствий вооруженного конфликта на Украине стало появление большого потока беженцев из зоны боевых действий. В основном они переселились в Российскую Федерацию, а затем и в западноевропейские страны. При этом большинство из них являются гражданами Украины, однако по политическим, экономическим, культурным или иным причинам не могут там проживать.

Также стоит отметить проблему политизации правовых норм, а как следствие коррупции в международных органах контроля. Для любого государства естественно достижение политических целей различными способами, в том числе с помощью лоббизма в международных органах, а также экономического, политического или иного давления на государства, входящие в данные органы, с целью получения от них поддержки того или иного предложения. Проблема политизации, лоббизма и коррупции в международных органах не только препятствует объективному рассмотрению вопроса, но и подрывает доверие к таким органам и их решениям. Следует отметить, что, как показывает практика, такое воздействие на международные органы могут оказывать государства с наибольшим

политическим, экономическим и военным влиянием. В результате международных органов контроля соблюдения прав человека (в том числе ООН) в некотором смысле становятся местом не для обсуждения объективных проблем нарушения прав человека и угроз миру, а для реализации и лоббирования своих политических интересов наиболее влиятельными государствами.

Военные конфликты приводят к тому, что в зоне боевых действий права человека фактически перестают действовать, то есть на первичном этапе отсутствует возможность фиксировать случаи нарушения прав человека в регионе. Также военные действия в большинстве случаев приводят к усилению полномочий государственной власти, ограничению свободы слова и отмене демократических процедур. Процесс расширения прав и свобод объективен, но в каждом регионе он проходит с различной интенсивностью.

Одним из важнейших не только государственных, но и международных способов защиты прав и свобод человека является судебная защита. Только право на судебную защиту и фактическая возможность им воспользоваться может в полной мере гарантировать остальные права и свободы. В этом отношении правосудие является одновременно и гарантией права на судебную защиту, и средством его реализации. Для этого был создан Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Однако следует отметить проблему неисполнения (или ненадлежащего исполнения) решений ЕСПЧ отдельными государствами. Современные тенденции свидетельствуют, что все больше и больше европейских государств, в том числе и РФ, на внутреннем уровне выносят решения и отказываются следовать предписаниям ЕСПЧ, а также отказываются исполнять его решения.

Одной из главных причин неисполнения нормативных предписаний в области прав человека является военный конфликт. На сегодняшний день крупнейшей в мире региональной организацией, занимающийся вопросами безопасности, была Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Хартия Европейской безопасности определяет ОБСЕ как «одну из основных организаций по мирному урегулированию споров в ее регионе и одним из ключевых инструментов раннего предупреждения, предотвращения конфликтов, регулирования кризисов и постконфликтного восстановления» [22]. До определенного времени данная организация играла важную роль в стабилизации обстановки в Европе, однако после конфликта в Югославии утратила оказанное ей доверие. ОБСЕ функционирует только как политическое объединение: у нее нет учредительного документа и международно-правового статуса, ее решения не обязательны для стран-участниц [12].

Как справедливо отмечает А. Виноградов, «не обладая ни эффективными инструментами для проведения политики принуждения к миру, ни политической волей к действию, ОБСЕ была во многом заменена другими действующими лицами в сфере европейской безопасности» [4, с. 86]. Еще одной проблемой ОБСЕ является необъективный подход к тому или иному конфликту. Например, в вооруженном конфликте на Украине, где ОБСЕ выполняет «специальную мониторинговую миссию», действия организации следует рассматривать как политически мотивированными. В этом конфликте ОБСЕ практически не фиксирует нарушения прекращения огня со стороны Украины, но активно фиксирует такие нарушения со

стороны вооруженных формирований Российской Федерации. Эти проблемы привели к тому, что авторитет организации поставлен под сомнение. Реформирование ОБСЕ, а также создание новых международных и региональных организаций в структуре ООН или сотрудничающих с ней, поспособствовали бы улучшению механизмов обеспечения прав человека. В этом отношении следует говорить о роли Совета Безопасности ООН как главного международного органа по поддержанию международного мира.

Еще одной важной проблемой исполнения нормативных предписаний в сфере прав человека является отсутствие полномочий у большинства международных конвенционных органов и организаций, созданных в рамках ООН. Также причиной неисполнения таких предписаний является тот факт, что в абсолютном большинстве случаев отсутствует прямо указанная санкция за нарушение того или иного права. В результате вопрос применения таких санкций международные органы рассматривают в зависимости от ситуации и часто применяют избирательный подход. То есть за схожие нарушения к разным государствам применяют разные санкции. Наиболее ярким примером является тот факт, что против США за их действия в Ираке, Югославии и Вьетнаме, несмотря на тот факт, что США прямо вмешивались во внутренние дела этих государств без санкции на это со стороны ООН, а также тот факт, что во Вьетнаме Штаты применяли химическое оружие, а в Ираке подвергали заключенных пыткам, не было применено никаких санкций со стороны международного сообщества. В случае же специальной военной операции на Украине, несмотря на то, что не было зафиксировано случаев массового нарушения прав человека со стороны Российского государства, против РФ были применены не только санкции отдельных государств и Евросоюза, но и ряд неформальных санкций со стороны международных организаций.

В этом отношении следует говорить о необходимости установления конкретных санкций за определенные действия государств. В случае же отсутствия прямо определенных в договоре последствий, нормы могут трактоваться каждый раз избирательно. Это создает проблему доверия решениям международных органов, что влечет за собой негативные последствия для международного права и мировой безопасности. Каждое государство, состоящее в том или ином договоре, должно быть уверено в том, что все участники договора обладают равными правами и равной ответственностью за свои действия. Не менее важной проблемой в этом отношении является отсутствие полномочий у международных органов контроля, за исключением Совета Безопасности ООН.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что, во-первых, на сегодняшний момент существует исчерпывающая правовая база о правилах ведения войны и правах человека на ней, однако в мире практически отсутствуют эффективные и независимые организации, способные эти правила контролировать, а также фиксировать случаи нарушения прав человека. Создание новых международных и региональных организаций по безопасности в структуре ООН или сотрудничающих с ней, поспособствовали бы улучшению механизмов обеспечения прав человека.

Во-вторых, демократическое правовое государство является важнейшим условием эффективной реализации нормативных предписаний в сфере прав человека. На сегодняшний день в мире существует

объективная тенденция демократизации государств, в этом отношении международные организации должны свести процесс вмешательства во внутренние дела к минимуму.

На наш взгляд, следует пересмотреть организационные и правовые основы деятельности международных организаций. Отсутствие санкций за нарушение тех или иных прав приводит к тому, что такие нарушения могут толковаться избирательно. Отсутствие эффективных полномочий у органов в структуре ООН является также негативным фактором в международной защите прав человека.

Международные организации должны обладать определенными полномочиями, а права и свободы, содержащиеся в международных документах, должны иметь санкцию за их нарушение со стороны государства. Пересмотр организационных и правовых основ деятельности международных организаций должен быть произведен международным сообществом совместно, с учетом культурной специфики регионов.

Также нельзя не упомянуть проблемы политизации, коррупции и лоббизма. Данные составляющие подрывают авторитет международных организаций и понижают эффективность деятельности международных органов. В этом отношении следует отметить, что такие органы должны контролироваться со стороны государств-участников того или иного договора, а также со стороны граждан государств-участников, так как они непосредственно заинтересованы в независимости таких органов в целях эффективной защиты прав человека.

На сегодняшний день остро стоят проблемы обеспечения прав человека в связи с военными действиями в целом ряде стран, включая территорию Украины. Хотя и существуют правила ведения войны, закрепленные в различных международных актах, однако практически отсутствуют организации, способные заниматься непосредственным контролем за их соблюдением. В этом отношении следует говорить о необходимости создания новой международной организацией по безопасности, поскольку ООН утрачивает свое положение в мире. Современные события на территории Украины свидетельствуют о том, что последователи нацистской идеологии, приверженцы русофобии, уничтожают русскоговорящее население, подвергают пыткам военнопленных, массово нарушают базовые права человека. Совет Безопасности ООН как главный международный орган по поддержанию безопасности в мире, не выполняет возложенных на него задач. Также стоит отметить проблему политизации и коррупции в международных органах контроля.

Хочется надеется, что созданное странами с динамично развивающейся экономикой межгосударственное неформальное объединение БРИКС будет способствовать прогрессу партнерства государств, взаимопониманию между ними, а значит укреплению института прав и свобод человека. В частности, текст декларации саммита БРИКС 2024 года, прошедшего в Казани, говорит о том, что страны данного объединения призывают к уважению демократии и прав человека и подчеркивают, что они должны осуществляться как на уровне глобального управления, так и на национальном уровне [17].

Библиографический список к главе 8

1. Американская декларация прав и обязанностей человека // Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / отв. ред. Л.Х. Абашидзе. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 281–295.
2. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник / автор-сост. проф. В.Ф. Пилипенко. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005. – 195 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 704 с.
4. Виноградова А. ОБСЕ: Динамика развития / А. Виноградова // Свободная мысль. – 2010. – №10 (1617). – С. 83–96. EDN TWKXHD
5. Годовой доклад 2024 год // ООН: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/annualreport> (дата обращения: 25.10.2024).
6. Гришин К. Концепция естественного права. Современные интерпретации: монография / К. Гришин. – М.: Проспект, 2023. – 112 с.
7. Захарова Л.И. Международные стандарты в области прав человека и институт омбудсмена / Л.И. Захарова. – М.: Монолит, 2002. – 264 с.
8. Институты конституционного права / отв. ред. д.ю.н., проф. Л.В. Андриченко, д.ю.н., проф. А.Е. Постников. – М.: Юриспруденция, 2011. – 496 с.
9. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации / В.А. Карташкин. – М.: Норма, 2020. – 288 с.
10. Лукашева Е.А. Совершенствование деятельности государства – необходимое условие обеспечения прав человека / Е.А. Лукашева // Государство и право. – 2022. – №2. – С. 187–193. DOI 10.31857/S102694520018864-1. EDN NHKGWP
11. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев // Институт философии Российской академии наук: электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphras.ru/elib/Novgorodtsev_Obshchestv_ideal.html (дата обращения: 10.10.2024).
12. ОБСЕ – что это за организация, какие цели и задачи она выполняет // АО «РОСБИЗ-НЕСКОНСАЛТИНГ». Сообщения и материалы сетевого издания «РБК»: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/base/10/07/2024/6688020b9a794780e0403a33> (дата обращения: 15.10.2024).
13. Поляков А.В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека (тезисы доклада) // Права человека: вопросы истории и теории: материалы межвузовской научно-теоретической конференции 24 апреля 2004 года / под ред. Д.И. Луковской. – СПб., 2004. – С. 316–320. EDN UUWIEZ
14. Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. – М.: Наука, 1981. – 272 с.
15. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. – 512 с.
16. Права человека. Сборник международных документов / сост. Л.Н. Шестаков. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 232 с.
17. Прокопьева Д. Казанская декларация саммита БРИКС: главное, о чем договорились мировые лидеры / Д. Прокопьева // Филиал АО «ТАТМЕДИА» ИА «Татар-информ»: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/kazanskaya-deklaraciya-sammita-briks-glavnoe-o-cem-dogovorilis-mirovye-lidery-5962314> (дата обращения: 03.11.2024).
18. Рахманова Е.Н. Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования: монография / Е.Н. Рахманова – М.: Российский государственный университет правосудия, 2009. – 192 с. EDN RAXQJT
19. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1983. – 264 с.
20. Сапронова М.А. Арабский мир: реформы политического устройства / М.А. Сапронова – М.: РОССПЭН, 2001. – 213 с.

21. Социалистическая концепция прав человека / отв. ред. В.М. Чхиквадзе, Е.А. Лукашева; АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1986. – 220 с.
22. Стамбульский документ 1999 года // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/mc/39573?download=true> (дата обращения: 15.10.2024).
23. Сунгуров А.Ю. Права человека как предмет политической науки и как междисциплинарная концепция / А.Ю., Сунгуров // Полис. Политические исследования. – 2010. – №6. – С. 90–105. EDN LOFUWV
24. Тункин Г.И. Теория международного права: сборник научных трудов / Г.И. Тункин; под ред. Л.Н. Шестакова. – М.: Зерцало-М, 2023. – 416 с.
25. Устав Организации Объединенных Наций // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102010084&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 15.10.2024).
26. Фарбер И.Е. Права человека, гражданина и лица в советском обществе / И.Е. Фарбер // Правоведение. – 1967. – №1. – С. 39–46.
27. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учеб. пособие / В.А. Четвернин. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2003. – 204 с.
28. Чичерин Б.Н. Собственность и государство / Б. Чичерин. – Ч. 1. – М.: Тип. Мартынова, 1882. – 468 с.
29. Шитова Т.В. Социально-экономические права граждан: особенности содержания / Т.В. Шитова, Г.И. Пчелкина // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2021. – №2. – С. 54–63. DOI 10.36718/2500-1825-2021-2-54-63. EDN BUJJOW
30. Constitution of the People's Republic of China, перевод взят из английского издания: Laws of the People's Republic of China. Beijing: Foreign Language Press, 1994. – 36 p.
31. Dodge T. Us intervention and possible Iraqi Futures. Survival. L. 2003. Vol. 45. No 3. P. 103–122.
32. James Nickel, with assistance from Thomas Pogge, M.B.E. Smith, and Leif Wenar, 13 December 2013, Stanford Encyclopedia of Philosophy, Human Rights.
33. The New Encyclopedia: Micropaedia. Vol. 6. L., 1988. – 986 p.

ГЛАВА 9

DOI 10.31483/r-115041

Иванюженко Андрей Борисович

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ RATIO DECIDENDI В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЙ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПЕНСИОННОМ СТРАХОВАНИИ

Аннотация: в представленной главе рассматривается теория ratio decidendi как методика толкования закона и принятия решений в странах общего права, заимствованная Конституционным судом РФ для разработки им правовых позиций, излагаемых в принимаемых Решениях. В ходе исследования были выявлены особенности этой теории. Автор, рассматривая многочисленные решения КС РФ и в том числе – в области пенсионной защиты населения, делает вывод, что данная теория не может применяться в российской правовой системе в том значении, в котором она понимается в странах общего права. Цитаты из трудов иностранных специалистов выполнены в авторском переводе.

Ключевые слова: правовая позиция, Конституционный суд, система пенсионного страхования, прецедент, общее право, римское право, ratio decidendi, obiter dictum, особое мнение, причина, следствие.

Abstract: the chapter considers the theory of ratio decidendi as a method of interpreting the law and decision-making in common law countries, borrowed by the Constitutional Court of the Russian Federation to develop legal positions set out in its Decisions. The author, considering numerous Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, including in the field of pension protection of the population, concludes that this theory cannot be applied in the Russian legal system in the sense in which it is understood in common law countries. Quotations from the works of foreign specialists are made in the author's translation.

Keywords: legal position, Constitutional court, pension insurance system, precedent, common law, Roman law, ratio decidendi, obiter dictum, dissenting opinion, cause and effect.

Как следует из текста ст. 73 Федерального конституционного закона от 21.07.1994. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – КС РФ), одним из значимых элементов судебного Решения, выносимого данным судом, является т.н. «правовая позиция Конституционного Суда РФ» [1].

Вопросам содержания правовых позиций КС РФ посвящены многочисленные исследования, отражающие разнообразные взгляды юристов на данное явление. Например, Н.В. Витрук пишет, что «правовая позиция КС РФ – результат толкования, интерпретации Конституции РФ в соотношении с конституционно-правовым смыслом проверяемых на

конституционность объектов на основе логики сопоставления (соотнесения) в пределах компетенции Конституционного Суда, которые снимают конституционно-правовую неопределенность и служат правовым основанием его итоговых решений» [25, с. 69]. Н.Ф. Гуцан развивает идею о том, что правовая позиция обладая «личностным» отпечатком мнения судей является ведущим элементом акта конституционной юстиции [32, с. 17], а Л.Ю. Свистунова и А.Э. Святогорова отмечают, что в содержании правовой позиции сочетаются объективное знание о праве и субъективное оценочное отношение к правовой действительности, направленное на создание практической программы действий в реальной жизненной ситуации [56, с. 87].

Неопределенность содержания данного термина привело к тому, что органы государственного управления стали публиковать «правовые позиции» разясняя в них свое видение решения спорных в применении норм права. Так, в Письме ФНС России от 20.09.2024 года № БВ-4-9/10821@ «Обзор правовых позиций, сформированных ФНС России...» [19] содержится толкование названной службой сложных вопросов в налогообложении. Анализируя этот документ и признавая в нем при условии его ненормативности функцию «правового регулятора общественных отношений» обязательного для всех подразделений Службы и рекомендуемого к применению прочими лицами [37, с. 59–85], мы приходим к выводу, что «правовая позиция» должна соответствовать следующим критериям: 1) в правовой позиции должны излагаться подходы органа государственного управления к толкованию юридической проблемы подлежащей разрешению и 2) решение, основанное на правовой позиции должно быть обязательным для применения всеми участниками правоотношений, аналогичных по содержанию.

Таким образом, поскольку «решения и другие акты Конституционного Суда РФ выражают соответствующую Конституции РФ правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий» (ст. 29 ФКЗ «О КС РФ») «правовая позиция» КС РФ представляет собой обобщение самостоятельно сформированных судьями этого органа правосудия на основе собственных представлений о бытии, праве, содержании Конституции РФ и государственном устройстве толкования на соответствие Конституции РФ применяемого акта, вынесенного на рассмотрение КС РФ по которому выносятся Постановления или Определения и отражаемое в мотивировочной части. Будучи основой Решения, правовая позиция КС РФ по его же мнению становится обязательной «для всех государственных органов и должностных лиц» [5; 8] и независимо от того – отменяет ли само Решение нормативный акт или признает его непротиворечащим Основному закону РФ «имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение» [7].

Поскольку правовая позиция КС РФ является не только регулятором общественных отношений, но и «выступает ориентиром в правотворчестве и правоприменении» [49, с. 99], а исследователи периодически отмечают, что научно-практические рекомендации для разработки понятия «правовая позиция Конституционного Суда» до сих пор не даны [54, с. 190], а вопросы о сущности правовых позиций Конституционного Суда «остаются дискуссионными и открытыми для исследования»

[49, с. 102], мы хотели бы рассмотреть вопрос о методологии формирования Конституционным судом РФ правовой позиции, как достоверного (непротиворечивого) регулятора, раскрывающего содержание норм Конституции РФ, выбрав в качестве примера взгляды КС РФ на отдельные проблемы функционирования системы Обязательного пенсионного страхования.

Как отмечает В.А. Кряжков, главное для правовых позиций КС РФ – это логико-правовое обоснование конечного вывода Суда, сформулированное в виде правовых умозаключений судей, в основе которого должна лежать Конституция РФ [47, с. 109–110]. Данное положение позволяет считать, что создание правовой позиции не должно противоречить общетеоретическому утверждению Г. Гегеля о том, что «все имеет свое «достаточное основание», а в силу тождества основания и обоснованного, так как «нет ничего в обоснованном, чего нет в основании» [29, с. 401].

Таким образом, норма закона в правовой позиции судьи КС РФ будет соответствовать норме российского Основного закона, когда содержание некоей нормы (норм) Конституции будет являться по мнению КС РФ «достаточным основанием» для нормы закона, применяемой сторонами спора, выносимого в суд и напротив, если норма закона не будет частным случаем положения, прописанного в Конституции – она должна признаваться в качестве неконституционной. Данное умозаключение подтверждается и КС РФ, который в Постановлении от 13.03.2008 №5-П установил что «Неопределенность в понимании нормы преодолевается путем систематического толкования с учетом «иерархического построения норм в правовой системе, предполагающего, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня, к числу которых относятся нормы, закрепляющие конституционные принципы, и с учетом общих целей принятия соответствующего закона» [10].

При этом выясняется, что выработанная КС РФ правовая позиция и в том числе – в отношении методики толкования Основного закона не является для Конституционного суда РФ обязательной: Председатель КС РФ В.Д. Зорькин отмечает, что «изменение жизненных реалий может приводить и к отступлению от ранее сформулированных правовых позиций, поскольку КС РФ, применяя и истолковывая Конституцию, выявляет не только букву, но и *дух тех или иных ее положений* (выделено нами – А.И.) на каждом новом этапе развития и тем самым приспосабливает ее к меняющимся отношениям в обществе» [36, с. 164]. Данное изложение видения деятельности КС РФ не противоречит положению ст. 47.1 ФКЗ «О Конституционном суде», согласно которой «вопрос *может быть разрешен* (выделено нами – А.И.) на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации правовых позиций» [1]. Данная норма позволяет КС РФ отступать от ранее принятых позиций, по сути отменяя их в изменившихся общественных условиях в качестве основы принимаемого нового решения.

Так как помимо норм Конституции РФ как «достаточного основания» создания правовой позиции в ее формирование может включаться «дух Конституции», обоснование правовой позиции выходит за рамки процитированных выше правил формальной логики, определение правовой позиции КС РФ как «основанного на презумпции истинности феномене»

[61, с. 197] может быть поставлен под сомнение. В частности, нами было выявлено, что за период 1998–2020 годы в силу изменений законодательного регулирования платежей в Пенсионный фонд РФ, правопреемником которого является Социальный Фонд РФ, Конституционный суд четыре раза в сформированных им правовых позициях менял свои взгляды на правовые характеристики этого вида дохода бюджета ПФ РФ.

Так,

– в Постановлении Конституционного суда РФ от 24.02.1998 №7-П отмечается, что «страховые взносы в ПФ РФ представляют собой особые обязательные платежи, являющиеся формой отчуждения денежных средств страхователей и застрахованных на началах безвозвратности и индивидуальной безвозмездности» [6];

– в Определении от 05.02.2004 №28-О Конституционный суд РФ указывает, что «в отличие от налога страховые взносы на обязательное пенсионное страхование отвечают признакам возмездности и возвратности» [9];

– в Постановлении от 30.11.2016 №27-П можно прочесть, что «отдельные правовые позиции Конституционного суда по поводу налогообложения распространяются и на обязательные страховые взносы» [11], а

– в Постановлении Конституционного суда РФ от 31.10.2019 №32-П излагается позиция, согласно которой «в отличие от налогов, страховые взносы для застрахованных лиц выступают материальной гарантией пенсионного обеспечения в случаях, когда они лишены возможности иметь заработок (доход) или утрачивают его в силу возраста» [13].

Как нами было выявлено, в каждом случае КС РФ обособывал вновь созданные правовые позиции непротиворечием новаций – не только Основному закону но и духу Конституции, что не свидетельствует о едином истинно-правильном подходе государства к содержанию правоотношения по созданию бюджета Пенсионного фонда РФ (ныне- Социального фонда РФ) [38, с. 126–127].

Однако, по нашим представлениям в изучении правовой позиции КС РФ исследователи не обратили должного внимание на работы судьи КС РФ Г.А. Гаджиева и председателя КС РФ В.Д. Зорькина, первый из которых еще в 1999 году отмечал, что «правовые позиции КС РФ ближе всего находятся к т.н. *ratio decidendi* (основа решения – лат.), и в силу этого именно правовые позиции КС РФ следует считать источниками права» [27, с. 82], а второй в 2004 году указывал на то, что «решения Конституционного Суда имеют нормативный характер и как таковые приобретают прецедентное значение <...> правовые позиции КС отраженные в его решениях можно сопоставить с *ratio decidendi* в английском праве» [35, с. 4].

Данные тезисы судей КС РФ не стали поводом для дискуссии, однако в Информации КС РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции РФ (на основе решений Конституционного Суда РФ 2020 – 2023 годов)», одобренной решением КС РФ от 14.11.2023 отмечается, что «Обращение в *ratio decidendi* решений Конституционного Суда к принципу солидарности (закрепленной в ст. 75.1 Основного закона РФ – А.И.) бывает нередко предопределено выявлением в ходе нормоконтроля экстраординарных обстоятельств, не учтенных нормотворцем и обуславливающих необходимость пересмотра» [17]. Представляется, что изложенная в процитированной Информации КС РФ отсылка к *ratio*

decidendi как некоей посылке в которой указывается место указанного принципа в толковании Основного закона не является риторическим приемом, а признает факт осмысленного обращения судьями КС РФ к ratio decidendi как теории, на основе которой происходит формирование правовых позиций и выносятся Решения.

Проблематика теории ratio decidendi российскими правоведами детально не изучена. Причиной этого видится тот факт, что названная теория используется в англо-саксонской правовой системе (т.н. системе общего права) и непосредственно не применяется российскими судами в силу отнесения российского правоприменения к т.н. континентальной системе.

В связи с этим нами подымается вопрос об уместности использования данной теории в толковании КС РФ норм и «духа» Основного закона РФ, причем уместности не политико-правовой (родоначальником теории ratio decidendi является Великобритания, которая согласно Распоряжению Правительства РФ от 17.09.2024. №2560-р входит в «перечень иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую *деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям* (выделено нами – А.И.)») [18], а уместности теоретико-правовой, так как теория ratio decidendi, побуждающая к принятию КС РФ решения обоснованно применяется в другой правовой реальности, а ее слепое заимствование может привести к ситуации, изложенной еще Павлом в комментариях к опубликованному в Дигестах Юстиниана «Закоу Цинция», согласно которому: «поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» [63, с. 236].

Исследуя названную теорию М.Ю. Спирин пишет, что ratio decidendi следует рассматривать как логическую конструкцию именно судебного прецедента и в целом прецедентного права [59, с. 112], которые по словам британского правоведа Дж. Монтроуза (J.L. Montrose) основаны на правовом принципе обязательности для применения «принципа права, который судья счел необходимым для принятия решения по рассматриваемому им конкретному делу» [69, с. 124]. В то же время непосредственно Дж. Монтроуз отмечал, что доктрина прецедента имея основополагающее значение как для изучения, так и для применения права, редко обсуждается в судебной практике, а фактически вопрос о месте ratio decidendi в судебном решении и его особенностях как способа толкования закона был поднят в Великобритании только впервой половине XX века [70, с. 126].

К тому же указанный правовец отмечает, что латинское происхождение словосочетания ratio decidendi является причиной двусмысленности, поскольку в простом переводе на английский язык оно может быть передано в равной степени фразами «причина для (настоящего) решения» и «причина для (иного) решения» («reason of decision» / «reason for decision» – англ). По его словам, судьи и исследователи права в равной степени используют эту фразу как о предпосылке окончательного решения, будь то установление факта, определение закона или мнение о государственной политике, так и для подтверждения факта обеспечения верховенства закона, независимо от того, влияет ли это на решение суда или нет, для которого это дело может быть использовано в качестве авторитетного. Такая «гибкость термина» приводит по его мнению к содержательной

неоднозначности *ratio decidendi*, которая уменьшается благодаря «*неписанному соглашению (convention – пер. А.И.) по использованию термина ratio decidendi исключительно для обозначения какой-либо верховной нормы права (rule of law – курс., пер. – А.И.), которая так или иначе связана с принятием решения*» (выделено нами – А.И.)» [69, с. 124].

Рассматривая позицию П.Г. Виноградова, который вслед за Дж. Монтроузом высказался о том, что *ratio decidendi* – есть в большей степени принцип, на котором основано вынесенное судом решение по конкретному делу [24, с. 148], мы должны высказать следующие соображения.

По нашим представлениям концепция толкования закона *ratio decidendi* в странах общего права является следствием своеобразной рецепций в Великобритании римского права и взглядов присущих римским правоведам, основывающим свое видение закона на т.н. *naturalis ratio* (естественный порядок вещей) [31, с. 143]. Данная рецепция возникла в раннем средневековье и прослеживается до нашего времени из-за отсутствия в Великобритании кодифицированного Основного закона, в связи с чем толкование судом закона посредством *ratio decidendi* распространялось не на соответствие нормативного акта – Основному закону, а на соответствие выносимого судебного решения – ранее изложенному судом видению применения существующего нормативного акта или его толкования в судебном решении.

Профессор Х. Луке (H.K. Lücke; университет Бонда, Австралия) отмечает, что в Англии принцип, согласно которому к одинаковым делам следует относиться одинаково, восходит к раннему средневековью, когда известный британский правовед Брэктон (Henry of Bracton XIII век) исследуя доктрину Римского права писал: «Если возникают одинаковые дела, пусть они решаются одинаковыми силами, поскольку представляется удобный случай для проведения аналогичного разбирательства», вследствие чего возник прецедент как феномен общего права, и создается «классическая теория *ratio decidendi*», как «принципа права, выдвинутого судьей в качестве основы для его решения» в основе которого изучается выбранное из ранее существующих Решение (прецедент), с подходящей формулировкой; с помощью соответствующего логических умозаключений доказывается, что это правило действительно может рассматриваться как основа нового решения, а затем – применяется к фактам рассматриваемого дела, как если бы применялось законодательное положение [68, с. 36, 38].

Однако данная точка зрения не является единственно-верной. Так, немецкий правовед Карл Ларенц (Karl Larenz XX век), отмечает, что судья не должен полагаться на созданные прецеденты безоглядно и если есть сомнения в правильности предлагаемого к признанию прецедента, сформировать собственное суждение [50, с. 291–292], по сути повторяя мысль известного исследователя римского права Гарсиа Гарридо указывающего на то, что «следует помнить и о технике проведения различий между делом, ждущим решения, и уже решенным, результатом чего может явиться заключение о неприменимости во втором случае *ratio decidendi* первого» [28, с. 136].

Взгляд на условность *ratio dicendi*, как предпосылки для иного судебного решения по аналогии в странах Общего права содержится в исследованиях британского правоведа А. Гудхарта (A.L. Goodhart 1891–1978), признаваемых современными исследователями из стран Общего права

«догматикой английского судебного прецедента и основой специальных методик по выявлению нижестоящим судом возможности признания прецедентным решения вышестоящего суда» [33, с. 284]. В частности, А. Гудхарт еще в 1930 году в своей основополагающей статье «Determining the ratio decidendi of a case» (Место ratio decidendi в судебном решении – пер.) пишет, что в системе общего права не каждое мнение, высказанное судом, создает судебный прецедент. Так, судебное решение имеет силу прецедента тогда, когда позиция суда по нему соответствует следующим критериям:

1) позиция, изложенная судьей, должна логически вытекать из нормы закона, не позволяя правоприменителю искать мотив, побуждающий суд к ее формированию (ratio decidendi как таковое), и

2) позиция не должна основываться на «умозаключении, основанном на факте, существование которого не было предметом рассмотрения суда», т.е. на «obiter dictum» («попутно сказанное – лат.») [67, с. 174].

Obiter dictum в отличие от ratio decidendi как рассуждения о применении закона к случаю обозначает условия и обстоятельства, под влиянием которых суд вынес решение предполагая в отличие от объективно существующих абстрактных норм законодательства субъективный фактор деятельности суда. Однако поскольку границы ratio decidendi и obiter dictum размыты и объединяются в едином тексте Решения, выделение ratio decidendi как предиката для иного решения осуществляется логическим путем с применением специальных методик (т.н. «формула Гудхарта» [33, с. 284], в основе которой лежит тезис этого исследователя о том что судебное решение и лежащие в его основы аргументы в качестве ratio decidendi признаются иным судом в качестве основания решения тогда, когда факты лежащие в основе спора признанные доказанными иным судом желающим использовать прецедент не просто доказаны, а совпадают с фактологией, лежащей в основе прецедентного решения. Вследствие применения этой «формулы» судьям дается право не просто на признание позиции суда в качестве ratio decidendi, а на свободу от абсолютности прецедента и судебное нормотворчество без обязательности прецедента как такового.

Вследствие подобного толкования создается более гибкая рецепция правила, изложенного в Дигестах Юстиниана по поводу судебного право-творчества («Когда его Императорское Величество рассматривает дело с целью принятия по нему решения и выносит заключение... этот закон будет применяться не только к делу, в отношении которого он был обнаружен, но и ко всем аналогичным делам. Ибо что может быть более великим и священным, чем Императорское величество?») [63, с. 458] нашедшая выражение в британской теории «парламентского суверенитета» изложение которой было сделано британским правоведом Альбертом Дэйси (Albert Dicey 1835–1922): «Парламент уже в силу самого своего определения (т.е. принципа Король в Парламенте «Crown-in-Parliament» – англ. согласно которому источником законодательной власти является монарх Великобритании участвующий в законотворчестве Парламента) имеет право принимать или отменять любой закон. Кроме того ни одно лицо или орган не имеет права, согласно праву Англии, отменить или проигнорировать законодательный акт, принятый Парламентом» [62, с. 30]. Данная теория запрещает Верховному Суду Великобритании отменить закон или

его часть, [44, с. 56], в силу чего теория толкования Британского закона *ratio decidendi* позволяет интерпретировать его, вследствие чего развивается право на усмотрение суда.

Теоретические рассуждения А. Гудхарта развиваются Британским юристом Рупертом Кроссом (Rupert Cross) согласно которого поиск судом *ratio decidendi* обусловлен английской доктриной *stare decisis* (стоять на решенном- англ.), в основе которой также лежит восприятие Римского права по причине порой неопределенных ответов римских правоведов на поставленные вопросы. Таким образом, принцип *Stare decisis et non quia movere* (стоять на решенном и не нарушать спокойствие – лат.) стал одной из основ в формировании прецедента. В результате развития доктрины *stare decisis* по словам Р. Кросса, судья обязан последовать прецеденту, т.е. применить в качестве аргумента *ratio decidendi* этого прецедента кроме тех случаев, когда, суд считает, что оба дела «разумно различимы». Данная правовая идея была сформулирована в судебном решении по делу *Quinn v. Leathern* (1901 г.): «Каждое судебное решение должно читаться применительно к конкретным фактам, доказанным или предположительно доказанным в этом деле, поскольку общеупотребительные выражения, которые можно найти в решении, относятся не ко всему праву, а вызваны и оправданы конкретными обстоятельствами конкретного дела» [46, с. 57, 59].

Поскольку решение суда – продукт мыслительной деятельности человека, прежде всего, профессионала, в основе которой лежит принцип, идея, на базе которой выстраивается предложение обеспечивающее решение какой-либо юридической проблемы [26, с. 80], процесс определения *ratio decidendi* как основы судебного решения носящей обязательный характер – это правильно продуманный вывод из того, что на самом деле решил иной, вышестоящий суд, в отношении нормы права по применению которой спор сторон передается в суд принимающий решение. Соответственно, применение *ratio decidendi* помимо принципов логики Г. Гегеля не должно противоречить «Закону достаточного основания» сформулированного в XVII в. Г. Лейбницем согласно которого каждое осмысленное выражение (суждение) может считаться достоверным только в том случае, если оно было доказано, то есть были приведены достаточные основания, подтверждающие его обоснованность.

Степень обоснованности суждения (т.н. эпистемическая модальность) позволяет суду отклоняя недостаточно обоснованные факты установить правило необходимое для толкования в качестве *ratio decidendi* для иных судов, а применяющей это правило судебной инстанции на основе квалификации фактов своего дела – применить или не применить его в своем новом решении, проверяя на обоснованность применительно к доказанным обстоятельствам и фактам [23, с. 3–4]. Поскольку за многовековую историю британского права было создано множество правовых позиций, логические способы толкования права на основе применения прецедентного решения разработанные Гегелем и Лейбницем были дополнены т.н. принципом «правовой интуиции» (*hunch* – англ.) в основе которой лежит умение юриста (судьи) найти необходимый для разрешения дела *ratio decidendi* и признание в нем справедливости [28, с. 138] приводящее к формированию решения конкретного правового спора.

Переходя к рассмотрению возможности применения методологии толкования норм Основного закона РФ за счет теории *ratio decidendi*, следует обратить внимание на то, что правовые позиции КС РФ в отличие от британского прецедента обязательны не только для судов, но и для всех субъектов права, не допускают отступлений от них, что по формальным основаниям не отождествляет их с «классическим» прецедентом [34, с. 30]. Вдобавок, правовые позиции КС РФ должны как *ratio decidendi* основываться на правилах формальной логики, в связи с чем формально-правовой и грамматический методы толкования норм Конституции РФ, а равно выделяемые исследователями исторический (историко-политический), системный и телеологический способы толкования [65, с. 315–316] («духа Конституции») должны быть аргументированы не только особенностями развития российского общества и государства, но и писанным правом. В частности, введенный в 2020 году поправками в ст. 75 и 75.1 Основного закона РФ принцип «экономической, политической социальной солидарности» («солидарности поколений» лежащей в основе системы российского пенсионного обеспечения) не существовал в качестве одного из основ построения российского общества до его установления, что подтверждается в процитированной выше Информации КС РФ: «Не присутствует вплоть до 2020 года терминологически в тексте Конституции РФ, солидарность субстанционально была изначально включена в систему конституционного регулирования». Однако, признание солидарности как принципа российского общества и пенсионного обеспечения в частности до его признания нормой Основного закона РФ создает противоречие по отношению к изначально закрепленной в ст.2 Основного закона РФ норме о признаваемых «высшей ценностью» прав и свобод человека и гражданина, т.е. личности, не смотря на возможность их ограниченной реализации в порядке ст. 55 Конституции РФ, о чем мы писали ранее [39], в силу чего поиск смысла норм российского законодательства созданных до 2020 года на соответствие названному принципу «духа Конституции» может нами рассматриваться как усмотрение КС РФ.

Представляется, что пример данного противоречия лежащего в основе формирования правовой позиции не создает предпосылок в обоснованности и субъективном чувстве уверенности судей КС РФ участвующих в процессе принятия Решения, без которых, по мнению В.И. Кириллова и А.А. Старченко «не бывает раскрытия истины» [43, с. 26–27], вследствие чего возникает предпосылка для нелогичности мышления, не характерная для *ratio decidendi*, связанной по мнению Дж. Монтроуза исключительно с применением в качестве основы для толкования «норм», а не «духа» Основного закона.

В то же время, рассматривая заимствование КС РФ *ratio decidendi* как теории, существующей именно в странах общего права, мы должны учитывать, что *ratio decidendi*, как метод толкования закона используемый в этих странах по мнению Дж. Монтроуза возникает не как «мнение одного или нескольких судей». Основная причина, по которой мнения лиц, представляющих меньшинство в подготовке коллегиального решения органом правосудия, например Палатой лордов, не могут быть включены в *ratio decidendi* по делу, заключается в том, что они не являются основанием для вынесения судом решения, что было закреплено в Решении палаты Лордов Великобритании по делу *Walsh v. Curry and others* (1955г.) [69, с. 128]

и нашло отражение в ст. 34.5 Конституции Ирландии 1937 г. устанавливающей неоспоримость коллегиального решения Верховного суда как такового и одновременно с этим признающей на этой территории действие законодательных актов принятых до ее принятия т.е. за весь срок нахождения под юрисдикцией Великобритании (ст. 50.1 Конституции Ирландии) [20].

По этому поводу мы должны отметить, что в России правовая позиция формируется КС РФ как коллегиальным органом, а внесенные в 2020 году Федеральным конституционным законом от 09.11.2020 №5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» поправки в названный Конституционный закон, среди которых был ликвидирован институт публикации особых мнений и мнений судей Конституционного Суда (в настоящее время особое мнение судьи только лишь приобщается к протоколу заседания КС РФ и хранится вместе с ним (ч. 3 ст. 76 ФКЗ); судьи КС РФ не вправе обнародовать свое особое мнение «в какой-либо форме» или публично на него ссылаться (ч. 4 ст. 76 ФКЗ); судьям КС РФ запрещено критиковать «в какой бы то ни было форме» решения КС РФ (ч. 4 статьи 11 ФКЗ)) [2] не столько создают «радикальный поворот в правовом регулировании этого института в России, не соответствующий тренду, сложившемуся до его введения, притом что конституционные принципы, на которых базируется право на особое мнение (право каждого на информацию, принцип независимости судьи), остались неизменными» [48, с. 128, 138], сколько свидетельствуют о месте единоличного мнения судьи выражаемой в Особом мнении в части формирования КС РФ как органом правосудия правовой позиции. Так, КС РФ в Определении от 19.12.2019 №3359-О отметил, что «право судьи на особое мнение выступает процессуальной гарантией принципа его независимости, закрепленного в статье 120 (часть 1) Конституции РФ», а также, что «Особое мнение судьи КС РФ не является решением Конституционного Суда РФ (выделено нами – А.И.) – актом, имеющим самостоятельное значение...» [14].

Как отмечают д.ю.н. С.Л. Сергеевнин и П.Ю. Ултургашев, поправки в Федеральный конституционный закон «О КС РФ» ограничивающие право судьи на особое мнение являются «своеобразным аналогом уникального ирландского опыта» [57, с. 36, 40], а именно – заимствования существующей в ст. 26.2.2 Конституции Ирландии нормы о том, что «решение большинства судей Верховного суда в целях настоящей статьи считается решением суда ... никакое другое мнение, совпадающее или особое, не провозглашается, и существование таких мнений не раскрывается» [20].

Со своей стороны, следует отметить, что Ирландская система права во многом заимствовала британскую практику. Как пишет д.ю.н. А.Л. Рогачевский, исторически в Ирландии как колонии Британии было учреждено управление, во многом сходное с метрополией и в том числе – суд общих тяжб. В 1210 г. Иоанн Безземельный прислал юстициарию (королевскому заместителю и верховному судье Ирландии) сборник английских законов, которым должны были руководствоваться при решении дел в соответствии с принципами «общего права». В 1222 Генрих III указывал на то что «Законы Ирландии и Англии есть и должны быть одни и те же» К концу XII столетия в процессе колонизации Ирландия получила судебную систему аналогичную британской, а в 1216 году в Ирландии была принята

Великая хартия Ирландии, в которой дословно повторялась 41 статья английской Великой хартии вольностей 1215 г. [55, с. 136–138], в силу чего система толкования закона в Ирландии основывалась на принципе *stare decisis*.

Вдобавок, по словам профессора Trinity College (Dublin) Орана Дойла (Oran Doyle) исторически ирландский конституционализм начало которого было положено Конституцией Ирландии 1922 года признавал британский принцип парламентского суверенитета, в силу чего в Ирландии не существовало и до настоящего времени не существует «специального Конституционного суда предусмотренного для проверки закона на его конституционность»; в то же время статья 34.3 Конституции Ирландии наделяет суды общей юрисдикции – суды первой инстанции включающие в себя т.н. «Высокие суды» (High Court – англ.) т.н. «полной юрисдикцией», включая полномочия по определению конституционности любого закона и иного нормативного акта по иску заинтересованного лица, а коллегияльные решения Верховного суда Ирландии о которых идет речь выше, выносятся по итогам рассмотрения апелляций на решения нижестоящих судов либо – по результатам рассмотрения специальных обращений Президента Ирландии в случае сомнений в конституционности законопроекта до его подписания (статьи 26.3.1, 34.3 Конституции Ирландии) [66, с. 18, 46]. К этому надо добавить и то, что по словам профессора права Дж. Кейси (J.P. Casey,) вопрос об отступлении от доктрины *stare decisis* в части признания *ratio decidendi* прецедентов, принятых до 1961 года был поставлен Верховным судом Ирландии только в 1964 году т.е. гораздо позже закрепления в Конституции Ирландии рассматриваемой нормы права [22, с. 20]. Таким образом по нашим представлениям ирландская правовая доктрина заимствовала процитированную выше позицию Палаты лордов Великобритании на *ratio decidendi* в коллегияльном решении, что было отражено в Основном законе Ирландии, а введение этого положения в регуляцию деятельности КС РФ свидетельствует не столько о заимствовании Россией «уникального опыта Ирландии», а о внедрении в регуляцию деятельности КС РФ *ratio decidendi* именно как приема толкования Закона сформированного в иной правовой среде, понижающей значение индивидуальной правовой позиции судьи в коллегияльном решении, и как следствие – не требующей ее публикации в качестве Особого мнения.

В то же время, поскольку убеждение российского судьи выражает его субъективную мыслительную деятельность по отправлению правосудия по конкретному делу [60, с. 94], основанном на субъективном правосознании, достоверность лежащего в основе сформированной коллегияльно судьями КС РФ правовой позиции аргумента как *ratio decidendi* может быть поставлена под сомнение аргументацией, содержащейся в Особом мнении судьи, что позволяет пользователю Решения усомниться в его объективности и поэтому в нынешней редакции Федерального конституционного закона №1-ФКЗ «О Конституционном суде РФ» позиция судьи излагающая Особое мнение не публикуется для обозрения и не разглашается ее автором.

Напротив, по нашим наблюдениям, отличие *ratio decidendi* в деятельности КС РФ от теории и практики британского права в отношении *ratio decidendi* как построенной на правилах логики предпосылки для

формирования правовой позиции выявляется в алогичности некоторых правовых позиций КС РФ, по причине наличия в ней не утверждения, а допущения.

Например, в тексте Постановления КС РФ от 10.11.2022 №49-П отмечается, что «Факт совершения лицом, имеющим статус адвоката, умышленного преступления, установленный вступившим в законную силу приговором суда, *позволяет предположить* (выделено нами – А.И.) наличие у такого бывшего адвоката криминального опыта и специфических личных качеств» [16], а в тексте Определения КС РФ в от 28.06.2022 №1456-О можно обнаружить, что «Вводя оспариваемое заявительницей правовое регулирование, законодатель, *очевидно* (синоним – «по-видимому» – А.И.), принимал во внимание, что работающие пенсионеры, – в отличие от получателей пенсий, прекративших работу, – продолжая осуществлять работу» [15].

Данные примеры позволяют признать в деятельности КС РФ не характерные для *ratio decidendi* в общем праве несоблюдение судом законов логики, от которых во многом по мнению Г.А. Левицкого прямо зависит «успешность судебной деятельности» [51, с. 143], не свидетельствует об интуитивном поиске справедливости, т.е. способности видеть справедливость как целое «без данности всей совокупности фрагментов <...> являющейся духовно-творческим переживанием ценности и основы творчества» [21, с. 23, 27, 30], характерным, как писалось выше, для британского опыта толкования закона, а напротив – применением судом «риторической аргументации», также берущей начало в праве Древнего Рима (т.н. деятельности ораторов), но основанной на приемах отличных от логико-математического понимания рациональности как таковой [30, с. 14].

Рассматривая практику деятельности КС РФ, мы приходим к выводу что в отличие от практики Великобритании в которой применяется выше-названная теория «парламентского суверенитета», запрещающая отмену Закона судом и побуждающая к применению *ratio decidendi*, данный орган конституционной юстиции вправе не просто руководствуясь своими воззрениями на существо права признавать норму федерального закона неконституционной, тем самым отменяя ее действие, но и создавать принципиально новую юридическую норму на невозможность чего указывала Е.В. Евсикова [64, с. 222], что позволяет признать за ним не свойственной британской системе государственного управления и функционирующей в ней системе прецедентов присвоение функций Законодателя. Так, в Постановлении КС РФ от 13.03.2008. №5-П устанавливается, что «Родители, имеющие несовершеннолетних детей и расходующие собственные средства на приобретение объектов недвижимости в общую долевую собственность с ними, <...> образуют самостоятельную группу налогоплательщиков (выделено нами – А.И.) <...> эта группа налогоплательщиков не может быть поставлена в худшее положение по сравнению с другими плательщиками налога на доходы физических лиц» [10], вследствие чего не смотря на то что родитель и малолетний ребенок согласно ст. 57 Конституции РФ (каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы) и ст.3 Налогового кодекса РФ (каждое лицо должно платить налоги) самостоятельны в исполнении налоговых обязательств (т.н. физические лица – налогоплательщики), «Родители с несовершеннолетними детьми» были признаны решением КС РФ самостоятельным

субъектом налогового правоотношения, права и обязанности которого тождественны налогоплательщику – физическому лицу, что является неправомерным для британского толкования.

Подобная практика может быть объяснена взглядами КС РФ на систему «сдержек и противовесов» в России, обеспечивающую по мнению КС РФ «самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно – их взаимодействие (выделено нами – А.И.)» [3], и содержанием в процитированном выше Постановлении КС РФ от 13.03.2008 №5-П позиции о том, что «к задачам конституционного правосудия, как они определены Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ», относится устранение неопределенности в законодательных нормах, в том числе (выделено нами – А.И.) посредством их конституционно-правового истолкования», допускающего в числе прочего, правомочие Суда руководствоваться вышеназванными «иными соображениями прямо не указанными в Основном законе но направленными на взаимодействие ветвей власти» т.е. из «духа Конституции» [10].

Рассматривая судебный прецедент в праве Великобритании М.Ю. Спирин справедливо отмечает, что соотношение между *ratio decidendi* и *obiter dictum* гораздо сложнее чем «разделение Решения суда на резолютивную и мотивировочную части» [59, с. 112], а так как границы между ними расплывчаты, и изложены в виде Единого аргумента, «поиски *ratio decidendi* (т.е. поиск истинного правового аргумента применяемого в качестве прецедента для решения иным судом в ином деле – А.И.) являются краеугольным камнем судебного процесса в Англии, и странах общего права» [46, с. 61], так как в качестве основы прецедента не может признаваться *obiter dictum*. Напротив, издаваемые КС РФ Определения могут не содержать в себе *ratio decidendi*, так как правовая позиция, содержащая повод для отказа в рассмотрении Заявлений, основывается на аргументе о процессуальной неотнесенности вопроса к подсудности КС РФ, либо – о возможном, в случае принятия вопроса к рассмотрению, нарушении Судом принципа сдержек и противовесов. Данная практика фактически игнорирует толкование нормы материального права, в связи с чем аргументация КС РФ может рассматриваться не как *ratio decidendi*, и едва-ли в качестве *obiter dictum*. В частности,

– в Определении КС РФ от 01.04.1996 №9-О отмечается, что «...решение вопроса, поставленного заявителем перед судом, не может быть выведено из буквы и смысла закрепленных в Конституции РФ положений, не затрагивает конституционные права и свободы граждан и по своему характеру и значению не относится к числу конституционных» [4];

– в Определении КС РФ от 02.04.2019 №854-О указывается на то, что «оценка использования статистических, аналитических и иных сведений и результатов научных и экспертных исследований, достоверности проведенного анализа лежит за пределами рассмотрения вопроса о конституционности правовых норм, <...> а проверка оспариваемых норм с целью ответа на вопрос о том, возможно ли в действующей системе правового регулирования повышение пенсионного возраста, фактически означала бы оценку социально-экономической обоснованности и целесообразности решений законодателя» [12], а

– в Определении КС РФ от 28.06.2022. №1456-О акцент делается на том, что «принятие жалобы О.В. Ливановой к рассмотрению фактически

предполагало бы оценку Конституционным Судом Российской Федерации разумных сроков разработки необходимого законодательного регулирования и означало бы вмешательство Конституционного Суда Российской Федерации в разрешение социально-экономических вопросов» [15].

Данные аргументы не могут рассматриваться в качестве *obiter dictum*, так как в тексте Определения *ratio decidendi* отсутствует, а КС РФ демонстрирует фактическое устранение из действующей в политико-правовом пространстве России системы сдержек и противовесов. Такие примеры говорят о непоследовательности КС РФ в подходах к рассмотрению актов на их конституционность, и не соответствия Британской доктрине *stare decisis* в которой применяется рассматриваемая нами теория *ratio decidendi*, скорее в своей основе содержат не принципы плановости и законности, характерные для системы государственного пенсионного страхования, а обусловлены фактором финансовой целесообразности в условиях недостаточности средств предназначенных для обеспечения социального государства [41].

В результате проведенного исследования, мы приходим к выводу о том, что *ratio decidendi* как теория толкования Основного закона на которую по всей вероятности опирается в своих правовых позициях КС РФ, скорее ближе к взглядам Дж. Монтроуза, о том, что этот термин по «негласному соглашению юристов» используется как «некая причина побуждающая к судебному решению», так как приведенные выше примеры деятельности КС РФ противоречат правовым и политическим установкам, существующим на протяжении многовековой истории Великобритании в процессе функционирования которых была создана эта теория, и напротив – соответствуют взглядам на уникальное общественное и государственное устройство России также имеющее многовековую историю, и в том числе на место Общественного договора в жизни общества и деятельности государства, о чем мы неоднократно писали ранее [40; 42].

Применение данной теории в усеченном виде («по негласному соглашению юристов» в Российской теории и практике правоприменения, по нашему мнению, может иметь неблагоприятные последствия. Пример такого «соглашения» приводится д.ю.н. В.Д. Сорокиным, по словам которого на одном из Всесоюзных совещаний советских юристов (30-е годы XX в.), была «согласована» своего рода научная директива, согласно которой в изучении и применении права следовало исходить из того, что «а) советское право – складывается из ряда материальных и процессуальных отраслей и б) каждая отрасль права имеет свой предмет и метод» [58, с. 226–227], что во многом предопределило теоретические подходы к месту метода правового регулирования в системе советского и позднее – российского права, ныне ставясь под сомнение теорией и практикой.

Как представляется, «соглашение», по которому *ratio decidendi* терминологически понимается только как «основа для решения», может быть возможным только в системе общего права по причине понимания юристами, работающими в этой системе сложности ее содержания. Напротив, поскольку на основе сообщения КС РФ об использовании *ratio decidendi* в формировании правовых позиций, формируется не просто изложенное в Решении КС РФ обязательное для всех правило поведения, а создается фрагмент текста Решения, написанного по определенным приемам литературного жанра имеющего свою аудиторию читателей [53, с. 343]

(примером чего является по признание в 1994 году отдельно публикуемого мнения судьи в качестве «обособленного жанра» [48, с. 133]), ссылка на *ratio decidendi* как теорию толкования Закона становится частью т.н. «прецедентного высказывания» т.е. репродуцируемого продукта речемыслительной деятельности [45, с. 67] обладающего свойством шаблонности, воспринимается как существующее в готовом виде и воспроизводится без существенных изменений [52, с. 102]. Данная «прецедентность текста» Решения КС РФ, обладающего признаком истинности при принципиальном отличии теории *ratio decidendi* в системе общего права от некоей «условной причины, побуждающей суд (суды) принять решение», создает предпосылку к слепому копированию этой теории судами или органами наделенными юрисдикционными полномочиями (примером чего является указание ФНС РФ на созданные «правовые позиции», изложенные в процитированном выше Письме ФНС РФ) при непонимания органами правоприменения места названной теории в толковании Закона в странах общего права, вызывая сомнение юридического сообщества в обоснованности принятия уполномоченными органами, включая органы правосудия соответствующих решений.

Библиографический список к главе 9

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 23.07.1994.
2. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 №5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 11.11.2020.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 №2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // СЗ РФ. – 1996. №4. – Ст. 409.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 01.04.1996 №9-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Владимировича как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 07.10.1997 №88-О «О разъяснении постановления Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СЗ РФ. – 1997. – №42. – Ст. 4900.
6. Постановление Конституционного суда РФ от 24.02.1998. №7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Государственный фонд занятости населения РФ и в Фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов» // Российская газета. – 10.03.1998.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 №19-П «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ» // СЗ РФ. – 1998. – №25. – Ст. 3004.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 08.10.1998. №139-О «По жалобе гражданина Апушкина Павла Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьями 43 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного суда РФ от 05.02.2004 №28-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации Тверской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов Заволжского района города Твери на нарушение конституционных прав и свобод статьями 3 и 34 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» и статьей 10 Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс РФ и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. – 2004. – №12. – Ст. 1109.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.03.2008 №5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного суда РФ от 30.11.2016 №27-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса РФ в связи с запросом Кировского областного суда» // Российская газета. – 16.12.2016.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 №854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Конституционного суда РФ от 31.10.2019 №32-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18, статей 20 и 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование», части 22 статьи 26 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и пункта 6.1 статьи 78 Налогового кодекса РФ в связи с запросом Верховного Суда РФ» // Российская газета. – 15.11.2019.

14. Определение Конституционного суда РФ от 19.12.2019 №3359-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 76 и 79 Федерального конституционного закона «О конституционном суде Российской Федерации» и ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, а также его ходатайства о разъяснении Определения Конституционного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года №1248-О». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 №1456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ливановой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2022 №49-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки С.Г. Шалавина». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

17. Информация Конституционного суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции РФ (на основе решений Конституционного Суда РФ 2020–2023 годов)». Одобрено Решением Конституционного суда РФ от 14.11.2023 // Официальный сайт Конституционного суда РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.09.2024. №2560-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

19. Письмо ФНС России от 20.09.2024. № БВ-4-9/10821@ «Обзор правовых позиций, сформированных ФНС России по результатам рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков за второй квартал 2024 года». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

20. Конституция Ирландии от 29.12.1937: официальный текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html#article20> (дата обращения: 01.11.2024).

21. Богатырев Д.К. Познание. Опыт. Мышление. Интуиция. Интуитивизм / Д.К. Богатырев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. Вып. 4. С. 12–32. – EDN TFBJTV

22. Богдановская И.Ю. Прецедентное право / И.Ю. Богдановская. – М.: Наука, 1993. – 239 с.

23. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П.Г. Виноградов; под ред. У.Э. Батлера, В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2010. – 288 с.

24. Векленко П.В. Логика: конспект лекций / П.В. Векленко; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 52 с.

25. Витрук Н.В. Верность Конституции: монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 272 с.

26. Власенко Н.А. Правовые позиции: понятие и виды / Н.А. Власенко // Журнал российского права. – 2008. – №12. – С. 77–86. – EDN OALRYN

27. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права / Г.А. Гаджиев // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – №3. – С. 81–85.

28. Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / пер. с исп.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М., 2005. – 812 с. – EDN QWFNNF

29. Гегель Г. Наука логики / Г. Гегель; пер. с нем. Б.Г. Столпнера. – Т. I. Объективная логика. – Primedia E-launch LLC, 2017. – 540 с.

30. Гимпельсон Е.Г. Риторическая составляющая коммуникативной компетенции специалиста / Е.Г. Гимпельсон, Е.В. Ковшикова // Коммуникативные компетенции современного юриста: сборник научных трудов / редколл.: И.В. Шиндряева, К.А. Белоконева, Е.В. Ковшикова, В.В. Бойченко. – Волгоград, 2024. – С. 12–16.

31. Горбунов М.А. Принципы римского права / М.А. Горбунов // Вестник Московского Университета МВД РФ. – 2009. – №7. – С. 139–145. – EDN JYCWFF

32. Гуцан Н.Ф. Акты конституционной юстиции в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.02 / Н.Ф. Гуцан. – СПб., 2009. – 25 с. – EDN NLDVQP

33. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. – М.: Международные отношения, 2020. – 456 с.

34. Захаров В.В. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права / В.В. Захаров // Журнал российского права. – 2006. – №11. – С. 25–31. – EDN OOUBMN

35. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – №12. – С. 3–9.
36. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. – М.: Норма; Инфра-М, 2011. – 720 с. EDN SDQRMD
37. Иванюженко А.Б. Ненормативные регуляторы в механизме правового регулирования финансовой деятельности государства / А.Б. Иванюженко // Источники и формы права в современной финансово-правовой науке / Х.В. Пешкова, С.В. Мирошник, С.В. Запольский [и др.]. – М.: Инфра-М, 2023. – 380 с.
38. Иванюженко А.Б. Конституционно-правовые и финансово-правовые предпосылки внедрения в российское законодательство об обязательном пенсионном страховании концепции «социального эскалатора» / А.Б. Иванюженко // Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты / А.В. Минаков, Л.Н. Иванова, В.А. Боровкова [и др.]; гл. ред. Э.В. Фомин; Чувашский государственный институт культуры и искусств. – Чебоксары: Среда, 2023. – 172 с.
39. Иванюженко А.Б. О возможных проблемах реализации конституционных новаций в сфере регулирования пенсионных прав граждан России / А.Б. Иванюженко // Журнал юридических исследований. – 2022. – Т. 7. №1. – С. 19–25. – EDN CWIAHF
40. Иванюженко А.Б. Антропоморфизм в русском фольклоре и произведениях А.С. Пушкина как фактор, формирующий позицию россиян в пенсионных правоотношениях / А.Б. Иванюженко // Журнал юридических исследований. – 2020. – Т. 5. №3. – С. 52–64. – EDN HOAАOC
41. Иванюженко А.Б. О конкретизации применения принципов плановости и законности в российском финансовом праве (на примере правового регулирования деятельности Пенсионного фонда России) / А.Б. Иванюженко // Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны (Саратов, 2 октября 2018 года) / под ред. Е.В. Покачаловой. – Саратов: СГЮА, 2020. – С. 86–91. EDN YRXYFG
42. Иванюженко А.Б. Условия общественного договора в российском обществе как центральная идея «Египетских ночей» А.С. Пушкина: от замысла к воплощению / А.Б. Иванюженко // Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIX Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2024 года). – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2024. – С. 37–45. EDN LVTUBV
43. Кириллов В.И. Логика: учебник / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – 6-е изд. – М.: Проспект, 2006. – 66 с.
44. Кожевников В.В. Современное английское общее право: новое прочтение / В.В. Кожевников // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – №4 (45). – С. 53–64. – EDN UYSFWZ
45. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных, Д. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. – 1997. – №3. – С. 65–72.
46. Кросс Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс; под общ. ред. доктора юридических наук, профессора Ф.М. Решетникова. – М. Юридическая литература, 1985. – 238 с.
47. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: правовые основы и практика / В.А. Кряжков. – М., 1999. – 766 с.
48. Кряжкова О.Н. Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации / О.Н. Кряжкова // Конституционный вестник. – 2021. – №6 (24). – С. 128–139.
49. Кукушкин А.А. Правовая позиция Конституционного суда РФ: сущность, юридические признаки и процессуальные формы / А.А. Кукушкин // Актуальные вопросы российского права. – 2009. – №1. – С. 96–102. – EDN LALJRV

50. Ларенц К. Методология юриспруденции / К. Ларенц. – М.: М-Логос, 2024. – 357 с.
51. Левицкий Г.А. Квалификация преступлений: общие вопросы / Г.А. Левицкий // Правоведение. – 1962. – №1. – С. 141–145.
52. Мифтахова М.М. Явление прецедентности как языковой феномен / М.М. Мифтахова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – №2 (16). – С. 99–103. – EDN SFDSAZ
53. Оленев С.В. О жанрообразующих факторах текстах решений арбитражного суда / С.В. Оленев, И.А. Семченко // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №4. – С. 341–344. – EDN OYKIGH
54. Попов Г.В. К вопросу о правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации / Г.В. Попов // Марийский юридический вестник. – 2004. – №3. – С. 188–196. – EDN ULZLHP
55. Рогачевский А.Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. (по материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга) / А.Л. Рогачевский. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2004. – 496 с.
56. Свистунова Л.Ю. Содержательная характеристика правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации / Л.Ю. Свистунова, А.Э. Святогорова // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – №2. – С. 84–90. – EDN ZDOYSP
57. Сергеев С.Л. Институт особого мнения конституционного судьи в российском и зарубежных правовых порядках / С.Л. Сергеев, П.Ю. Ултургашев // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 Право. – 2021. – №6. – С. 27–43. – EDN HPIXZK
58. Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право / В.Д. Сорокин. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2002. – 474 с. EDN TQCPZR
59. Спирин М.Ю. Судебный прецедент как формальный источник права: теоретические вопросы / М.Ю. Спирин // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. №4. – С. 109–116. – DOI 10.18287/2542-047X-2021-7-4-109-116. – EDN XXKSJU
60. Телятников В.И. Убеждение судьи / В.И. Телятников. – СПб., 2004. – 329 с.
61. Шустова Д.Н. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / Д.Н. Шустова // Марийский юридический вестник. – 2009. – №3. – С. 195–199.
62. Элефтериадес П. Парламентский суверенитет и Конституция / П. Элефтериадес // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – №3. – С. 29–55. – EDN PCSKPT
63. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 320 с.
64. Дигесты Юстиниана. Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 584 с.
65. Конституционный Суд России: осмысление опыта: монография / А.Н. Медушевский, Е.В. Гриценко, И.П. Кененова [и др.]; под общ. ред. А.Н. Медушевского. – М.: Центр конституционных исследований, 2022. – 650 с. EDN XPNLBM
66. Doyle Oran. The Constitution of Ireland: a contextual analysis. Oxford [UK]. Portland, Oregon: Hart Publishing, 2018. 230 p.
67. Goodhart A.L. Determining the ratio decidendi of a case. Yale LJ, 1930. p. 161–183.
68. Lücke H.K. Ratio Decidendi: Adjudicative Rational and Source of Law. Bond Law Review. 1989. Vol. 1. Iss. 1. Article 2. P. 36–51.
69. Montrose J.L. Ratio decidendi and the House of Lords. The Modern Law Review. 1957. 20 (2). P. 124–130.
70. Montrose J.L. The Language of, and a Notation for, the Doctrine of Precedent (Part I) University of Western Australia Law Review. 1952. 2 (2). P. 301–329.

ГЛАВА 10

DOI 10.31483/r-115186

*Щанкина Любовь Николаевна
Вороненко Екатерина Алексеевна
Пятицкая Дарья Владимировна*

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

Аннотация: целью исследования является исторический анализ становления и развития российского законодательства, регулирующего сферу оказания медицинских услуг. Представлены основные нормативные правовые акты, регулирующие сферу здравоохранения на всем протяжении его истории, начиная со времен Киевской Руси по настоящее время. В ходе исследования выделены три ключевых периода развития законодательства в сфере медицины: дореволюционный, советский и постсоветский. Анализ источников и современных публикаций показал, что данная проблема волновала правителей российского государства с давних времен и не потеряла актуальность и в наше время. Долгое время медицинская деятельность существовала изолированно от права. Со временем общество и в целом государство стали понимать всю серьезность неблагоприятных последствий медицинской деятельности. В заключении авторы приходят к выводу о том, что с развитием права в условиях современного мира есть все основания для того, чтобы признать существование медицинского права и создать единый свод законов, который будет регулировать отношения между медицинскими организациями, их сотрудниками и пациентами.

Ключевые слова: правовое регулирование, медицинское право, здравоохранение, отрасль права, этапы развития медицинского права, ответственность медицинских работников, медицинские учреждения.

Abstract: the purpose of the study is a historical analysis of the formation and development of Russian legislation governing the provision of medical services. The main regulatory legal acts regulating the healthcare sector throughout its history, from the time of Kievan Rus to the present, are presented. During the study, three key periods of development of legislation in the field of medicine were identified: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet. An analysis of sources and modern publications showed that this problem has worried the rulers of the Russian state since ancient times and has not lost its relevance in our time. For a long time, medical activity existed in isolation from law. Over time, society and the state as a whole began to understand the seriousness of the adverse consequences of medical activity. In conclusion, the authors conclude that with the development of law in the modern world, there is every reason to recognize the existence of medical law and create a single set of laws that will regulate relations between medical organizations, their employees and patients.

Keywords: legal regulation, medical law, healthcare, branch of law, stages of development of medical law, responsibility of medical workers, medical institutions.

Для каждого человека здоровье представляет особую ценность и одним из факторов, влияющих на состояние здоровья населения, является медицинская помощь. Сохранение и улучшение здоровья граждан страны является важнейшей задачей любого государства. Не менее важным остается обсуждение правовой составляющей, так как с помощью нормативных актов создаются необходимые управленческие модели с четким распределением прав, обязанностей и ответственности.

Медицинское право – это область права, регулирующая отношения между медицинскими учреждениями (медицинскими работниками), пациентами и государством. Данная отрасль права имеет огромное значение для обеспечения качественной медицинской помощи и защиты прав пациентов. С течением времени медицинское право развивалось и совершенствовалось и в настоящее время оно является важнейшей областью права.

Принятие значительного массива законодательных актов, направленных на регулирование общественных отношений в сфере здравоохранения, побудило юридическое научное и профессиональное сообщество обратить повышенное внимание на эту тему. Следует отметить, что на сегодняшний день в принятых нормативных актах отсутствует определение понятия «медицинское право». Некоторые ученые считают, что медицинское право находится только на стадии становления и формирования. Данной позиции придерживается А.А. Рерихт, которая отмечает, «поскольку признается существование медицинского права, оно находится лишь в состоянии становления. Совокупность относимых к нему норм не основана на развитой научной базе, необходимой для перевода медицинских правил, обычаев и этических норм в юридическую форму и, тем самым, для развития медицинского права. Объем юридических разработок в этой сфере явно недостаточен» [15, с. 5].

Точных данных о начале правового регулирования медицинской деятельности в России нет. Обобщив имеющуюся источники и современную литературу были выделены три ключевых этапа, каждый из которых оказал влияние на развитие и систематизацию норм медицинского права: досоветский, советский и постсоветский периоды.

На начальном этапе следует выделить 3 вида медицинской помощи: народную, монастырскую и светскую (городскую), просуществовавшие вплоть до XVII в. Первые правовые акты, затрагивающие изучаемую сферу, были приняты в X–XI вв. В этот период были созданы такие важные документы, как «Русская правда» и «Церковный устав» князя Владимира Святославича, которые содержали некоторые нормы, регулирующие деятельность врачей.

В частности, статья 2 «Русской Правды» краткой редакции гласит: «Или будет кровав или синь надражен, то не искаги ему видока человеку тому; аще не будет на нем знамения никотораго же, то ли приидеть видок; аще ли не можить мьстити, то взятии ему за обиду 3 гривне, а летцю мьзда» («Если придет на суд человек, избитый до крови или в синяках, то не надо искать свидетеля, но если не будет на нем никаких следов побоев,

то надо искать свидетеля. Если он не может привести его, то делу конец. Если потерпевший не может мстить за себя, то пусть возьмет с виновного 3 гривны и сверх того плату лекарю») [15, с. 77]. Следует также обратить внимание на статью 30, которая указывает на платность медицинских услуг: «Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира» («Если кто ударит мечом, но не зарубит насмерть, то 3 гривны, а самому пострадавшему гривна за рану на лечение, если зарубит насмерть, то платить виру») («Русская Правда» пространной редакции) [15, с. 124].

Анализ указанных статьей «Русской Правды» позволяет выделить три значимые для исследования составляющие. В частности, в них есть упоминание о лекарях; можно выделить общие элементы судебно-медицинской экспертизы – описание видимых внешних повреждений («если придет на суд человек, избитый до крови или в синяках, «следы побоев») и возмездное оказание медицинских услуг («сверх того плату лекарю»). Таким образом, мы солидарны с отечественными исследователями, утверждавшими о том, что в таком важном юридическом источнике, как «Русская Правда» есть упоминания о врачевании («лечцов») и все же оказываемая лекарская помощь имела правовую регламентацию и находилась под контролем государства.

Другим не менее важным историческим документом в рассматриваемой сфере является Церковный Устав князя Владимира Святославича [15, с. 235–253], состоящий из четырех отделов. В этом древнейшем историческом памятнике содержатся положения, регламентирующие некоторые общие вопросы врачевания в системе монастырской медицины. Анализ данного источника показал, что в нем впервые больницы и лекари были определены под надзор церковной власти. Лекари и другие «церковные люди», в частности духовенство, паломники, рабы, отпущенные на волю и не приписанные ни к какой общине, престарелые, сироты, хромцы, слепцы подлежали церковному суду по делам любого рода и соответственно подчинялись церковной юрисдикции (IV отдел). Во втором отделе Устава говорится о судах над колдунами, отравителями и язычниками. Как известно, служили церкви вели постоянную борьбу с представителями народной медицины (кудесниками, знахарями и т. д.) пытаясь очистить врачебное искусство от языческих обрядов и колдовства. Следует отметить, что долгие годы Церковь и монастыри решали многие социальные и медицинские проблемы жителей (сирот, больных) российского государства и на их территориях строились лечебные учреждения. Упоминания о правилах содержания больниц при монастырях содержатся в законодательном сборнике «Стоглав» [11], появившийся при царе Иване Грозном в 1551 г. При нем же в 1581 г. появилась первая аптека («царева аптека») в Москве.

В 1613 г. была учреждена Аптекарская палата – высший орган медицинского управления¹. Он контролировал лечение царской семьи, обеспечивал армию лекарствами, занимался заготовкой растений и приглашением врачей. Стоит отметить, что Аптекарский приказ занимался не

¹ В 1620 г. Аптекарская палата была переименована в Аптекарский приказ, в XVIII в. – в Медицинскую канцелярию и до 1935 г. функционировало под названием Главное аптечное управление.

только медицинскими вопросами, но и царскими огородами, складами, водочными и алхимическими заводами, стеклянными и винокуренными предприятиями, винными складами и часовыми мастерскими.

Работа по регламентации врачебной деятельности и реорганизации фармации в России началась при Петре I. В годы его правления, первым законом, в котором предусматривалось наказание лекарей за врачебные ошибки, был «Боярский приговор» 1686 г. В частности, в разделе «О наказании не знающих медицинских наук и по невежеству в употреблении медикаментов, причиняющих смерть больному» лекари предупреждались, что «буде из них кто нарочно или ненарочно кого уморят, а про то същется и им быть казненными смертью». Однако, несмотря на предупреждение о столь суровом наказании, в том же 1686 г. лекарь, который в пьяном виде перепутал лекарства, что привело к смерти больного, был наказан лишь ссылкой «с женою и с детьми в Курск» [13, с. 4]. Позднее законодательство подверглось изменению, и за смерть от неправильного лечения, виновный предавался церковному покаянию. Если нанесен небольшой вред здоровью пациента, то лекарь не допускался до лечения до тех пор, пока не получит новое свидетельство о надлежащем знании своего дела.

Необходимо подчеркнуть, что при Петре I началась систематическая подготовка медицинских кадров. В 1707 г. была создана Медицинская госпитальная школа в Лефортово, основная цель которой заключалась в подготовке медицинских работников и их трудоустройстве в армии и на флоте. К 1711 г. был подготовлен проект по нормативному распределению медицинских работников по воинским подразделениям. Согласно проекту, в каждом пехотном полку должен был находиться один «лекарь иноземец» и десять «просто лекарей», в артиллерийском полку – два лекаря и семь цирюльников. Подтверждением сказанному гласит глава 33 Воинского устава 1716 г.: «Надлежит быть при всякой дивизии одному доктору и одному штап лекарю. А во всяком полку полевому лекарю. Також в каждой роте по цылюрику» [12].

О защите прав пациентов от ненадлежащего лечения со стороны врача указывается в параграфе девять главы X «О лекаре» Морского устава, утвержденного Петром I в 1720 г. Документ устанавливал ответственность врача за неблагоприятный исход лечения вследствие ненадлежащего исполнения врачом своих профессиональных обязанностей: «Ежели Лекарь своим небрежением и явным презрением к больному поступит, от чего им беда случится, то оной яко злоторец наказан будет, яко бы своими руками его убил, или какой уд отсек. Буде же леностию учинит, то знатным вычетом наказан будет, по важности и вине смотря в суде» [10]. Проанализировав нормы, содержащиеся в обоих уставах, выявлено, что в них содержатся сведения о требованиях к профессиональной деятельности врача и их личным качествам. В указанной X главе заявляется: «Он должен быть трезвым, умеренным и доброхотным при выполнении своих обязанностей и в любое время суток написать рецепт». За свою работу лекари, поступившие на службу в армию и на флот, получали жалование вне зависимости от количества пациентов.

К значимым среди нормативных актов, устанавливающим четкую структуру медицинской деятельности, следует отнести Врачебный Устав 1857 г/ [9]. Устав содержал 1866 статей и состоял из трех книг:

«Учреждения врачебные», «Устав медицинской полиции», «Устав судебной медицины». Врачебный Устав определял требования к лицам, занимающимся врачебной деятельностью: «Никто как из российских подданных, так и иностранцев, не имеющих диплома или свидетельства от университетов и военно-медицинской академии, не имеет права заниматься никакою врачебной деятельностью. Иностранцы врачи, желающие заниматься врачебной практикой в России, обязаны, сверх того, непременно знать русский язык». В документе устанавливалась ответственность за недозволенное и неправильное врачевание (ст. 870, 871), за которые виновные подвергались денежному взысканию, строгому выговору или церковному покаянию. Врачебный Устав с незначительными дополнениями существовал вплоть до октября 1917 г.

В советский период (1917–1991 гг.) происходят кардинальные изменения в системе оказания медицинской помощи, организации здравоохранения и с этого момента здравоохранение стало объектом социального и государственного внимания. В 1918 г. были ликвидированы монастырские больницы, приюты; созданы медико-санитарные отделы, на базе которых в дальнейшем был образован Народный комиссариат здравоохранения; образован специальный комитет помощи раненым и больным красноармейцам; ликвидирована частная медицинская практика и все медицинские учреждения России стали государственными; провозглашена диспансеризация; произошла реорганизация медицинских факультетов в самостоятельные медицинские институты и т. д.

Советской властью были приняты различные декреты ВЦИК, связанные с охраной здоровья: «О страховании на случай болезни» (1917 г.); «О мероприятиях по борьбе с малярией» (1924 г.); «Об обязательном оспопрививании» (1924 г.) и т. д.

Правовое регулирование медицинской деятельности в период советской власти осуществлялось посредством Декрета ВЦИК, СНК РСФСР от 01.12.1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» [8]. Необходимо отметить, что дальнейшем данный документ несколько раз дополнялся и изменялся, и лег в основу всего советского законодательства о здравоохранении. С принятием этого декрета были определены права и обязанности врача, правовой порядок проведения лечебно-профилактических мероприятий и хирургических вмешательств, предусмотрены основания для привлечения врачей к ответственности за правонарушения в сфере медицины. Согласно указанному декрету, заниматься медицинской помощью могли лица, имеющие звания (врача, зубного врача, фармацевта и т. д.) и получившие регистрационные удостоверения.

Другим важным документом, принятым ранее являлся Уголовный кодекс РСФСР 1922 г [5]. Исходя из правовой нормы, закрепленной в статье 108, за неосторожное нарушение профессиональных медицинских обязанностей и должностную халатность предусматривалось наказание в виде лишения свободы; принудительные работы на срок до года; увольнение от должности. Кроме того, обращает на себя внимание статья 165 кодекса, которая предусматривала уголовную ответственность медицинских работников за отказ от оказания медицинской помощи и устанавливала санкции за данный вид преступлений в виде лишения свободы на срок до двух лет.

5 декабря 1936 г. на VIII Чрезвычайном съезде Советов СССР была утверждена новая Конституция СССР («Сталинская» Конституция) [4]. В частности, статья 120 документа гарантировала материальное обеспечение гражданам в старости, при болезни и потере трудоспособности, путем социального страхования и бесплатной медицинской помощи.

Важно подчеркнуть, что в декабре 1969 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [6], который вступил в силу с 1 июля 1970 г. и состоит из 9 разделов. В настоящем законодательном акте отражены нормы, касающиеся порядка и условий профессиональной деятельности медицинских работников, их права и обязанности, а также их ответственность. Необходимость подготовки и утверждения законопроекта о здравоохранении была обусловлена тем, что действовавшее законодательство в этой области не было кодифицировано. Население страны одобрило его, так как все содержание «Основ законодательства» подтверждает записанное в его преамбуле: «Охрана здоровья народа – одна из важнейших задач Советского государства...». Важным представляется тот факт, что в «Основах» подтверждалась необходимость обязательных медицинских осмотров лиц, занятых в разных производствах (ст. 29). Кроме того, предусматривалось обязательное своевременное проведение мероприятий по предупреждению и ликвидации инфекционных заболеваний (ст. 30). По нашему мнению, существенной являлась и статья 31 «Основ» под названием «Санитарное просвещение населения», которая заявляла о том, что органами и учреждениями здравоохранения вкуче с иными общественными организациями среди населения должны распространяться только научно обоснованные медицинские и гигиенические знания. Как показывала практика здравоохранения, успехи в охране здоровья населения возрастают, когда обеспечивается пропаганда медицинских и гигиенических знаний среди различных возрастных и профессиональных групп населения.

Несмотря на все принятые меры, со временем законодательство о здравоохранении советского периода перестало отвечать требованиям общества и как известно в 90-х гг. XX в. в России начались радикальные политические, социальные и экономические реформы, затронувшие и сферу здравоохранения. Эти преобразования потребовали создания новых законодательных актов, но и они не охватывали всех сфер, что нарушало личные права граждан и тормозило развитие правовой системы в медицине. Проблема была решена введением многоуровневой системы нормативных актов по медицинской помощи и услугам.

Стоит отметить, что в 90-х XX в. было принято семь законов в области здравоохранения. В связи с тем, что в эти годы не было четкой концепции реформирования здравоохранения, поэтому в разработку законопроектов были привлечены не только юристы, но и медицинские работники.

Постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время) отличается многообразием медицинских лечебных учреждений, которые могут быть как государственными, так и частными и безусловно действуют в рамках единого правового поля. С этого времени начали оказываться платные медицинские услуги в государственных медицинских учреждениях, внедрялось обязательное медицинское страхование, осуществлялась приватизация аптечных организаций и т. д. После распада СССР экономические

изменения привели к трансформациям в медицинских институтах (совершенствовались учебные планы; увеличился срок обучения до 6 лет и вволилась ординатура и т. д.).

На сегодняшний день основными законами, регулирующими отношения в сфере реализации прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, являются: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях, Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан и др.

Основой правового регулирования отношений в исследуемой области выступает Конституция РФ [1]. Норму, направленную на охрану здоровья и медицинскую помощь, можно найти в ч. 1 ст. 41 документа, которая гласит «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Указанная статья подразумевает и возлагает на учреждения здравоохранения обязанность по оказанию гражданам бесплатной медицинской помощи, осуществление медицинской помощи только на основании полученных лицензий, а также предусматривает ответственность должностных лиц за сокрытие обстоятельств, создавших угрозу жизни и здоровью людей.

Помимо основного закона, систему нормативных правовых актов, регулирующих сферу медицинских услуг, составляет Федеральный закон №2300-1 от 07.02.1992 г. «О защите прав потребителей» [3]. Этот документ регулирует взаимоотношения потребителей с изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами, а также с владельцами информационных площадок, предоставляющих информацию о товарах и услугах при их продаже, выполнении работ или оказании услуг, в том числе и в области медицины. Закон устанавливает права потребителей на приобретение товаров надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества, окружающей среды, государственную и общественную защиту интересов потребителей, а также определяет механизм реализации этих прав.

Базовым нормативным актом, устанавливающим правовые, организационные и экономические принципы в области охраны здоровья граждан стали «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», принятые 22 июля 1993 г. [7]. В документе впервые были определены права пациентов (ст. 30), закреплён приоритет прав человека в сфере охраны здоровья и т. д. Указанный нормативный акт действовал вплоть до 2011 г. Немаловажно отметить, что с момента принятия и до 2011 г. в указанный закон были внесены изменения 27 федеральными законами.

Рассмотрим дальнейшее развитие правового регулирования медицинской деятельности и обратимся к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. «Основы охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], который состоит из 12 разделов. На сегодняшний день данный документ является главным нормативным правовым актом не только в системе здравоохранения, но и содержит правовые нормы, охватывающие широкий круг общественных отношений. В законе сформулированы основные понятия, связанные с охраной здоровья граждан; разграничены компетенции органов власти; определены основы организации системы здравоохранения; сформулированы права граждан; затронута международное сотрудничество в этой области; определены условия и виды

ответственности за причинение вреда здоровью граждан при оказании медицинской помощи. Следует отметить, что в данном законе впервые были представлены права, обязанности медицинских и фармацевтических работников и их ответственность за нарушение прав граждан в изучаемой сфере.

Стоит подчеркнуть, что помимо вышеуказанных законов, существуют и другие нормативные акты, регулирующие сферу здравоохранения и медицинского страхования. К таковым относятся: федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»; «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», «О донорстве крови и ее компонентов», «О трансплантологии органов и (или) тканей человека» и др.

Кроме федеральных законов, к источникам, регулирующим медицинскую сферу, относятся указы Президента Российской Федерации и подзаконные нормативные правовые акты, такие как постановления Правительства РФ, приказы, распоряжения, инструкции и другие документы Министерства здравоохранения и социального развития РФ.

В настоящее время в России сформировалась система правового регулирования здравоохранения, включающая законы о безопасности жизни, окружающей среде, защите граждан, профилактике заболеваний, правах на охрану здоровья и медицинскую помощь, регулировании деятельности медицинских работников и ответственности за нарушения. Мы солидарны с мнением Б.В. Муслова о том, что «Законотворческая работа в первые десять лет XXI в. показала значимость формирования единой системы правового регулирования охраны здоровья граждан для всесторонней защиты и улучшения здоровья общества. Особенно активно правовое регулирование стало развиваться в начале второго десятилетия XXI в.» [14, с. 78].

Подводя итоги отметим, что правовое регулирование отношений в сфере медицины представляет собой одну из самых актуальных проблем не только современности, но и как показали юридические источники с древних времен. В настоящее время в правовой системе России можно сказать сформировалась отдельная отрасль, регулирующая медицинские отношения. Она имеет комплексный характер, поскольку включает в себя нормы как медицинского права, так и других отраслей права, таких как конституционное, административное, гражданское и уголовное право, а также нормы трудового, информационного, экологического, предпринимательского и других отраслей права. Несмотря на сложность и многогранность этой отрасли права, исторический опыт показывает, что сегодня сложились все условия для легитимизации медицинского права и создания отдельного свода законов или медицинского кодекса, который будет регулировать отношения между медицинскими организациями, медицинскими работниками и пациентами. Следует заметить, что действующее медицинское право особенно сегодня нуждается в контроле качества медицинской помощи, всех проводимых мероприятий, которые направлены на обеспечение прав пациентов на получение медицинской помощи в необходимом объеме и надлежащем качестве. В последние десятилетия медицинские работники все чаще становятся фигурантами громких судебных дел, все это говорит о том, что деятельность врача в некоторых

конкретных ситуациях не прописана в действующих законах и требует внесения модификаций в российское законодательство.

Библиографический список к главе 10

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.11.2024).

2. Федеральный закон от 21.11.2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12191967/> (дата обращения: 29.11.2024).

3. Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 28.11.2024 г.).

4. Конституция СССР 1936 г. (Утратила силу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/> (дата обращения: 22.11.2024).

5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (Утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#Iq6hhVUs9ejqsOH11> (дата обращения: 27.11.2024).

6. Закон СССР от 19.12.1969 г. №4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» (Утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21343#az6rOVUYZ5yF7fj81> (дата обращения: 28.11.2024).

7. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года №5487-1 (утв. ВС РФ 22.07.1993 №5487-1) (Утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2413/ (дата обращения: 29.11.2024).

8. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.12.1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» (Утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6993#QNw5KVUOI5orYLAB1> (дата обращения: 27.11.2024).

9. Врачебный Устав // Свод законов Российской империи. Т. 13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire#> (дата обращения: 25.11.2024).

10. Морской устав Петра Великого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.randewy.ru/prot/ust.html> (дата обращения: 25.11.2024).

11. Стоглав 1551 г. // Православный интернет-портал «Азбука Веры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/> (дата обращения: 29.11.2024).

12. Устав Воинский Петра I // Электронная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm> (дата обращения: 27.11.2024).

13. Исхаков Э.Р. Государственно-правовое регулирование здравоохранения в период правления Петра I / Э.Р. Исхаков, С.Г. Аксенов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – №4 (22). – С. 4–10. – EDN PKJAKZ

14. Муслов Б.В. Историко-правовой анализ становления и развития регулирования отечественного здравоохранения / Б.В. Муслов // Вестник Российского нового университета. – 2013. – №3. – С. 72–80.

15. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – С. 73–189; 108–189; 235–253.

16. Рёрихт А.А. Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития / А.А. Рёрихт. – М.: РАН ИНИОН, 2011. – 214 с. – EDN NDZCIN

ГЛАВА 11

DOI 10.31483/r-115308

Судаков Дмитрий Валериевич

Судаков Олег Валериевич

Гордеева Ольга Игоревна

Сыч Галина Владимировна

О НЕКОТОРЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НМО: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ПРАКТИКУЮЩИХ ВРАЧЕЙ

***Аннотация:** глава посвящена изучению некоторых экономических (финансовых) аспектов, касающихся непрерывного медицинского образования (НМО). Данная тематика в настоящее время является весьма актуальной ввиду того, что в настоящее время в нашей стране происходит ряд последовательных изменений в системе здравоохранения, направленных на оптимизацию и модернизацию вышеуказанной системы. Целью работы стало изучение некоторых аспектов, в основном затрагивающих финансовую сферу НМО. Объектами исследования послужили 150 человек, действующих практикующих врачей различных городских больниц, разделенных на 3 группы, по 50 человек, в зависимости от количества имеющихся у них сертификатов (1, 2, 3 и более). В основу исследования легла специально разработанная авторами анкета, включающая ряд вопросов о различных аспектах НМО. В частности, изучались: опыт прохождения повышения квалификации по старым и новым правилам; оценивались различные аспекты удовлетворенности указанными выше системами; в дальнейшем, всем испытуемым предлагалось выделить по пять, по их мнению, наиболее важных положительных и отрицательных аспектов НМО и т. д. При этом одной из наиболее интересных частей представленного исследования стал «финансовый» анализ обучения в системе НМО, с учетом стоимости и аспектов оплаты обучения у медиков различных групп – при наличии одного и нескольких сертификатов. Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на некоторые аспекты НМО и определить векторы изучения данной тематики, а также позволяет обратить внимание медицинского сообщества на ряд финансовых аспектов продления сертификатов. Все вышеуказанное может в дальнейшем положительно сказаться на системе НМО.*

***Ключевые слова:** непрерывное медицинское образование, врач, образование, финансирование.*

***Abstract:** the chapter is devoted to the study of some economic (financial) aspects related to continuous medical education (CME). This topic is currently very relevant, due to the fact that currently in our country there are a number of consistent changes in the health care system aimed at optimizing and modernizing the above-mentioned system. The purpose of the work was to study some aspects, mainly affecting the financial sphere of CME. The objects of the study were 150 people, practicing doctors of various city hospitals, divided into*

3 groups of 50 people, depending on the number of certificates they have (1, 2, 3 and more). The study is based on a questionnaire specially developed by the authors, including a number of questions about various aspects of CME. In particular, the following were studied: the experience of undergoing advanced training «according to the old» and «according to the new» rules; various aspects of satisfaction with the above systems were assessed; further, all subjects were asked to highlight five, in their opinion, the most important positive and negative aspects of CME, etc. At the same time, one of the most interesting parts of the presented study was the «financial» analysis of training in the CME system, taking into account the cost and aspects of payment for training for doctors of various groups – with one or several certificates. The data obtained allow us to take a new look at some aspects of the CME and determine the vectors of studying this topic, and also allows us to draw the attention of the medical community to a number of financial aspects of extending certificates. All of the above may have a positive effect on the CME system in the future.

Keywords: continuing medical education, physician, education, funding.

Актуальность

Образование в широком смысле – важнейшая составляющая любого современного государства. Сам термин «образование» можно представить в виде системы воспитания и обучения личности, включая также определенную совокупность приобретаемых знаний, различных навыков, разнообразных умений и ценностных установок, а также ряда функций, опыта, компетенций [7, с. 90].

В «учебном смысле» образование можно представить как процесс передачи определенных знаний от одного человека к другому, через различные учебные заведения самого разнообразного уровня – от детских садов, до школ и университетов. При этом надо понимать, что «передача» знаний не ограничивается лишь личным контактом и общением учителя и ученика – передача происходит и с помощью различных учебных пособий: презентаций, лекций, книг, наглядных пособий и т.д. [6, с. 181].

С развитием науки и техники изменились представления об образовании, как о процессе, который происходит лишь при личном контакте наставника и его ученика (учеников). Современные технологии позволяют осуществлять подобную передачу знаний в том числе и дистанционно. При этом существует множество путей подобной «передачи» знаний [8, с. 80].

Прежде всего стоит упомянуть специализированные компьютерные программы, позволяющие осуществлять взаимосвязь и определенный диалог между различными людьми, даже находящимися далеко друг от друга, в том числе и в разных странах. Примером можно считать такие специализированные компьютерные программы, как «Скайп», «Дискорд», «Зум» и т. д. Однако данные программы либо обладали некоторыми недостатками в своем функционале, либо были относительно «дорогими» для покупки лицензии, без которой они не работали или работали не с полноценными возможностями [9, с. 102].

Следующим этапом дистанционного образования стал очередной симбиоз науки и техники, а также симбиоз профильной специальности и специализированных компьютерных сред и программ. Разработанные и внедренные дистанционные электронные среды позволили по-новому

взглянуть на различные подходы и возможности дистанционного обучения, в том числе и в медицине.

Медицинское образование всегда «стояло» несколько особняком от остальных специальностей, в виду особенностей специфики процесса обучения, специфики дальнейшей работы и своей важности не только для той или иной страны, но и для цивилизации в целом. Медицинские работники и врачи, в частности, всегда пользовались заслуженным авторитетом и уважением, считались определенной – уважаемой прослойкой общества, безусловно – при качественной и честной работе.

Но уважение не приходит из ниоткуда. Оно добывается кропотливым трудом медицинского работника. При этом сам этот кропотливый и тернистый путь начинается еще в студенческие годы, ведь учеба в медицинском вузе всегда считалась весьма сложной и трудоемкой. От первого курса к шестому, будущие врачи должны получить фундаментальные знания по целому ряду дисциплин и предметов – от сугубо «теоретических» (философия, иностранные языки, педагогика и т. д.), до, большей частью «практических» (хирургия, терапия, инфекционные болезни и т. д.). Стоит также понимать, что объемы учебной нагрузки действительно имеют различия между вузами. Безусловно, при проведении своеобразного анализа «сложности» учебного процесса стоит учитывать множество факторов, от специфики вуза, до количества часов, выделяемых на ту или иную дисциплину и т. д. Но все же большинство исследователей сходятся во мнении, что «сложность» учебного процесса в медицинском вузе находится на довольно серьезном уровне.

Стоит учитывать и тот факт, что теоретических знаний для качественной работы врачом – недостаточно. Студенты-медики осваивают множество различных практических умений и навыков [3, с. 27]. Учатся применять те или иные практические аспекты в диагностике и лечении пациентов. Большую роль здесь играют различного рода студенческие кружки и олимпиады, причем не только внутривузовские, но и межвузовские [4, с. 101]. Те же студенты, кто за годы учебы в вузе смог себя хорошо зарекомендовать и проявить, как правило, имеют шансы на получение дополнительных баллов для поступления в ординатуру по избранному профилю.

Учеба в ординатуре выводит процесс обучения на новый уровень. Одновременно с повышением «планки» теоретического обучения врачи-ординаторы начинают обучаться основным практическим умениям, необходимым им для работы по будущей специальности. Здесь, стоит внести небольшую ремарку, уже многое зависит не только от них самих, но и от их наставников из практического здравоохранения. Во время обучения в ординатуре бывшими студентами-медиками происходит определенное переосмысление всех тех полученных во время учебы знаний, а также определенное их углубленное изучение. При этом нельзя считать, что полученных за годы учебы в вузе знаний, может быть недостаточно, для работы в качестве врача. Выпускники Российских медицинских вузов всегда ценились и охотно принимались на работу и в других странах, причем не только в странах СНГ, Африканского континента и Азии, но и в странах западной Европы. Лишь после наложения различного рода санкций, в том числе и исключения Российской Федерации из Болонской системы образования [5, с. 147], ситуация несколько изменилась.

Однако на этом учеба медицинских работников не заканчивается. Да и просто предположить, что она могла бы на этом закончиться – было бы несколько неосмотрительно. Знания, полученные в годы учебы, зачастую, довольно далекие, необходимо постоянно освежать и обновлять. Ведь и медицина не стоит на месте. С развитием науки и техники, и медицина шагает вперед семимильными шагами, открывая путь к лечению многих заболеваний, излечение от которых еще недавно воспринималось как фантастика. Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время не проходит не то, что года – месяца, что бы не было получено, каких-либо новых данных, в той или иной области медицины, способных существенно повысить качество оказываемой медицинской помощи. На основании новых полученных данных, квалифицированными специалистами и выдающимися представителями ученого сообщества формируются, и затем внедряются в практическую деятельность практические рекомендации и иные нормативные руководства. В связи с этим, становится крайне важным своевременно «доводить до сведения» всех практикующих специалистов своевременную – новаторскую информацию, о новых методах диагностики, лечения и т.д. [2, с. 48].

Это не всегда можно было выполнить своевременно, так как ранее переквалификация врачей всех специальностей осуществлялась один раз в пять лет. С первого января 2016 года в Российской Федерации вступили новые правила к прохождению периодического обучения врачей всех специальностей. Если ранее для допуска к врачебной деятельности было один раз в пять лет пройти обучение, то по новым правилам процесс обучения становился более гибким. Так каждому практикующему специалисту стало необходимо получить определенное количество «баллов» в течении каждого года и за пять лет: по 50 баллов в течении каждого года, из которых 36 баллов набираются за прохождения курсов и циклов, а 14 – за посещение семинаров, лекций, показательных операций и т. д.

Данный способ позволил получать новые данные и знания практически «непрерывно» от работы и не ожидая очередного повышения раз в пять лет. При этом с целью минимализации отрыва специалистов от работы, были разработаны совершенно новые алгоритмы и методы повышения квалификации. Значительную роль в этом отвели дистанционным методам обучения, в которых важную роль сыграли современные компьютерные технологии, специализированные компьютерные программы и компьютерные среды. Использование всего вышеперечисленного в совокупности с дистанционной формой обучения позволило уменьшить количество часов (времени), затрачиваемых врачами на процесс обучения [10, с. 122].

Однако, несмотря на ряд положительных изменений и нововведений, некоторыми авторами указывалось на наличие некоторых негативных моментов. В частности, на необходимость оплачивать процесс обучения самим слушателям. Если по «старым правилам» учебу и процесс повышения квалификации слушателям оплачивали их лечебные учреждения, то по новым, возможно ввиду определенных технических сложностей, лечебные учреждения это делать перестали. Так «вся ноша» финансовой оплаты повышения квалификации легла на плечи самих слушателей – самих врачей различного профиля.

Важно понимать, что различные экономические аспекты могут играть не то, что важную, а даже существенную роль в подготовке врача и его жизнедеятельности. Ведь на процесс обучения затрачиваются средства из личного и семейного бюджета медицинских работников [1, с. 88], которые и так, ради повышения качества своей жизни и жизни своих семей, зачастую, работают более чем на 1 ставку.

Цель исследования

Целью исследования стала попытка проанализировать различные экономические аспекты современной системы НМО: оценить общую удовлетворенность системой НМО, проанализировать финансовые затраты на процесс обучения медицинских работников, а также определить основные плюсы и минусы данной системы с учетом изученных экономических аспектов и составляющих.

Материалы и методы

Объектами исследования послужили 150 человек, мужчин и женщин, действующих практикующих врачей городских средний возраст которых составил $37,16 \pm 6,28$ лет. Все объекты исследования имели как минимум один действующий сертификат по какой-либо медицинской специальности. При этом набор участников исследования и последующее разделение на группы происходил в зависимости от количества имеющихся сертификатов. Доля ставки при этом не анализировалась.

В первую группу вошли мужчины и женщины ($n=50$), практикующие врачи, на момент проведения исследования, работающие в одной из городских клинических больниц города Воронежа, имеющие один действующий сертификат по какой-либо медицинской специальности. Соответственно все, входившие в исследование специалисты работали по действующему сертификату.

Во вторую группу вошли мужчины и женщины ($n=50$), практикующие врачи, на момент проведения исследования, работающие в одной из городских клинических больниц города Воронежа, имеющие два действующих сертификата по каким-либо медицинским специальностям. При этом учитывалось общее количество сертификатов – не обязательно объект исследования должен был работать по двум специальностям.

В третью группу вошли мужчины и женщины ($n=50$), практикующие врачи, на момент проведения исследования, работающие в одной из городских клинических больниц города Воронежа, имеющие три действующих сертификата по каким-либо медицинским специальностям. При этом учитывалось общее количество сертификатов – не обязательно объект исследования должен был работать по трем специальностям.

Важным критерием включения объектов в исследование стал их опыт повышения квалификации не только по новым, но и по старым правилам.

Исследование было основано на специально разработанной и в последующем использованной оригинальной анонимной анкете-опроснике, целью создания которой стала попытка проанализировать мнение практикующих врачей различного профиля и работающих в различных городских клинических больницах города Воронежа. Данная работа выполнялась на протяжении сентября–октября 2024 года и была полностью анонимной.

На часть вопросов испытуемым предлагалось ответить, выбрав один из предложенных вариантов ответов, на часть вопросов – дать ответ самим. К примеру, объектам исследования предлагалось оценить

удовлетворенность «старой» и «новой» системами повышения квалификации и дать им оценку; обобщить некоторые аспекты, касающиеся повышения квалификации. Интересной составляющей данной работой стал анализ средней стоимости обучения в НМО и финансовых затрат на обучение по одной или несколькими специальностями.

Помимо этого, испытуемым предлагалось выделить положительные и отрицательные аспекты, связанные с НМО. При этом полученные ответы на изучение положительных и отрицательных аспектов, касающихся НМО, предлагалось ранжировать одним из методов. Так, каждый анкетированный врач, сам выделял наиболее важные, по его мнению, аспекты и расставлял их по местам от 1-го до 5-го. При этом им давали соответствующую оценку от 1 (min) до 5 (max), в зависимости от важности. Максимальное число всех баллов при $n=100$ могло бы равняться: $100 + 200 + 300 + 400 + 500 = 1500$ для каждого блока вопросов. Однако в указанных табличных результатах опроса (анкетирования), логично было получено меньшее количество баллов, так как анкетированным для ответа предлагалось выделить важные, по их мнению, причины/аспекты, а не выбирать из готовых. В дальнейшем среди всех указанных ответов практикующих врачей городских больниц, выделяли те, которые набирали большее число баллов. 5 наиболее часто встречаемых ответов и были в конечном счете представлены в таблицах. Иные ответы просто не включались в конечные результаты, в виду большой вариабельности различных вариантов и низким их «значением», полученным при проведении ранжирования.

Полученные результаты могут помочь по-новому взглянуть на некоторые аспекты НМО, и, в частности, выявить его различные аспекты, особенно касающиеся экономической (финансовой) составляющей.

Результаты и их обсуждение

Начальным этапом данной работы стало определение полового и возрастного состава объектов исследования.

Таблица 1

Пол и возраст врачей, участвующих в исследовании

Пол врачей, входивших в исследование	Средний возраст врачей в исследовании
I группа – 1 действующий сертификат	
мужчины (n=18)	32,56 ± 4,37
женщины (n=32)	33,71 ± 3,28
II группа – 2 действующих сертификата	
мужчины (n=27)	37,24 ± 5,22
женщины (n=23)	38,67 ± 4,28
III группа – 3 действующих сертификата	
мужчины (n=33)	42,31 ± 5,67
женщины (n=17)	40,44 ± 4,28

В исследовании, при обработке полученных данных отмечалась определенная закономерность. Если во второй группе-группе, где у врачей имелось два действующих сертификата, количество мужчин и женщин было примерно одинаковым. То при сравнении первой и третьей групп начали отмечаться определенные различия – большее преобладание женщин в первой группе и мужчин в третьей. Возможно, это свидетельствует о том, что мужчины склонны к стремлению получения нескольких

сертификатов. С другой стороны, подобные выводы требуют подтверждения и наличия выборки практикующих врачей.

Следующей частью исследования стало изучение вопросов, касающихся некоторых аспектов непосредственного повышения квалификации. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Основные аспекты, касающиеся повышения квалификации у врачей, входивших в исследование

1 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие один действующий сертификат		
Считаете ли вы повышение квалификации для врачей необходимым?	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%
Было ли у вас повышение квалификации по «старым правилам»?	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%
Было ли у вас повышение квалификации по «новым правилам»?	Да	82%
	Нет	18%
	Затрудняюсь ответить	0%
Считаете ли вы реформы в медицинском образовании необходимым?	Да	90%
	Нет	2%
	Затрудняюсь ответить	8%
Считаете ли вы «переход к новым правилам» в медицинском образовании обоснованным?	Да	88%
	Нет	6%
	Затрудняюсь ответить	6%
Есть ли среди ваших коллег те, кто не одобряет перевод системы медицинского образования к НМО?	Да	4%
	Нет	86%
	Затрудняюсь ответить	10%
2 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие два действующих сертификата		
Считаете ли вы повышение квалификации для врачей необходимым?	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%
Было ли у вас повышение квалификации по «старым правилам»?	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%
Было ли у вас повышение квалификации по «новым правилам»?	Да	80%
	Нет	20%
	Затрудняюсь ответить	0%
Считаете ли вы реформы в медицинском образовании необходимым?	Да	84%
	Нет	2%
	Затрудняюсь ответить	14%
Считаете ли вы «переход к новым правилам» в медицинском образовании обоснованным?	Да	84%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	16%
Есть ли среди ваших коллег те, кто не одобряет перевод системы медицинского образования к НМО?	Да	6%
	Нет	80%
	Затрудняюсь ответить	14%
3 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие три действующих сертификата		
Считаете ли вы повышение квалификации для врачей необходимым?	Да	98%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	2%

Окончание таблицы 2

Было ли у вас повышение квалификации по «старым правилам»?	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%
Было ли у вас повышение квалификации по «новым правилам»?	Да	86%
	Нет	14%
	Затрудняюсь ответить	0%
Считаете ли вы реформы в медицинском образовании необходимым?	Да	88%
	Нет	4%
	Затрудняюсь ответить	8%
Считаете ли вы «переход к новым правилам» в медицинском образовании обоснованным?	Да	88%
	Нет	2%
	Затрудняюсь ответить	10%
Есть ли среди ваших коллег те, кто не одобряет перевод системы медицинского образования к НМО?	Да	8%
	Нет	76%
	Затрудняюсь ответить	16%

При обработке результатов были получены довольно интересные данные. Так практически все испытуемые признались в том, что считают повышение квалификации для врачей необходимым. При этом 100% испытуемых всех трех групп признались в том, что у них было повышение квалификации по старым правилам (критерий включения в исследование). И практически все объекты исследования сообщили о том, что они проходили повышение квалификации и по новым правилам тоже.

подавляющее большинство, за редким исключением призналось, что считает реформы в медицинском образовании необходимым, а переход к новым правилам в медицинском образовании обоснованными. И хотя среди испытуемых всех трех групп встречались те, кто сообщал о своих знакомых – коллегах, не согласных с переводом к системе НМО – подобные случаи носили единичный характер.

Следующим этапом исследования стало изучение отношения практикующих врачей-медиков к различным аспектам, связанными с повышением квалификации и НМО. Полученные данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

Отношение практикующих медиков к различным аспектам, связанным с повышением квалификации и НМО

I группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие один действующий сертификат		
Ваше первое впечатление об учебном процессе в системе НМО?	Положительное	78%
	Нейтральное	10%
	Отрицательное	12%
Считаете ли вы процесс обучения в системе НМО более оптимизированным, чем «классический»?	Да	72%
	Нет	8%
	Затрудняюсь ответить	20%
Считаете ли вы, что дистанционное обучение может удовлетворить потребности НМО?	Да	74%
	Нет	24%
	Затрудняюсь ответить	2%
Повышение квалификации по «старым правилам» вам оплачивало лечебное учреждение? (да) Или вы сами? (нет)	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%

Повышение квалификации по «новым правилам» вам оплачивало лечебное учреждение? (да) Или вы сами? (нет)	Да	0%
	Нет	100%
	Затрудняюсь ответить	0%
2 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие два действующих сертификата		
Ваше первое впечатление об учебном процессе в системе НМО?	Положительное	74%
	Нейтральное	16%
	Отрицательное	10%
Считаете ли вы процесс обучения в системе НМО более оптимизированным, чем «классический»?	Да	70%
	Нет	12%
	Затрудняюсь ответить	18%
Считаете ли вы, что дистанционное обучение может удовлетворить потребности НМО?	Да	72%
	Нет	20%
	Затрудняюсь ответить	8%
Повышение квалификации по «старым правилам» вам оплачивало лечебное учреждение? (да) Или вы сами? (нет)	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%
Повышение квалификации по «новым правилам» вам оплачивало лечебное учреждение? (да) Или вы сами? (нет)	Да	0%
	Нет	100%
	Затрудняюсь ответить	0%
3 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие три действующих сертификата		
Ваше первое впечатление об учебном процессе в системе НМО?	Положительное	68%
	Нейтральное	10%
	Отрицательное	22%
Считаете ли вы процесс обучения в системе НМО более оптимизированным, чем «классический»?	Да	66%
	Нет	12%
	Затрудняюсь ответить	22%
Считаете ли вы, что дистанционное обучение может удовлетворить потребности НМО?	Да	70%
	Нет	6%
	Затрудняюсь ответить	24%
Повышение квалификации по «старым правилам» вам оплачивало лечебное учреждение? (да) Или вы сами? (нет)	Да	100%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	0%
Повышение квалификации по «новым правилам» вам оплачивало лечебное учреждение? (да) Или вы сами? (нет)	Да	0%
	Нет	100%
	Затрудняюсь ответить	0%

Несмотря на то что подавляющее большинство призналось в том, что их первое впечатление об учебном процессе было положительное, и что они посчитали процесс обучения в системе НМО более оптимизированным, чем «классический», и что они высказались о том, что дистанционное обучение может удовлетворить потребности НМО, некоторые аспекты исследования заставили задуматься.

Так абсолютно все испытуемые, входившие в исследование во всех трех группах, признались в том, что обучение – повышение квалификации «по старым правилам» им оплачивало лечебное учреждение, в то время как обучение «по новым правилам» уже оплачивали сами обучающиеся.

Изучение некоторых экономических (финансовых) аспектов, касающихся обучения в системе НМО и стало предметом изучения следующей части исследования. Полученные данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Изучение некоторых экономических (финансовых) аспектов, касающихся обучения в системе НМО среди объектов исследования

1 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие один действующий сертификат		
Ваше отношение к возможности самостоятельного выбора курса (в том числе и в зависимости от его стоимости)?	Положительное	92%
	Нейтральное	8%
	Отрицательное	0%
Знаете ли вы средние цены на курсы обучения по своей специальности?	Да	90%
	Нет	4%
	Затрудняюсь ответить	6%
Удовлетворены ли вы средними ценами на курсы повышения квалификации по вашей специальности?	Да	82%
	Нет	12%
	Затрудняюсь ответить	6%
Если бы у вас было несколько сертификатов, готовы были ли вы продлять их все?	Да	52%
	Нет	18%
	Затрудняюсь ответить	30%
При существующих обстоятельствах и условиях оплаты учебного процесса, хотели бы вы получить дополнительный сертификат?	Да	48%
	Нет	12%
	Затрудняюсь ответить	40%
2 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие два действующих сертификата		
Ваше отношение к возможности самостоятельного выбора курса (в том числе и в зависимости от его стоимости)?	Положительное	94%
	Нейтральное	6%
	Отрицательное	0%
Знаете ли вы средние цены на курсы обучения по своей специальности?	Да	92%
	Нет	0%
	Затрудняюсь ответить	8%
Удовлетворены ли вы средними ценами на курсы повышения квалификации по вашей специальности?	Да	74%
	Нет	20%
	Затрудняюсь ответить	6%
Если бы у вас было несколько сертификатов, готовы были ли вы продлять их все?	Да	70%
	Нет	16%
	Затрудняюсь ответить	14%
При существующих обстоятельствах и условиях оплаты учебного процесса, хотели бы вы получить дополнительный сертификат?	Да	36%
	Нет	32%
	Затрудняюсь ответить	32%

3 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие три действующих сертификата		
Ваше отношение к возможности самостоятельного выбора курса (в том числе и в зависимости от его стоимости)?	Положительное	92%
	Нейтральное	8%
	Отрицательное	0%
Знаете ли вы средние цены на курсы обучения по своей специальности?	Да	90%
	Нет	4%
	Затрудняюсь ответить	6%
Удовлетворены ли вы средними ценами на курсы повышения квалификации по вашей специальности?	Да	52%
	Нет	34%
	Затрудняюсь ответить	14%
Если бы у вас было несколько сертификатов, готовы были ли вы продлять их все?	Да	72%
	Нет	12%
	Затрудняюсь ответить	16%
При существующих обстоятельствах и условиях оплаты учебного процесса, хотели бы вы получить дополнительный сертификат?	Да	24%
	Нет	48%
	Затрудняюсь ответить	28%

При обработке полученных данных были получены некоторые интересные результаты. Несмотря на то, что подавляющее большинство испытуемых высказали положительное отношение к самостоятельному выбору курса (в том числе и учитывая его стоимость), а также обозначили свою осведомленность о стоимости обучения, далеко не все оказались удовлетворены средними ценами на курсы повышения квалификации по специальности. При этом данный аспект – удовлетворенность ценой – уменьшался от 1 группы к 3-ей группе, т.е. от представителей практического здравоохранения, имеющих 1 сертификат-до тех, кто имел 2 или 3 действующих. Данный результат вполне объясним. Ведь специалистам с 2 и 3 сертификатами, приходится затрачивать в 2 или 3 раза больше материальных средств соответственно.

Также далеко не все анкетированные указали на то, что они были бы готовы продлять несколько сертификатов, при их наличии. Но наиболее интересный момент, по мнению авторов, был выявлен при обработке результатов на вопрос о том, хотели бы врачи, участвующие в исследовании, получить новую специальность и новый сертификат. Большая часть высказалась отрицательно на этот счет. Причем количество желающих овладеть новой специальностью уменьшалось от представителей 1 группы к представителям 3 группы. Данный факт заставляет серьезно задуматься о том, что с необходимостью оплачивать свое обучение самим специалистам, у них уменьшается мотивация к получению новых специальностей. При этом надо понимать, что повышение квалификации врачей и овладение ими новой специальностью может крайне положительно сказаться на комплексном процессе лечения пациентов разнообразного профиля в лечебных учреждениях различного уровня.

Заключительным этапом исследования стало изучение положительных и отрицательных моментов, связанных с НМО. Полученные результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5

Положительные и отрицательные аспекты, связанные с НМО

Ранжирование «аспектов», где min баллов – низкая значимость; max баллов – существенная значимость	Балл ранжирования
1 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие один действующий сертификат	
Положительные моменты (что понравилось)	
Возможность дистанционного обучения	312
Возможность самостоятельного выбора курса	255
Возможность слушать лекции выдающихся медиков	207
Доступ к большим базам учебных данных	188
Возможность занятий в удобное время	123
Отрицательные моменты (что не понравилось/что бы изменить/добавить)	
Невозможность получения всех необходимых баллов сразу, на одном цикле	298
Некоторые глюки и недоработки системы НМО	254
Необходимость наличия электронных гаджетов	201
Необходимость лично оплачивать процесс обучения	167
Необходимость наличия высокоскоростного интернета	134
2 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие два действующих сертификата	
Положительные моменты (что понравилось)	
Возможность дистанционного обучения	322
Возможность самостоятельного выбора курса	287
Доступ к большим базам учебных данных	218
Возможность слушать лекции выдающихся медиков	172
Возможность занятий в удобное время	148
Отрицательные моменты (что не понравилось/что бы изменить/добавить)	
Невозможность получения всех необходимых баллов сразу, на одном цикле	333
Необходимость лично оплачивать процесс обучения	297
Некоторые глюки и недоработки системы НМО	204
Необходимость наличия электронных гаджетов	188
Необходимость наличия высокоскоростного интернета	141
3 группа (n=50) – практикующие врачи городских больниц города Воронежа, имеющие три действующих сертификата	
Положительные моменты (что понравилось)	
Возможность дистанционного обучения	329
Возможность занятий в удобное время	288
Возможность самостоятельного выбора курса	213
Возможность слушать лекции выдающихся медиков	172
Доступ к большим базам учебных данных	148
Отрицательные моменты (что не понравилось/что бы изменить/добавить)	
Необходимость лично оплачивать процесс обучения	399
Некоторые глюки и недоработки системы НМО	277
Невозможность получения всех необходимых баллов сразу, на одном цикле	200
Необходимость наличия высокоскоростного интернета	167
Необходимость наличия электронных гаджетов	131

При обработке полученных результатов, были получены данные, во многом схожие, между собой по группам. Так наиболее часто упоминаемыми «плюсами» стали: возможность дистанционного обучения, возможность самостоятельного выбора курса, а также возможность слушать лекции выдающихся медиков.

При этом были отмечены и негативные, по мнению респондентов, моменты. Которыми стали: невозможность получения всех баллов сразу, на одном цикле (касательно нескольких дисциплин), различного рода «глюки» и недоработки в системе НМО, а также необходимость лично оплачивать процесс обучения в НМО.

При этом была отмечена одна интересная особенность – от первой группы к третьей, увеличивалось число респондентов, которые высказывали определенное недовольство тем, что им самостоятельно приходится оплачивать процесс обучения, направленный на подтверждение своего сертификата или сертификатов. Подобный аспект может оказать существенное влияние на отношении практикующих врачей к данному вопросу. Ведь наличие нескольких сертификатов становится довольно обременительной проблемой в плане финансовых затрат, которые, к сожалению, не каждый врач может себе позволить.

Выводы

Было установлено, что среди лиц, входивших в исследование, у женщин, как правило был 1 или 2 сертификата, в то время как у мужчин – 2 или 3. Возможно ли, что мужчины по ряду обстоятельств стараются овладеть большим количеством специальностей и получить большее количество сертификатов? Ответ на этот вопрос требует проведение нового комплексного исследования с большей выборкой объектов исследования.

При этом подавляющее число врачей признали, что повышение квалификации для врачей – необходимость. Все, входившие в исследование медики, хоть раз продляли свои сертификаты по старым правилам, и многие из опрашиваемых, уже успели «попасть» под новые требования и продлить сертификат согласно новым требованиям.

Несмотря ни на что, подавляющее большинство относится к системе НМО с пониманием, а происходящие в системе здравоохранения изменения, считают необходимостью. И лишь немногие из опрошенных, воспринимают нововведения, осторожно или негативно.

Краеугольным «камнем», который может существенно повлиять на определенное отношение испытуемых к системе НМО и новой системе продления сертификатов, может стать экономический – финансовый аспект. Ведь ранее, всем медицинским работникам, их обучение, направленное, на повышение квалификации (продление сертификата/тов) оплачивало их лечебное учреждение; а в настоящее время это бремя легло на плечи самих специалистов.

При опросе респондентов о некоторых аспектах НМО был получен ряд интересных результатов, представленных выше. Однако наибольший интерес вызывает следующий выявленный факт: с введением новой системы оплаты процесса обучения, когда его оплачивает не медицинское учреждение, а непосредственно сам обучающийся – уменьшилось число медицинских работников, которые желают продлить все свои имеющиеся сертификаты, а также уменьшилось число медицинских работников, желающих овладеть новыми специальностями (получить новые сертификаты). Возможно, это связано как раз с изменением системы оплаты процесса обучения медицинскими работниками. Данный вопрос вызывает определенный интерес и нуждается в дополнительном исследовании.

Изучение «плюсов и минусов» НМО, по мнению, медицинских работников, участвующих в исследовании, стало интересной частью исследования. Среди «плюсов» отмечали: возможность дистанционного обучения, возможность самостоятельного выбора курса, а также возможность слушать лекции выдающихся медиков. Наиболее часто встречаемыми минусами при этом стали: невозможность получения всех баллов сразу, на одном цикле (касательно нескольких дисциплин), различного рода «глюки» и недоработки в системе НМО, а также необходимость лично оплачивать процесс обучения в НМО.

Полученные данные позволяют возобновить интерес к изучению происходящих со становлением НМО процессов, определить положительные и отрицательные моменты. Изменить само отношение к данной тематике.

Библиографический список к главе 11

1. Анализ наиболее распространенных проблем, связанных с НМО, у врачей пенсионного возраста / Д.В. Судаков Д.В [и др.] // Технопарк универсальных педагогических компетенций: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Чувашский республиканский институт образования Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. – Чебоксары, 2023. – С. 86–91.
2. Двудеятная дисциплина в системе высшего медицинского образования России / А.В. Черных [и др.] // Журнал анатомии и гистопатологии. – 2017. – №5. – С. 48.
3. Значение внутривузовских и межвузовских студенческих олимпиад по хирургии в становлении будущего врача / Ю.В. Малеев [и др.] // Журнал анатомии и гистопатологии. – 2017. – № 5. – С. 27–28.
4. Значение студенческого научного кружка кафедры оперативной хирургии с топографической анатомией в формировании будущего врача / Ю.В. Малеев [и др.] // Вестник Российской военно-медицинской академии. – 2015. – №2. – С. 101–102.
5. Исключение России из болонской системы образования: мнение студентов и преподавателей медицинского вуза / Д.В. Судаков [и др.] // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2022. – С. 147–150. – EDN QNEARN
6. О некоторых проблемах внедрения современных информационных технологий в медицине / Д.В. Судаков [и др.] // Цифровое будущее современной медицины: сборник докладов I Всероссийской конференции студентов и молодых ученых с международным участием. – Рязань, 2024. – С. 180–183. – EDN LXVKYT
7. О некоторых современных проблемах непрерывного медицинского образования / Д.В. Судаков Д.В [и др.] // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2022. – С. 89–92.
8. О проблемах цифровой трансформации образования в медицинском вузе / Д.В. Судаков [и др.] // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2022. – С. 79–83. – EDN DBYRYN
9. Оценка эффективности дистанционного формата обучения в период пандемии COVID-19, по мнению студентов медицинского вуза / А.В. Черных А.В [и др.] // Клинико-морфологические аспекты фундаментальных и прикладных научных исследований: материалы III Международной научной конференции. – Воронеж, 2023. – С. 101–103.
10. Перспективы внедрения цифровых технологий в учебный процесс медицинского вуза / О.В. Судаков [и др.] // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. – Чебоксары, 2022. – С. 121–124. – EDN APLBBX

ГЛАВА 12

DOI 10.31483/r-115029

*Лавина Татьяна Ароновна
Грицкевич Татьяна Игоревна
Руссова Наталья Валерьевна
Захарова Анна Николаевна*

ИННОВАЦИИ В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК РАБОТЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПЛОЩАДОК

***Аннотация:** в главе освещаются инновационные модели формирования подготовки инженерных кадров в системе высшего образования Российской Федерации, выявленные на основе анализа материалов федеральных инновационных площадок. Работа выполнена в рамках Договора НИР на «Выявление лучших практик по результатам экспертной оценки заявок и отчетов федеральных инновационных площадок» с ООО «Финансово-Экспертные Системы» г. Москва, оператора организации процедуры оценивания деятельности субъектов ФИП в рамках исполнения Государственного контракта от 25 апреля 2022 года №05.2022.244.02.003.021 на выполнение работ (оказание услуг) по проекту «Информационно-аналитическая и технологическая поддержка формирования и функционирования сети федеральных инновационных площадок в передовой образовательной экосистеме Российской Федерации». Авторами рассматриваются проекты федеральных инновационных площадок учреждений высшего образования, реализуемые по направлению «инженерное образование», а также по другим междисциплинарным направлениям, связанным с подготовкой инженерных кадров в современных условиях.*

***Ключевые слова:** инженерное образование, федеральные инновационные площадки, инновационные образовательные проекты, инновационные модели, учреждения высшего образования, Приоритетный национальный проект «Образование», Приоритетный национальный проект «Наука и университеты».*

***Abstract:** the chapter highlights innovative models for the formation of training of engineering personnel in the higher education system of the Russian Federation, identified on the basis of an analysis of materials from federal innovation plans. The work was carried out within the framework of the Research Agreement on "Identification of best practices based on the results of expert evaluation of applications and reports of federal innovation platforms" with LLC "Financial Expert Systems". Moscow, the operator of the organization of the procedure for evaluating the activities of FIP entities within the framework of the execution of the State Contract dated April 25, 2022 No.05.2022.244.02.003.021 for the performance of works (provision of*

services) under the project "Information, analytical and technological support for the formation and functioning of a network of federal innovation platforms in the advanced educational ecosystem of the Russian Federation". The authors consider projects of federal innovation platforms of institutions of higher education, implemented in the field of engineering education, as well as in other interdisciplinary areas related to the training of engineering personnel in modern conditions.

Keywords: *engineering education, federal innovation platforms, innovative educational projects, innovative models, higher education institutions, Priority national project "Education", Priority national Project "Science and Universities".*

Работа выполнена в рамках Договора НИР на «Выявление лучших практик по результатам экспертной оценки заявок и отчетов федеральных инновационных площадок» с ООО «Финансово-Экспертные Системы» г. Москва, оператора организации процедуры оценивания деятельности субъектов ФИП в рамках исполнения Государственного контракта от 25 апреля 2022 года №05.2022.244.02.003.021 на выполнение работ (оказание услуг) по проекту «Информационно-аналитическая и технологическая поддержка формирования и функционирования сети федеральных инновационных площадок в передовой образовательной экосистеме Российской Федерации».

Введение

Научно-техническая политика Российской Федерации и Энергетическая стратегия России до 2035 года определяют приоритет инновационной деятельности в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения и осуществляется, в том числе, по принципу интеграции науки и образования на основе различных форм участия работников и обучающихся образовательных организаций высшего образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках [1; 2; 7]. Повышение уровня энергетической и технологической безопасности является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования. Для этого совершенствуется система подготовки высококвалифицированных специалистов, получают приоритетное развитие фундаментальная и прикладная наука, образование, развивается государственно-частное партнерство в области науки и технологий, создаются условия для интеграции науки, образования и промышленности, проводятся системные исследования в интересах устойчивого развития страны [18; 20].

Инновационная образовательная среда, формируемая преподавателями, обучающимися, организациями – партнерами, администрацией ориентирована на оптимизацию инновационного потенциала личности, необходима для генерирования новых идей, создания новых инновационных решений, продуктов, технологий, осуществления фундаментальных и прикладных исследований [3; 4; 6]. Инновационная образовательная среда образовательного учреждения направлена на стимулирование готовности личности к инновационной деятельности в профессиональной сфере [7–9].

Развитие инновационной образовательной среды направлено на достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г., реализацию инициатив Правительства Российской Федерации, Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Реализуемые федеральными инновационными структурами высшего и соответствующего дополнительного образования инновационные образовательные проекты обеспечивают вклад образовательных организаций в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года [16].

Задачи инновационного развития образовательной среды, совершенствования системы высшего и соответствующего дополнительного образования закреплены в следующих документах:

– Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024);

– Приоритетный национальный проект «Образование»;

– Приоритетный национальный проект «Наука и университеты»;

– Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года;

– Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. №529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»;

– Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Инновационная инфраструктура формируется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования [10–12; 16].

Поиск инновационных путей совершенствования инженерного образования настоящее время осуществляется во многих образовательных организациях Российской Федерации. Анализ опыта ведущейся работы и выявление эффективных лучших практик в области высшего образования в подготовки инженерных кадров для работы в условиях современного общества в данной монографии построен на основе анализа материалов осуществления инновационной деятельности в системе образования и практик Федеральных инновационных площадок (по материалам заявок и годовых отчетов ФИП 2024 года).

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность федеральных инновационных площадок (далее – ФИП) в сфере образования, в настоящее время является Приказ Минобрнауки России от 22.03.2019 №21н (ред. от 08.09.2023) «Об утверждении Порядка формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в системе образования» (зарегистрировано в Минюсте России 09.08.2019 №55531).

Инновационными площадками в соответствии с частью 4 статьи 20 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, №53, ст. 7598) (далее – Федеральный закон №273-ФЗ), признаются организации, осуществляющие образовательную деятельность, и

инные действующие в сфере образования организации, а также их объединения, реализующие инновационные проекты и программы, имеющие существенное значение для обеспечения развития системы образования.

Приоритетными областями деятельности, определенными Документацией по проведению сбора заявок на получение статуса ФИП, являются:

- превентивная и персонализированная медицина, обеспечение здоровья долголетия;
- педагогическое образование (естественно-научные дисциплины);
- высокопродуктивное и устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство;
- подготовка кадров в сфере беспилотных авиационных систем, искусственного интеллекта, а также в рамках национальных проектов технологического лидерства;
- адаптация к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов;
- безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации (кадры для разработки прорывных технологий);
- интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы, включая автономные транспортные средства;
- высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика.

Методы исследования: анализ материалов, предоставленных в рамках выполнения работ по Договору НИР на «Выявление лучших практик по результатам экспертной оценки заявок и отчетов федеральных инновационных площадок» с ООО «Финансово-Экспертные Системы» г. Москва, оператора организации процедуры оценивания деятельности субъектов ФИП в рамках исполнения Государственного контракта от 25 апреля 2022 года №05.2022.244.02.003.021 на выполнение работ (оказание услуг) по проекту «Информационно-аналитическая и технологическая поддержка формирования и функционирования сети федеральных инновационных площадок в передовой образовательной экосистеме Российской Федерации».

Результаты и их обсуждение

Проведение экспертизы заявок организаций-соискателей на получение статуса в 2024 году задано порядком оценки заявок при проведении экспертизы в соответствии с критериями значимости и проработанности инновационного проекта (программы). Экспертиза представляла набор оценочных действий эксперта с целью определения степени проработанности инновационного проекта (программы), а также его значимости для принятия решения о целесообразности присвоения организации статуса ФИП.

К отбору на присвоение статуса ФИП в 2024 году рекомендованы организации, получившие баллы, начиная от среднего уровня значимости и выше (от 30 и выше) К экспертизе на присвоение статуса ФИП в 2024 году экспертной группе было представлено 25 заявок, в том числе по направлениям:

Безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации (кадры для прорывных технологий) – 1 заявка;

Высокопродуктивное и устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство. Адаптация к изменениям климата, сохранение и

рациональное использование природных ресурсов. Высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика – 1 заявка;

Педагогическое образование – 4 заявки;

Педагогическое образование (естественно-научные дисциплины) – 9 заявок;

Превентивная и персонализированная медицина, обеспечение здорового долголетия – 4 заявки;

Подготовка кадров в сфере беспилотных авиационных систем, искусственного интеллекта, а также в рамках национальных проектов технологического лидерства – 6 заявок.

По итогам экспертизы материалов (заявок) ФИП по направлению «инженерное образование», а также по другим междисциплинарным направлениям, связанным с подготовкой инженерных кадров в современных условиях, можно выделить ряд эффективных практик, которые можно рекомендовать к реализации и тиражированию.

Автономная *некоммерческая организация высшего образования «Университет Иннополис»* представила заявку на проект «Внедрение инновационной модели оценки компетенций с целью обеспечения приоритетных отраслей Российской Федерации высококвалифицированными кадрами, владеющими ключевыми цифровыми технологиями», Проект направлен на поддержание баланса спроса и предложений на рынке труда ИТ-отрасли и ориентирован на обучающихся, одновременно проходящих обучение по ООП ВО и ДПП ИП или по ООП ВО, предусматривающей получение нескольких квалификаций, в том числе в сфере информационных технологий, в университетах-участниках проекта, и обеспечивает формирование у обучающихся цифровых компетенций в области создания алгоритмов и компьютерных программ, пригодных для практического применения, а также навыков использования и формирования цифровых компетенций, необходимых для выполнения нового вида профессиональной деятельности, востребованного на рынке труда.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет» представило заявку на проект «Непрерывная подготовка кадров и формирование компетенций у учащихся на стыке информационных технологий и инженерного направления». Проект направлен на реализацию способностей обучающихся, развитие их таланта и формирование потенциального кадрового резерва для высокопроизводительных, экспортноориентированных секторов экономики страны. Проект предусматривает построение механизма системы формирования кадрового резерва для последующего поступления учащихся на целевое обучение в РТУ МИРЭА в интересах предприятий – технологических гигантов. Предоставление возможности обучающимся более детального и глубокого погружения в специфику инженерных и ИТ направлений, включая развивающиеся направления в области беспилотных летательных аппаратов и искусственного интеллекта, с возможностью совмещения данных направлений.

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет» представило заявку на проект «Навигатор профессиональных и методических компетенций педагога в сфере беспилотных

авиационных систем». Проект направлен на совершенствование учебно-методических и профессиональных компетенций в области управления, программирования и пилотирования беспилотных авиационных систем у представителей педагогического сообщества, студентов и школьников на основе модели инновационной площадки, ориентированной на приоритетные направления государственной политики России. Инновационная площадка «Навигатор профессиональных и методических компетенций педагога в сфере беспилотных авиационных систем» представляет собой эффективное образовательное пространство для реализации национальных и региональных проектов.

Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» представило заявку на проект «Формирование архитектуры стартаперских компетенций студентов вузов как точек инновационного развития российской экономики в конкурентной среде с целью реализации концепции технологического суверенитета России». Проект направлен на проведение моделирование архитектуры стартаперских компетенций вузов как точек инновационного развития российской экономики в конкурентной среде с целью реализации концепции технологического и финансового суверенитета России.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» представило заявку на проект «Инновационная модель подготовки, профессиональной переподготовки и методического сопровождения учителя физики на базе исследовательского университета». Проект направлен на разработку, апробацию внедрение инновационной модели подготовки, профессиональной переподготовки и методического сопровождения учителя физики на базе исследовательского университета, обеспечивающую готовность к решению задач современного образования.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет» представило заявку на проект «Интегративная модель цифровой компетентности преподавателя вуза в области искусственного интеллекта». Проект направлен на формирование у преподавателей вуза компетенций в области использования технологий искусственного интеллекта в их профессиональной деятельности. Гипотеза проекта заключается в том, что разработка и внедрение интегративной модели цифровой компетентности преподавателей вузов в области искусственного интеллекта, разработанная с учетом специфики образовательной практики и современных достижений в области сквозных цифровых технологий, позволит повысить уровень профессиональной подготовки и педагогической эффективности преподавателей вузов. Это будет способствовать улучшению качества образовательных услуг и развитию цифровой среды университета, что, в свою очередь, приведет к созданию гибких и адаптивных образовательных программ, способных готовить студентов к работе с новыми технологиями в условиях цифровой трансформации общества [13].

В 2021 году на подтверждение статуса ФИП подан 141 отчет о текущей деятельности инновационных образовательных площадок вузов. В 2022 году на подтверждение статуса ФИП подано 166 отчетов о текущей

деятельности инновационных образовательных площадок ВУЗов. В 2023 году на подтверждение статуса ФИП подано 163 отчета о текущей деятельности инновационных образовательных площадок вузов, в 2024 году – 168 отчетов.

По итогам экспертизы отчетов ФИП в 2024 г. был сделан вывод, что проекты в учреждениях высшего образования РФ реализуются 168 федеральными инновационными площадками. Распределение по направлениям проектов представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение по направлениям проектов ФИП – организаций высшего образования в 2024 г.

№	Направление	Кол-во 2021	Кол-во 2022	Кол-во 2023	Кол-во 2024
1.	педагогическое образование	58	47	46	54
2.	информатика, цифровизация	28	39	32	38
3.	инженерное образование	27	29	27	21
4.	медицина	16	13	14	17
5.	культура	5	5	8	8
6.	туризм	4	7	6	3
7.	сетевые программы	0	5	4	4
8.	иная инновационная деятельность	3	21	26	19
9.	экология			0	1
10.	экономика			0	3
	итого	141	166	163	168

По итогам экспертизы материалов (отчетов) ФИП по направлению «инженерное образование», а также по другим междисциплинарным направлениям, связанным с подготовкой инженерных кадров в современных условиях, можно выделить ряд инновационных образовательных проектов (ИОП), результаты реализации которых можно использовать в практике высшего образования.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» реализовало инновационный образовательный проект «Научно-методический центр дополнительного профессионального образования для педагогических работников Брянской области и студентов педагогических направлений подготовки в сфере эффективного формирования устойчивых компетенций в области цифровой экономики и технологий Индустрии 4.0 у обучающихся общеобразовательных организаций». Актуальность проекта обусловлена необходимостью подготовки соответствующих специалистов при переходе к цифровой экономике, таких как инженеры, программисты, менеджеры по сервису, деятельность которых направлена на создание новых продуктов и сервисов цифровой экономики, а также их поддержку на всех этапах жизненного цикла. Новизна и инновационность предлагаемого решения заключается в том, что на базе инновационной площадки проводится переподготовка педагогических работников Брянской области и подготовка студентов педагогических направлений высшего образования к эффективному формированию устойчивых компетенций в области цифровой экономики и технологий Индустрии 4.0 у обучающихся

общеобразовательных организаций. В рамках представленного проекта реализованы ряд направлений теоретического осмысления и реализации инновационных практик, направленных на подготовку будущих и переподготовку действующих педагогов к эффективному формированию устойчивых компетенций в области цифровой экономики и технологий Индустрии 4.0 у обучающихся общеобразовательных организаций. Проект при этом направлен на достижение всестороннего информирования жителей региона о способах применения технологий цифровой экономики и Индустрии 4.0 для решения повседневных и профессиональных задач. В рамках реализации ИОП разработаны программы курсов дополнительного профессионального образования в области использования технологий цифровой экономики и Индустрии 4.0, которые можно тиражировать на другие регионы Российской Федерации.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет инженерных технологий» реализовывает проект «Создание и внедрение федеральной инновационной модели непрерывной подготовки высококвалифицированных инженерных кадров на основе платформенных технологий в условиях единой системы стратегического партнерства». Основная идея инновационного образовательного проекта заключается в создании высокоэффективной масштабируемой системы непрерывного инженерного образования в рамках сетевого взаимодействия на базе платформенных технологий, способствующей:

- устойчивому развитию и повышению конкурентоспособности экономики элементов системы «ПроРост» по схеме «школа – профессиональная образовательная организация – образовательная организация высшего образования – предприятие – администрация муниципального района»;

- развитию эффективного внедрения практико-ориентированной модели обучения на основе реальных потребностей предприятий, осуществляющей трансфер сквозного инновационного опыта в образовательную среду регионов с гарантированным трудоустройством отраслевых специалистов;

- разработке стратегии целевой подготовки специалистов для предприятий в условиях модели «ПроРост», включая адаптивное сопровождение обучающихся на всех этапах образовательного процесса, в том числе под конкретные рабочие места и коллегиальные формы управления качеством подготовки выпускников;

- выработка стратегии проведения постоянного мониторинга «Движение кадров» (потребностей рынка труда, трудоустройства и качества обучения) с использованием современных сетевых технологий.

Практическая значимость инновационных решений заключается в возможности применения полученных результатов (разработанной модели «ПроРост» по схеме «школа – профессиональная образовательная организация – образовательная организация высшего образования – предприятие – администрация муниципального района») для: формирования востребованных компетенций обучающихся в рамках инновационной образовательной программы полного цикла непрерывного инженерного образования; ранней профориентации обучающихся на основе обучения в рамках инновационной образовательной программы полного цикла непрерывного инженерного образования; трансляции накопленного опыта ФГБОУ

ВО «ВГУИТ» по организации проектной работы через реализацию дополнительных профессиональных образовательных программ для преподавателей образовательных организаций различных уровней; модернизации основных и дополнительных профессиональных образовательных программ.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» реализовывало проект «Персоналифицированная междисциплинарная модель образования «Морская инженерия». Основные идеи инновационного образовательного проекта: формирование гибких образовательных траекторий обучения с учетом требований предприятий; тесная связь с предприятием через формирование запросов на компетенции и прослеживание образовательной и карьерной траектории каждого потенциального работника с учетом трендов технологического развития отрасли и формирования уникальных компетенций будущего. Новизна предлагаемых решений основывается на комплексной, многоуровневой системе обратной связи с промышленными предприятиями – будущими работодателями специалистов в области судостроения и судоремонта и возможностях для гибкой корректировки профессиональных траекторий обучающихся на всех уровнях образования. Практическая значимость результатов проекта определяется возможностью тиражирования разработанной модели, инновационных программ, учебно-методических и учебно-лабораторных комплексов для многоуровневого инженерного образования, которая позволит подготовить квалифицированных кадров для судостроительной отрасли.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет» реализовывало проект «Интеграционная модель инженерного образования в целях формирования системы профессиональных компетенций естественно-научного профиля педагогических работников». Основная идея проекта заключается в разработке и внедрении инновационной образовательной модели, позволяющей обучать педагогических работников на основных (уровень магистратуры) и дополнительных образовательных программах. Новизна предлагаемого решения состоит в разработке «образовательного продукта» ориентированного на педагогов СПО естественно-научного профиля, интегрирующего в себе лучшие образовательные практики высшей школы

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» реализовывало проект «Независимая оценка качества инженерного образования как инструмент повышения востребованности образовательных программ и конкурентоспособности выпускников российских вузов на национальном и международном рынках труда». Целью проекта являлась разработка эффективной модели включения отраслевых и международных требований к подготовке инженеров в образовательные программы. Независимая оценка качества инженерного образования является эффективным инструментом модернизации образовательных программ, повышения их качества (узнаваемости, признания и востребованности среди абитуриентов), а также гарантом конкурентоспособности выпускников на национальном и международном

рынках труда. Инновационный образовательный проект представляет из себя комплексную оценку качества инженерного образования, выступая инструментом повышения востребованности образовательных программ и конкурентоспособности выпускников российских вузов на национальном и международном рынках труда. Независимая оценка учитывает международные требования к инженерной подготовке и формируется из трех основных составляющих: профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, международной аккредитации образовательных программ и независимой оценки квалификации выпускников инженерных направлений подготовки. По результатам анализа профессиональных экзаменов, а также с учетом требований отраслевых предприятий проводится модернизация соответствующих модулей и курсов образовательных программ с целью повышения качества подготовки молодых специалистов и, как следствие, повышения их конкурентоспособности на рынках труда, а также рост востребованности инженерных образовательных программ. По мнению авторов ИОП, для работодателей, принимающих на работу выпускников вузов, окончивших вузы по аккредитованным программам, открываются возможности сформировать команды инженеров-профессионалов, с подтвержденной международными сертификатами квалификацией, что является конкурентным преимуществом при участии в международных проектах российских вузов для повышения качества и конкурентоспособности инженерного образования. Область практического использования: результаты ИОП могут быть использованы для внедрения независимой оценки качества инженерного образования в вузах РФ, а также при формировании системы профессионально-общественной аккредитации оценки квалификаций на базе отраслевых Советов по профессиональным квалификациям. Целевая аудитория: вузы Ассоциации «Консорциум опорных вузов Госкорпорации «Росатом», другие вузы инженерной направленности, отраслевые предприятия реального сектора экономики, студенты и молодые специалисты.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» реализовывает проект «Проектная практика как ключевой фактор индивидуализации в инженерном образовании». Основная идея инновационного образовательного проекта заключается в построении эффективной системы выявления и развития талантливых молодежи в высшем учебном заведении путем индивидуализации их образовательного процесса через проектную деятельность: начиная с первого курса и до конца обучения, студентам дается возможность раскрыть свой творческий потенциал, самоопределиться в выборе своей будущей профессии, получить практические навыки через реализацию своего собственного проекта, при этом индивидуализация достигается как за счет выбора направления проектной деятельности, так и за счет разнообразия проектов в рамках каждого направления в отдельности. Направления, по которым реализуется проектная практика для инженерных образовательных программ, авторы ИОП разделяют на три базовых типа: инженерная практика – создание полноценных инженерных устройств, обучение технологиям 3D моделирования, аддитивным технологиям, технологиям программирования микропроцессорных устройств, работе с высокотехнологичным оборудованием, разработке функционирующих физических

установок и лабораторного оборудования, предпринимательским навыкам и навыкам управления проектами; исследовательская практика – изучение исследовательского протокола, методов научной коммуникации, разработка моделей и алгоритмов, исследование различных явлений и процессов, проведению экспериментов на высокотехнологичном оборудовании; практика в области информационных технологий – создание цифровых продуктов и сервисов, разработка программного обеспечения, программная реализация различных алгоритмов для решения прикладных задач. Подобная система необходима для того, чтобы у обучающихся сформировалось четкое представление о том, как устроена деятельность в их будущей профессиональной области. Такое представление, сформированное через деятельность, по мнению авторов ИОП, позволяет повысить качество освоения обучающимися образовательных программ и подготовить «инноваторов», способствующих технологическому развитию Российской Федерации. Планируется разработка и апробация инновационного комплекса образовательных технологий, используемых при реализации проектных практик, в том числе, с привлечением высокотехнологичных компаний.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Поволжский государственный технологический университет» реализовывает проект Федеральная инновационная площадка «Центр компетентностной кооперации в сфере экологической, техносферной безопасности, рационального природопользования и организации бережливого производства для устойчивого развития территорий». Цель проекта – создание и функционирование «Центра компетентностной кооперации в сфере экологической, техносферной безопасности, рационального природопользования и организации бережливого производства для устойчивого развития территорий», обеспечивающего разработку и эффективную реализацию новых моделей, механизмов, форм и средств обучения и воспитания с целью формирования компетенций в данных сферах у выпускников участников консорциума, а также внедрение новых методик подготовки, профессиональной переподготовки и (или) повышения квалификации педагогических, научных и научно-педагогических работников и административно-управленческого персонала для обеспечения образовательного процесса и управления образовательной и производственной деятельностью. Основная идея проекта – внедрение моделей и механизмов формирования компетенций в сфере комплексного развития территорий с учетом экологической, техносферной безопасности, рационального природопользования и организации бережливого производства через подготовку профессорско-преподавательского состава, участвующего в реализации образовательных программ, предполагающих командное выполнение проектов полного жизненного цикла и административно-управленческого персонала, обеспечивающего реализацию поставленных задач инновационного образовательного проекта; разработка программ дополнительного образования и внедрение разделов в программы дополнительного профессионального образования на основе Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года национальным проектам («Экология»), проекту Концепции экологического образования в сфере экологии, устойчивого развития и рационального природопользования (ресурсосбережения,

ликвидации накопленного ущерба). Внедрение важнейших инновационных решений, полученных в ходе реализации проекта, и популяризация экологического образования, по мнению авторов ИОП, способны сгенерировать новые точки роста для устойчивого социально-экономического развития страны и регионов (в том числе и на основе рационального природопользования и бережливого производства) обеспечить позиционирование Российской Федерации как страны экологически устойчивого развития на основе инновационной экономики и бережного отношения к природе, сформировать бренд экологического донора планеты.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» реализовывает проект «Непрерывная подготовка кадров и формирование научных компетенций разработчиков устройств для цифровизации энергетики (на основе стратегического партнерства университета и предприятий Инновационного территориального электротехнического кластера (ИНТЭК) Чувашской Республики)». Цель данного инновационного образовательного проекта является сохранение и развитие научного потенциала электротехнической отрасли на территории республики и подготовка высококвалифицированных кадров для отечественной электротехнической промышленности на основе объединения усилий и ресурсов университета и отраслевого бизнеса для решения прорывных задач, необходимых для развития цифровой экономики и реализации отраслевой программы «Цифровая энергетика» в Российской Федерации.

Предлагаемый инновационный образовательный проект направлен на сохранение и развитие научного потенциала электротехнической отрасли и непрерывной подготовки высококвалифицированных кадров для отечественной электротехнической промышленности на основе интеграции усилий и ресурсов университета и отраслевого бизнеса и преемственности разных уровней образования для обеспечения устойчивого инновационного развития и отраслевого лидерства предприятий инновационного территориального электротехнического кластера (ИНТЭК). Предлагаемая концепция формирования высококвалифицированных специалистов и их закрепления в коллективах инновационных предприятий ИНТЭК носит инновационный характер и не имеет аналогов в России. Реализация данного проекта позволит внести весомый вклад в реализацию отраслевой программы «Цифровая энергетика» в Российской Федерации. В результате реализации инновационного образовательного проекта на территории республики будет обеспечено эффективное кадровое сопровождение роста производства электротехнической продукции с ожидаемыми темпами 4–7% в год. В университете создается инновационная образовательная научная производственная среда, включающая научно-образовательные лаборатории, позволяющая поддерживать и развивать научные направления по актуальным проблемам электротехники, энергетики и энергоэффективности с использованием цифровых технологий.

Распространение и внедрение лучших практик ФИП возможно реализовывать путем отражения в научных публикациях и учебно-методических материалах; формирования и пополнения единой информационно-аналитической площадки ФИП; проведения специализированных конференций, научных и методических семинаров в очных и дистанционных

форматах; развития сетевых программ и проектов; соглашений о сетевом взаимодействии; средствах массовой информации [14; 15; 17–19]. Реализация ИОП способствует развитию научного и профессионального потенциала как обучающихся, так и профессорско-преподавательского состава, поддержке инновационной деятельности в высших учебных заведениях Российской Федерации [1; 3; 6–8].

Библиографический список к главе 12

1. Высшее образование: новое качество и форматы образования (по материалам лучших практик работы федеральных инновационных площадок в 2019 году) / Т.А. Лавина, Т.И. Грицкевич, А.Н. Захарова, А.Г. Головина // Современное образование: проблемы и перспективы развития / БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования», Минобразования Чувашии. – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 9–26. – EDN GELXZB.
2. Грицкевич Т.И. Модели социально-экономических образовательных коммуникаций в регионе: федеральные инновационные площадки высшего образования / Т.И. Грицкевич, Т.А. Лавина, А.Н. Захарова // Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Кемерово, 25 мая 2023 года) / под общ. ред. О.Ф. Гаврилова, О.И. Жуковой, С.Н. Чуруна. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. – С. 416–422. – EDN FXIWOS.
3. Грицкевич Т.И. Развитие научно-исследовательского и профессионального потенциала российской молодежи: лучшие практики федеральных инновационных площадок вузов в 2020 году / Т.И. Грицкевич, Т.А. Лавина, А.Н. Захарова // Молодежь в условиях цифровизации общества: международный, национальный и региональный аспекты: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Кемерово, 26–27 ноября 2020 года) / под общ. ред. Е.В. Матвеевой, А.А. Митина. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. – С. 261–267. – EDN GMZXJQ.
4. Захарова А.Н. Проблема экономической активности женщин Чувашии: социокультурный контекст / А.Н. Захарова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2013. – №1–1 (77). – С. 49–54. – EDN PVXPXH.
5. Захарова А.Н. Социально-психологические факторы в структуре экономического поведения предпринимателей: дис. ... канд. психол. наук / А.Н. Захарова. – Ярославль, 2001. – EDN NLVJJV
6. Захарова А.Н. Опыт программ и проектов по поддержке и развитию студенческого технологического предпринимательства в системе российского образовательного пространства (на материалах федеральных инновационных площадок) / А.Н. Захарова, Т.А. Лавина, Т.И. Грицкевич // Принципы построения новой экосистемы: экономические аспекты. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 125–136. – DOI 10.31483/r-109422. – EDN AOTHQO.
7. Инновационная образовательная деятельность в организациях системы высшего образования: современные тренды, аналитика, проблемы, пути решения / Т.А. Лавина, А.Н. Захарова, Т.И. Грицкевич [и др.]. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2023. – 188 с. – ISBN 978-5-7677-3658-4. – EDN BKSXMO.
8. Лавина Т.А. Инновационные модели формирования единого пространства подготовки, оценки качества и повышения квалификации педагогических кадров в РФ: по материалам эффективных практик работы ФИП / Т.А. Лавина, А.Н. Захарова, Т.И. Грицкевич // Современные образовательные технологии: психология и педагогика. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 27–41. – DOI 10.31483/r-109024. – EDN MDFGSR.
9. Лавина Т.А. Современное педагогическое образование: анализ трендов развития (по материалам лучших практик работы федеральных инновационных площадок в 2021 году) / Т.А. Лавина, Т.И. Грицкевич, А.Н. Захарова // Вопросы образования и психологии: монография. – Чебоксары: Среда, 2021. – С. 15–31. – DOI 10.31483/r-99922. – EDN VUGZWR.

10. Лавина Т.А. О формировании ИКТ-компетентности преподавателя высшей школы / Т.А. Лавина // Образовательная инженерия. Понятия. Подходы. Приложения. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – С. 48–53. – EDN CLKRCZ.
11. Лавина Т.А. Формирование компетентности учителя в области информационных и коммуникационных технологий в условиях введения прикладного педагогического бакалавриата / Т.А. Лавина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №6. – С. 870. – EDN TGQRMJ.
12. Лавина Т.А. Подготовка преподавателей специальных дисциплин к использованию возможностей дистанционных технологий в процессе обучения менеджеров по персоналу (на примере LMS «MOODLE») / Т.А. Лавина, Е.Т. Яруськина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №3. – С. 244. – EDN SYZNEF.
13. Методы защиты данных веб-сервисов на предприятиях / П.А. Зиновьев, Д.В. Ильин, Т.А. Лавина, А.П. Дмитриев // Интернет-технологии в образовании: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 15–20 мая 2018 года). – Чебоксары: КЛИО, 2018. – С. 11–15. – EDN XVCNVZ.
14. Образовательная инженерия. Понятия. Подходы. Приложения / Е.Ю. Авксентьева, П.А. Аксютин, Е.А. Бараханова [и др.]. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 240 с. – ISBN 978-5-9912-0936-6. – EDN YTODEG.
15. Прокошенкова Л.П. Духовные ценности народа и этнокультуральная направленность обучения / Л.П. Прокошенкова, А.Н. Захарова. – Чебоксары: Изд-во ВФ МАДИ (ГТУ), 2010. – 257 с. – EDN VIIIWH.
16. Федеральные инновационные площадки высшего образования: стратегии реализации государственной политики в управлении инновационной образовательной деятельностью / Т.И. Грицкевич, Т.А. Лавина, А.Н. Захарова, И.В. Корчагина // Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Барнаул, 27 ноября 2021 года). – Барнаул: Алтайский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022. – С. 217–219. – EDN EEAXZO.
17. Alekseeva N.R., Lavina T.A., Vanyulin A.N., Zakharova A.N. Development of professional competencies of bachelors in applied Informatics to create an advertising product by means of information technologies. *Journal of Physics: Conference Series*: IOP Publishing Limited, 2020. P. 12056. DOI 10.1088/1742-6596/1691/1/012056. EDN YJTBF5
18. Lavina T.A., Zakharova A.N., Aleksandrov A.H., Talanova T.V. Professional Competencies of a Higher Education Teacher in an Information Educational Environment // International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020): Proceedings of the International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 апреля 2020 года. Yekaterinburg: Atlantis Press, 2020. P. 262–269. DOI 10.2991/assehr.k.200509.048. EDN KEIWWI
19. Smirnov V.V., Semenov V.L., Zakharova A.N., Lavina T.A., Ivanova N.A. «Digital Strategic» regions of Russia. International conference «Trends and innovations in economic studies» TIES 2020. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Vol. 96. Pp. 719–730. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.94. EDN KKOPDX
20. Zakharova A.N., Lavina T.A., Antonova N.A., Hartfelder D.V., Yakovleva E.V. Psychological Aspects of Professional Suitability of Students at the Stage of Higher Education. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200723.084>. EDN XHSDLX

ГЛАВА 13

DOI 10.31483/r-114295

Паевская Светлана Леонидовна

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: в главе рассматриваются различные вопросы возникающие в процессе реализации конституционного права на жилище. Приводятся основные принципы, закрепленные законодателем в жилищной сфере. Освещаются основные аспекты механизма реализации конституционного права на жилье. Перечисляется перечень оснований приобретения прав, и возникновение обязанностей у субъектов жилищного права. Определяется статус граждан, нуждающихся в жилье. Разбираются способы управления многоквартирным домом, и их отличия. Затрагивается финансовый вопрос, регулирующий различные способы получения жилья. Ответственность участников жилищных прав в различных отраслях права. Анализируется деятельность государства в данной сфере, а именно процесс защиты данного права на различных уровнях.

Ключевые слова: жилье, права, обязанности, принципы, малообеспеченные граждане, специализированный фонд, ипотека, субсидии.

Abstract: the chapter considers various issues arising in the process of realization of the constitutional right to housing. The basic principles enshrined by the legislator in the housing sphere are given. The main aspects of the mechanism of realization of the constitutional right to housing are highlighted. The list of grounds for the acquisition of rights and the emergence of obligations of the subjects of housing law is enumerated. The status of citizens in need of housing is defined. The ways of apartment building management and their differences are considered. The financial issue regulating various ways of obtaining housing is touched upon. Responsibility of participants of housing rights in various branches of law. Analyzes the activities of the state in this area, namely, the process of protecting this right at various levels.

Keywords: housing, rights, obligations, principles, low-income citizens, specialized fund, mortgage, subsidies.

Безусловно, жилье необходимо для поддержания жизнедеятельности и осуществления потребностей индивида, как физиологического, так и психологического характера.

Еще Конституция РСФСР 1978 года закрепила справедливое распределение жилой площади под общественным контролем благоустроенных жилищ (ст. 58) [4].

В дальнейшем развитие экономических отношений и частной собственности внесли свой определенный вклад в развитие института жилищного права. Бесспорен и тот факт, что жилищные права, как

социально-экономические, являются неким фундаментом для обеспечения жизнедеятельности человека.

В соответствии с сущностью жилищных прав, ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) содержит основные принципы, такие как:

– право граждан по своему усмотрению и в своих интересах осуществлять принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаться ими;

– ограничение жилищных прав могут быть осуществлены только на основании соответствующего нормативно-правового акта, и только в той мере, в какой это необходимо;

– право свободного выбора жилого помещения для проживания в качестве собственника, нанимателя или на иных законных основаниях;

– ограничение права граждан на свободу выбора жилых помещений для проживания допускается только на основании действующего законодательства РФ;

– необходимость обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления условий для осуществления права на жилище, а также на признании равенства участников регулируемых жилищным законодательством отношений [2].

Жилищное право, как естественное, принадлежит человеку от рождения и не подлежит умалению, что является конституционным догматом (ч. 2 ст. 17) [3].

Из истории очевидно, что с течением времени может смениться политическое устройство самого государства, внешнеполитические отношения с другими странами и жизнедеятельность гражданина. Таким образом, важно применять систему жилищного законодательства, как действующего, так и утратившего силу, как во времени, так и в пространстве.

Характеризуя содержание жилищных прав, необходимо также отметить, что данная совокупность прав и обязанностей человека и гражданина, законодательно закреплена в провозглашенных нормах законодательства государства, имеет всестороннее применение и вытекает из гражданских и административных отношений в смежных отраслях права, например, земельного, семейного, трудового и др.

Другими словами, само по себе право на жилище имеет сложную, взаимосвязанную и взаимоувязанную конструкцию для его осуществления.

Основами конституционного строя закреплена обязанность, для всех и без исключения, соблюдать Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ или Основной закон).

Сущность механизма реализации конституционного жилищного права можно разделить на несколько основных аспектов:

– право возникновения и получения, а также право владения;

– и неприкосновенности жилища.

В первом случае законодатель определил исчерпывающий перечень оснований, а вместе с тем и возникновение обязанностей у субъектов жилищного права (ст. 10) [2]:

1) при заключении договоров и сделок;

2) по решению органов публичной власти на основании жилищного законодательства;

3) по решению судебных органов власти, в случае возникновения и восстановлении жилищных прав;

4) законное приобретение жилой площади в собственность;

5) вступление в членство жилищных кооперативов;

6) при возникновении событий от действий или бездействий взаимосвязанных участников жилищных правоотношений.

Указанный перечень оснований имеет прямую связь со ст. 8 – «О возникновении гражданских прав и обязанностей» Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], в частности, где главным аспектом оснований являются юридические факты, возникающие по отношению к субъекту. В месте с тем необходимо отметить, что в юридической литературе с учетом указанных оснований жилищные правоотношения классифицируются, как правило, по двум критериям:

– первый – это отношения гражданско-правового, административно-правового и смешанного типа (административные и гражданские правоотношения);

– а второй – дифференцирует отношения на частноправовые и публично-правовые.

Существенно также участие государственных и муниципальных органов, и не без основания. В соответствии с конституционным положением о жилище (ст. 40), а также ст. 72 (совместное ведение РФ и субъектов РФ), на государство возложено исполнение гарантии осуществления жилищных прав граждан [3].

Законодатель устанавливает достаточно жесткие критерии в признании граждан нуждающимися в жилье. Так, например, ст. 53 [2] устанавливает 5-летний мораторий для граждан, которые совершили действия, направленные для намеренной постановки на учёт как нуждающиеся в предоставлении жилья (вселение в жилое помещение родственников, третьих лиц, отчуждение жилых метров в собственность).

Приобретение гражданами жилища может осуществляться либо за счёт собственных средств, либо с привлечением кредитных. Кроме того, факт приобретения жилых помещений возникает также и в случаях мены, дарения, а также по наследству. Хотелось бы отметить, что к данной категории относится и содействие публичных органов власти.

Жилые помещения гражданами, могут приобретаться и за счёт бюджетных средств – жилищная субсидия. Например, Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28.03.2006 года №312 «О порядке предоставления единовременных денежных выплат на приобретение или строительство жилых помещений» [5]. Гражданам на определённых условиях предоставляется сертификат с утвержденным номиналом, который необходимо реализовать при помощи сделки купли-продажи жилой недвижимости.

Отметим также осуществление гражданами жилищных прав с помощью специализированного жилого фонда, его разновидности приведены в ст. 92 [2]: служебные, общежития, жилые помещения маневренного фонда и др.

Применение специализированного жилого фонда во исполнении ЖК РФ осуществляется регламентами регионального законодательства, а также муниципальных образований.

Главным отличием специализированного жилого фонда является строгое соблюдение целевого назначения всех видов жилых помещений, они не могут отчуждаться, передаваться в аренду или найм (ч. 3 ст. 92) [2].

Таким образом, четко видно, что роль государства в реализации жилищных прав граждан существенна во исполнении конституционного права на жилище.

В связи с тем, что жилье является неотъемлемой частью благополучной жизни человека, то осуществляется и другой постулат Основного закона – «О свободе передвижения, пребывания и выборе места жительства» (ст. 27) [3].

Необходимо отметить, что реализация жилищных потребностей и свободы выбора осуществлялась благодаря становлению института приватизации со времен переходного периода страны. С развитием рыночно-экономических отношений граждане на праве частной собственности распоряжаются своим имуществом, в том числе и жильем (ст. 209) [1].

Реализация неотчуждаемых жилищных прав граждан способствует осуществлению обязанностей, как это присуще конституционному строю РФ (ч. 2 ст. 6) [3]. В соответствии с тем, что осуществление жилищных прав имеет диспозитивный характер, вместе с правами у участников возникают и обязанности – у всех без исключения.

Собственники многоквартирного дома свободны в выборе способа управления, так или иначе граждане должны делать это в обязательном порядке. Однако, в случае если в многоквартирном доме жилые помещения, принадлежащие к государственной собственности, составляют более 50%, управление таким домом осуществляется управляющей организацией, выбранной по результатам открытого конкурса (ч. 2 ст. 163) [2].

Основное отличие этих форм (разд. 8) [2] – ответственность за надлежащее содержание многоквартирного дома:

- во-первых, ответственность несут сами собственники в виде учреденной организацией кооператива или товарищества;
- во-вторых – это управляющая компания перед собственниками;
- в-третьих, лица, выполняющие работы по его содержанию.

В зависимости от выбранного способа управления граждане и собственники обязаны производить оплату за жилое помещение, а также коммунальные услуги. В соответствии с законодательством действующем в сфере жилья, определяется структура оплаты, порядок ее внесения, размер и ограничения, касающиеся повышения стоимости платежей, а также компенсация для малоимущих граждан. Неисполнение, или же не надлежащее исполнение обязанностей, закрепленных в жилищном законодательстве, влечет за собой наступление соответствующих правовых последствий.

Отметим также то, что ответственность участников жилищных прав наступает в соответствии с законодательством, как в сфере уголовного, так и административного правонарушения, а также в соответствии с гражданско-правовыми отношениями.

Конституционные нормы, вместе с особенностями реализации гражданами своих прав, устанавливают меры их правовой охраны и защиты. Гражданам предоставляется право защиты всеми способами, которые не запрещены законом, в том числе и в судебном порядке (ч. 2 ст. 45, ст. 46) [3].

В сфере жилищных прав также следует отметить наличие законных способов разрешения споров, применяемых во внесудебном порядке.

Таким образом, защита жилищных прав выражается в профилактике нарушений, пресечении противоправных действий, восстановлении нарушенных прав со стороны других участников жилищных правоотношений.

Характеризуя механизм реализации и защиты жилищных прав, отметим, что жилищное право в своей сущности является одним из главных приоритетных интересов общества и государства. Со стороны государства – это контроль за соблюдением законодательства, создание нормативной базы, отвечающей нормам Основного закона, и отражающей реальность достижений в получении или приобретении благополучного жилья. И конечно же, необходимость контроля при пользовании жилыми помещениями участниками правоотношений.

Рассмотрим теперь более подробно приобретение гражданами жилья с привлечением кредитных средств.

Наряду с демографической политикой государства, Правительство РФ развивает льготное ипотечное кредитование граждан. Вместе с тем стоимость квадратного метра (далее – м²) жилого помещения по отношению к реальным доходам граждан несоизмеримо высок. Так, например, размер прожиточного минимума в г. Санкт-Петербурге, в расчёте на душу населения, составляет 16535 рубля (на 2024 год) [6], а среднерыночный показатель 1 м² в указанном субъекте по данным Минстроя на 4 квартал 2023 года в 10 раз больше, и составляет 165315 рублей [7]. Сопоставляя затраты граждан на содержание, ремонт, включая отделочные материалы и закупку необходимой бытовой техники для благополучного проживания, а также на другие неотъемлемые права и свободы граждан, с учетом демографической политики государства, и учитывая, что среднемесячная заработная плата, согласно данным Петростата, в г. Санкт-Петербурге, составила, за 2022 год – 86630 рублей, январь – ноябрь 2023 года – 91900 рублей, за июнь 2024 – 112559 рублей, приобретение благоустроенного жилья при помощи собственных накопленных средств является существенным сдерживающим фактором для осуществления жилищного права [9].

Рассмотрим инвестирование денежных средств в строительство жилья, как один из способов его приобретения. Данный метод рассчитан, не на всех, так как жилье необходимо в настоящий момент, а внутренняя миграция граждан по локациям мегаполисов вынуждает граждан обращаться за заёмными средствами как альтернативе арендной плате. В этом случае Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» позволяет гражданам осуществить свое право на приобретение жилого помещения.

В соответствии со ст. 5 и ст. 50 ФЗ-№102, жилое помещение является залогом в обеспечении платежеспособности заемщика. В случае неисполнения своих обязательств гражданин лишается жилья, которое, в свою очередь, будет продано на публичных торгах для удовлетворения нужд кредитора или кредиторов [10].

Согласно статистике, приведенной в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс), можно увидеть рост количества и размера

предоставленных кредитов совместно с прогрессирующей динамикой задолженности граждан по этим кредитам. На конец 2023 года долг граждан составил более 17 триллионов рублей. Проблему исполнения взятых на себя обязательств граждан доказывает и другая статистика – в сфере банкротства, которая в последние годы увеличивается среди физических лиц. Количество несостоятельных граждан в 2022 году выросло на 44,2% (до 278137 человек), а в 2021 году рост был на 62% (до 192833 человек) [8].

Таким образом, реализация прав граждан совместно с государственным стимулированием через ипотечное кредитование ставится под сомнение. Государственное стимулирование и современные условия требуют более надежного подхода.

Вторым конституционным предписанием является предоставление жилья гражданам безвозмездно, либо за доступную плату. Законодатель в данном случае определяет не всех граждан, а только малоимущих и иных, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий (ст. 52) [2].

Согласно же статистике Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по количеству семей, улучшивших жилищные условия, и приватизированных жилых помещений за год, прослеживается значительное сокращение количества семей, улучшивших свои жилищные условия с помощью государства, со времен распада СССР [11].

По мнению некоторых исследователей приватизация изменила в обществе представление о жилье, а также значительно повлияла на структуру рынка недвижимости и не только экономический оборот.

Вместе с тем, подводя итоги проведенного анализа реализации права граждан на жильё за последние 30 лет, с уверенностью можно сказать, что государство минимизирует свое непосредственное участие в предоставлении жилых помещений в натуральном виде, а способствует развитию рыночных отношений для свободы действий граждан с привлечением банковского сектора и финансированием жилищных субсидий для приобретения жилья. Это, также, способствует наличию определенных рисков для самих граждан. Однако в той мере, как это присуще правовой природе гражданских правоотношений и института частной собственности, где необходимо предусматривать риски и юридические последствия.

Продолжая тему конституционной обязанности государства в части предоставления жилья нуждающимся гражданам, необходимо отметить, альтернативный способ – выделенная субсидия вместо предоставления жилого помещения.

Для получения субсидии необходимо быть признанным нуждающимся в улучшении жилищных условиях.

В Государственную Думу РФ Законодательным Собранием Санкт-Петербурга была внесена инициатива об изменении нормы законодательства в части преимущественного права получения жилья ветеранами боевых действий. Инициатива уравнивает права в получении жилищной субсидии между всеми участниками боевых действий. Правительство РФ данный законопроект поддержало [12]. Вместе с тем в действующем законодательстве в жилищных субсидиях имеется и другое противоречие и неравенство среди сотрудников и государственных служащих.

Следует отметить, что как правило жилищная субсидия законодательно регулируется не ЖК РФ, а федеральными законами о социальных гарантиях и подзаконными актами Правительства РФ. Нормативно-

правовые акты устанавливают исчерпывающий перечень требований для постановки на учет и признания сотрудника и членов его семьи нуждающимися в обеспечении жилищной субсидией: выслуга лет, наличие обеспеченности жильём в совокупности у всех членов семьи, сделки с жилыми помещениями в предшествующие пять лет. Кроме того, определение членов семьи происходит двойственным порядком. Так, в части определения степени нуждаемости и решения вопроса постановки на учет применяются нормативные положения ст. 31 и ст. 69 [2]. В случае расчета жилищной субсидии члены семьи определяются в соответствии с оговариваемыми нормативно-правовыми актами о жилищных субсидиях. При определении размера выплаты исходят из учета совместно проживающих членов семьи, которые определяются из ограниченного числа согласно федеральному законодательству о социальных гарантиях: супруг (супруга) и/или лиц, находящихся на иждивении.

В данном случае дети сотрудника достигшие совершеннолетия не могут претендовать на жилищную субсидию, что опосредованно уменьшает выплату для приобретения жилья сотруднику. Это обусловлено тем, что законодатель исходит не только от взятых жилищных обязательств, но и из трудовых правоотношений.

Напротив, система законодательства обеспечивает неравное положение всех участников? имеющих право на получения жилищной субсидии, таких как ветеранов боевых действий, многодетных семей, так и всех сотрудников. Так, федеральные законы определяют условия и наделяют Правительство РФ правом устанавливать порядок распределения бюджетных средств, а также определять категорию сотрудников, которым допустимо предоставление субсидии для обеспечения эффективного исполнения трудовых обязанностей, выходя за рамки обеспеченности жилым помещением. В то же время Правительство РФ во исполнение федерального законодательства определило одну категорию сотрудников по должностному признаку – высшему начальствующему составу. Более того, для выделенной категории жилищная субсидия предоставляется без очереди.

Таким образом, исходя из конституционных положений в части предоставления жилья малоимущим, другим категориям граждан, в части равенства по должностному признаку, в сфере реализации жилищной субсидии сформировалась коллизия норма предоставляющая исключительное право получить субсидию вне очереди, при этом имея в собственности совместно с родственниками больше учётной нормы. Учитывая практический опыт ожидания единовременной социальной выплаты для приобретения жилья, многие сотрудники вынуждены освобождать служебное жильё в связи с достижением пенсионного возраста, что безусловно ухудшает положение граждан в такой ситуации.

Подводя итог в исследуемых жилищных правоотношениях в первую очередь необходимо подчеркнуть значение реализации жилищных прав граждан. Со стороны восприятия самих граждан это фундамент не только как конструктивная основа жилого строения, но и также базовый фундамент благополучной жизни. С юридической точки зрения первостепенное значение жилищных прав закреплено в Основном законе и выражается в недопустимости лишения жилья или проникновения в него без воли проживающего.

Значение жилищных прав также вытекает из многополярности возникающих правоотношений в системе законодательства РФ. Так, жилищное право, кроме гражданских правоотношений взаимодействует с земельной, трудовой, административной, финансовой и банковской отраслях права, отражается и в уголовном законодательстве. Однако возникающие дискуссии о месте жилищного права как отдельной отрасли либо подотрасли гражданского права говорит о неоднозначном восприятии и недооценённом значении всем обществом и государством. С одной стороны жилое помещение воспринимается как необходимость для существования человека с другой инвестиционный объект гражданского права. В настоящее время ипотечное кредитование – это основной и самый распространённый вид реализации гражданами жилищных прав. К сожалению, можно констатировать, что далеко не всегда это надёжный способ из-за современных реалий экономических колебаний и политики Центробанка РФ, а также отсутствия объективного расчёта своих возможностей самими гражданами.

В обществе сформировалась «парадигма» о надёжности владения в собственности жилого помещения. Вместе с тем владение и распоряжение опосредует за собой обязанности, при неисполнении которых влечёт юридические последствия, в том числе и лишение жилья. Таким образом, гражданам и публичным органам власти всех ветвей: законодательной, исполнительной и судебной, необходимо предусматривать всевозможные риски при осуществлении действий гражданами либо должностными лицами в отношении жилищных прав граждан.

Сущность жилищного права существенно изменилась от национализированного характера в сторону частного права. Механизм реализации права на жильё не вмещает всех профилей и тонкостей права в основной кодифицированный документ и раскидывается на множество нормативно-правовых актов. Практическая реализация осуществляется, в основном, за счет заёмных средств, а вместе с тем и возрастание вероятных рисков, что ставит под сомнение гарантированность права на жильё.

Таким образом, государству во исполнение конституционных прав граждан необходимо провести ревизию некоторых жилищных норм для усиления дисциплины жилищных правоотношений, усилить контроль за коррупционными проявлениями, повысить значения жилищного права в системе законодательства РФ. А также укоренить понятие «единственное жильё» и определить пределы допустимости действий юридических лиц.

Библиографический список к главе 13

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.11.2024).

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №188-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057 (дата обращения: 06.11.2024).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 14.03.2020) (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 06.11.2024).

4. Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/> (дата обращения: 06.11.2024).

5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28 марта 2006 года №312 «О порядке предоставления единовременных денежных выплат на приобретение или строительство жилых помещений» (ред. 14.06.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/8018412/?ysclid=m0z1r8cq4k732179994> (дата обращения: 06.11.2024).

6. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 21.12.2023 №1381 «О внесении изменения в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 15.09.2023 №980» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ipbd.ru/doc/7800202312290013/?ysclid=m0z1pcwnud194317392> (дата обращения: 06.11.2024).

7. Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 29.08.2023 №619/пр «О показателях средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на IV квартал 2023 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/407740796/?ysclid=m0z1shun31446163018> (дата обращения: 06.11.2024).

8. Статистический релиз Федресурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/dbd9dfec-df64-4207-b713-4bd7133f172a> (дата обращения: 06.11.2024).

9. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://78.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 06.11.2024).

10. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 №102-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/2136759 (дата обращения: 06.11.2024).

11. Федеральная служба государственной статистики «Жилищные условия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 06.11.2024).

12. Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 №5-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/ (дата обращения: 06.11.2024).

13. Центральный банк РФ «Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (дата обращения: 06.11.2024).

ГЛАВА 14

DOI 10.31483/r-113839

Миронова Наталья Геннадьевна

ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФЕЙК-КОНТЕНТУ В ЦИФРОВЫХ МЕДИА

Аннотация: цифровые технологии позволяют автоматизировать процессы дезинформации и информационного противоборства, запускать фейки оперативно и масштабно, организовывать информационные интервенции для переключения внимания населения с одной информационной повестки на другую, для проведения информационных и психологических операций, оказывать определенное воздействие на сознание и поведение целевых групп. Фейки циркулируют не только в поп-медиа и каналах пропаганды, но и проникают в публицистику, в образовательный контент, в научный дискурс, причем, не только как предмет научных исследований, но и как результат фальсификации; сформировался феномен фейковой журналистики и публицистики, пренебрегающей высокими стандартами и принципами профессии. В плотном потоке быстро обновляющейся информации затруднено внимательное восприятие, осложнено различение правды и фальсификации, получение достоверной информации о событиях; общество испытывает беспрецедентное давление дезинформации со стороны цифровых медиа, подрывающей доверие к социальным институтам и каналам социальной коммуникации. Эти обстоятельства актуализируют проблематику совершенствования методологии и инструментов верификации информации и распознавания фейк-контента в сетевых медиа. Цель исследования заключается в анализе признаков фейковости медийного контента и совершенствовании методов противодействия дезинформации в медианпространстве. Результаты: исследованы цели и мотивы создателей и распространителей фейков, признаки и технологии фальсификации цифрового контента, выполнен анализ подходов к борьбе с фейками и фальсификацией информации в сетевых медиа, оценка эффективности различных технологий выявления фейк-контента и противодействия его влиянию. Изложена концепция комплексной системы противодействия фейкам в цифровом пространстве. Один из выводов исследования заключается в том, что противодействие влиянию фейк-контента сетевых медиа не сводится лишь к техническим и регуляторным решениям, поскольку механизмы этого влияния социально-психологические; когнитивные науки способны дать методологую эффективного противостояния обману и манипуляции. Исследование адресовано специалистам по медиабезопасности.

Ключевые слова: медиабезопасность, фейк, дипфейк, искусственный интеллект, генеративные нейросети, детекторы нейросетевого контента, методы противодействия дезинформации, форензика.

Abstract: digital technologies make it possible to automate the processes of disinformation and information warfare, launch fakes promptly and on a large scale, organize information interventions to shift public attention from one

information agenda to another, to conduct information and psychological operations, and to have a certain impact on the consciousness and behavior of target groups. Fakes circulate not only in pop media and propaganda channels, but also penetrate into journalism, educational content, and scientific discourse, not only as a subject of scientific research, but also as a result of falsification; the phenomenon of fake journalism and journalism that ignores the high standards and principles of the profession has emerged. In the dense flow of rapidly updating information, attentive perception is difficult, it is difficult to distinguish between truth and falsification, and to obtain reliable information about events; Society is under unprecedented pressure from digital media disinformation, undermining trust in social institutions and social communication channels. These circumstances actualize the issues of improving the methodology and tools for verifying information and recognizing fake content in online media. The purpose of the study is to analyze the signs of fake media content and improve methods of countering disinformation in the media space. Results: the goals and motives of fake creators and distributors, signs and technologies of digital content falsification are investigated, approaches to combating fakes and falsification of information in online media are analyzed, the effectiveness of various technologies for detecting fake content and countering its influence is assessed. The concept of a comprehensive system for countering fakes in the digital space is outlined. One of the conclusions of the study is that countering the influence of fake online media content is not limited to technical and regulatory solutions, since the mechanisms of this influence are socio-psychological; cognitive sciences can provide a methodology for effectively countering deception and manipulation. The study is aimed at media security specialists.

Keywords: *media security, fake, deepfake, artificial intelligence, generative neural networks, neural network content detectors, methods of countering disinformation, and forensics.*

Введение

Дезинформация с развитием цифровых СМИ стала серьезной проблемой; для многих медиа ресурсов значимой задачей их деятельности становится не достоверное отражение событий действительности, а влияние на умонастроение и поведение целевой аудитории через манипуляцию эмоциями, стереотипами, а важным критерием успеха становится не уровень доверия читателя, а цифровые рейтинги (обеспечиваемые техническими методами). Простота изготовления фейк-контента для мошенничества и манипуляций поведением населения растет по мере развития технологий фальсификации, а стандарты правды в цифровых каналах снижаются. Скорость, с которой создается новостной и аналитический контент, возросла, меняются подходы к производству и продвижению информации, испытывают изменение профессиональные ценности и стандарты журналистики, публицистики под влиянием практик блогинга, социальных сетей, в конкурентной борьбе за читателей и рейтинги. Фейк новости, сенсации фабрикуются нередко ради повышения популярности и посещаемости медиа-ресурсов. В эпоху цифровых медиа фальсификации становятся широкой практикой в сетевых СМИ (порядка 20% новостей – фейковые), подрывая доверие к СМИ и к социальной коммуникации. Технологии производства информации, основанные на больших языковых моделях машинного обучения, все шире применяются для наполнения

контентом новостных, аналитических, корпоративных сайтов и блогов в социальных сетях, для персонализированных пропагандистских кампаний и операций влияния, взаимодействуя с пользователями сложными способами (самые распространенные тактики злонамеренного использования искусственного интеллекта последних месяцев и лет – генерация речи или облика общественных деятелей, фальсификация доказательств в виде изображения вымышленных событий. Дипфейки становятся мощным инструментом широкомасштабных психологических операций, пропаганды и информационных кампаний, применяются для дискредитации, мошенничества – когда дипфейки в видео-звонках и трансляциях используются для обмана граждан, банков (подмена биометрии клиентов). По данным Sumsb, в 2023 году количество дипфейков в мире увеличилось в 10 раз по сравнению с 2022 г. (за этот период в Северной Америке зафиксирован рост их количества на 1740%). В российском сегменте интернет за 3 последние квартала 2023 года количество ресурсов с дипфейками выросло на 1000%; увеличилась и выявляемость фейк-контента.

Феноменология фейк-контента представлена разными уровнями исследования (онтологический, аксиологический, методологический, социально-психологический, а также аспект кибербезопасности). На онтологическом уровне явление исследуется как срез цифровой культуры, как аспект феноменологии лжи или постправды (в работах Д. Робертса, С. Фуллера, С.В. Чугрова (Чугров, 2017), Ю.М. Ершова (Ершов, 2018), А.А. Мовчана, других авторов). Многие исследователи, например, Ю. Хаббермас, констатируют рост объема и влияния фейк-контента, трансформацию СМИ под влиянием цифровых технологий (Habermas, 2022) и связанные с этим ценностные и концептуальные изменения медиапространства (Грачев & Евстифеев, 2020); о цифровой трансформации культуры писали Н. Б. Кириллова, (Кириллова, 2023), Л.В. Щеглова (Shcheglova, 2021) и др. Некоторые авторы, – например, К. Шрайбер в работе «Честная ложь: почему мы продолжаем верить в то, что портит жизнь», – обосновывают эволюционную необходимость лжи с позиции когнитивистики, объясняя доминирование фальсифицированной информации в коммуникативном пространстве. Социально-психологический и методологический аспекты фейка, как инструмента влияния на убеждения и социальное действие, исследовали многие авторы (В.П. Черкасов, Г. Почепцов, В.П. Шейнов, С. Кара-Мурза, И.М. Дзялошинский и др.). Были разработаны модели распространения фейк-контента в сетях (в работах Д.А. Губанова, Н.М. Радько, Е.А. Шварцкопф и др. описаны различные т.н. эпидемиологические и другие модели распространения фейков); исследованы каналы распространения фейков (Ушкин, 2024), способы противодействия влиянию фейк-контенту; технологии создания фейк-контента разного типа; подняты проблемы законодательного регулирования фейк-контента и др. В последние годы уделяется значительное внимание проблемам кибербезопасности и методам противодействия дезинформации с использованием фейков (в т. ч. дипфейков). Исследование посвящено аспектам медиабезопасности, связанным с выявлением фейков в цифровых медиа и способам противодействия негативному влиянию фейк-контента.

Результаты

Фейк представляет собой намеренную фальсификацию информации. Мотивы авторов фейков не всегда очевидны, но, если в сообщении прослеживается стремление автора ввести аудиторию в заблуждение, создать

определенный настрой или побудить к определенному действию, есть признаки фальсификации, то сообщение – фейк, а не «честное» заблуждение автора. Фейк-новости после многократного ретранслирования медийными ресурсами начинают жить своей медиа-жизнью как свидетельства «альтернативной правды» (оставаясь симулякрами и фактоидами). Фейк-контент различается по мотивации изготовителя фейк-контента, цели фальсификации: помимо дезинформации, фейки могут развлекать и мистифицировать, поддерживая коммуникативную игру с читателем, отдающим себе отчет в мистификации; фейки используются и как инструмент персонифицированной дискредитации, травли, троллинга, обмана (например, фейковые видео-звонки жертвам мошенничества). Один из трендов – использование фальсифицированных «научных» публикаций (Pluckrose, Lindsay & Boghossian, 2018), а также статей якобы от имени известных ученых, рассылаемые в новостные агентства и СМИ, чтобы обеспечить текстовым фейковым сообщениям больше доверия, цитируемости либо продвинуть определенную повестку в обществе или целевой группе. Разнообразие мотивов фейкеров породило спектр «жанров» фейков (пародия или сатира, развлекательный контент, провокация и хайп, политический пиар и реклама, пропаганда, имитация (клон) реального лица или ресурса, манипуляция общественным мнением и т. д.). Для эффективного противодействия фальсификации целесообразно формализовать признаки, «маркеры» фейк-сообщений, указывающие на мотивацию создателей и распространителей фейков, позволяющие различать фейки по целевому их назначению. Целями фейк-контента могут быть: (1) продвижение ресурса, продукта, персоны (реклама); (2) переключение и отвлечения внимания в медиaprостранстве от определенных событий, смещение акцентов в оценке событий, персон в общественном сознании; (3) развлекательные цели (шоу-бизнес и кинематограф, интернет-фольклор, троллинг); зачастую развлекательные интернет-паблики являются частью системы («воронки») вовлечения пользователей в закрытые сообщества деструктивной тематики для идеологической и психологическую обработки; (4) пропаганда, создание нужного умонастроения или общественного резонанса, провоцирование индивидуального или социального действия; (5) кибершпионаж, криминальные и мошеннические цели (кража конфиденциальной информации и финансовых средств) с использованием видеозвонков с дипфейками лиц, голосов; мошенники пытаются получить кредиты банков от имени жертв обмана, пройти дистанционное собеседование для трудоустройства в IT-компаниях в качестве удаленного сотрудника с помощью дипфейков реальных специалистов² и т. п. [6]. Еще одна цель фейков – дискредитация, пранк, травля, манипуляции поведением жертвы (например, политические фейки как средство «черного пиара», порно-фейки и т. п.).

Фейки различны по убедительности и влиянию на «цель», в зависимости от технологий³ и качества исполнения. Фальсифицированный контент может быть текстовым сообщением, изображением, видеороликом,

² В случае успешного найма мошенники рассчитывают получить привилегированный доступ к корпоративным ресурсам, выявить и использовать уязвимости в системе безопасности для кибератак.

³ Для изготовления фейков применяется ручной фотомонтаж или программно-технические средства автоматизации на основе технологий машинного обучения.

поддельным биометрическим идентификатором цифровой личности (речь, лицо, поведенческие характеристики и т. д.), клоном/имитацией чужого сайта или аккаунта. Видео (в т.ч. дипфейк) убедительнее текстового фейк-сообщения, поскольку первая сигнальная система (зрение и слух) доминирует над второй (речевой), визуализация сюжета кажется более непосредственным свидетельством, чем его текстовое описание. Видео-фейк воспринимается менее критично, чем текст и фото-фейк, ибо несет больше информации, сильнее задействует внимание, визуальный образ легче вовлекает в сюжет и запоминается. Технически фейк может быть изготовлен «с нуля» (выдуманное событие, созданное GNN-инструментом изображение несуществующего объекта/персонажа без реального прообраза; постановочное фото или видео); либо фейк создается путем манипуляций с объектом-оригиналом (редактированием фото, видео, звукозаписи, клонированием web-страницы, подделкой аккаунта, клон-фишингом документа) или синтезом нескольких реальных изображений (наложение другого фона, маски одного человека на видео-изображение другого (дипфейки), синтез речи голосом определенной персоны, не произносившей этих слов в реальности и т. д.). Фейк ориентирован на определенную целевую аудиторию, зачастую усилен приемами социальной инженерии, технологиями пропаганды, SMM-маркетинга, кибер-хакинга⁴ и т. д.

Фейки циркулируют в разных каналах социальной коммуникации, и влияние фейк-контента на коллективное сознание зависит от уровня доверия этим каналам. Телевидение, другие традиционные СМИ пользуются относительно высоким доверием, новые СМИ (соцсети, наиболее подверженные фейк-контенту) – низким; соцсети и мессенджеры используются как основной источник информации более половины граждан⁵, интернет-версии СМИ – около 30%; непосредственные социальные коммуникации («сарафанное радио») – примерно столько же. При этом «авторитетные» СМИ перенимают у блогеров и цифровых медиа их методы и практики привлечения и удержания внимания аудитории, используют SMM-методы (Social Media Marketing) для продвижения своей повестки, повышения рейтинга и поддержания вовлеченности целевой аудитории (с учетом демографических, психологических, поведенческих особенностей этой аудитории). Большинство традиционных СМИ имеют цифровой аналог (сайт, аккаунт, канал в соцсетях) или используют сюжеты и новости из соцсетей, популярных мессенджеров, собственные бот-каналы (куда любой желающий может вбросить фейк-контент). В условиях конкуренции за аудиторию (и доход) цифровые медиа склонны использовать не всегда этичные, но эффективные приемы привлечения и удержания внимания: броские (в т.ч. гиперболизированные, двусмысленные, пугающие и обманывающие) заголовки, задевающие эмоции анонсы, трагический

⁴ Например, фейк вбрасывается в медиа-среду от имени «лидеров мнений», через взломанный или клонированный аккаунт, для разгона фейк-сюжета привлекаются бот-фермы комментаторов, лайкеров, ретрансляторов для повышения рейтинга фейк-сообщения в поисковой выдаче соцсетей и браузеров.

⁵ Дезинформация стала глобальной проблемой. Радиоспектр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rspectr.com/novosti/dezinformacziya-stala-globalnoj-problemoj> (дата публикации: 07.11.2023).

или пугающий и т. п. контент; лонгриды, заставляющие читателя вовлекаться (и проникаться идеологией или авторским посылом); ссылки-переходы на статьи подобной тематики удерживают читателя на ресурсе; речевые обороты-триггеры, задевающие «за живое»; броские иллюстрации (в т.ч. заведомо фейковые, сгенерированные нейросетями) и видеоролики производят более глубокое впечатление, получают больше оценок и репостов, чем текст. Под новостным сообщением администрацией ресурсов организуются дискуссии, чтобы заставить читателя вовлечься, отреагировать, занять позицию; при этом фейк-контент вызывает более бурное обсуждение, чем нейтральное и более объективное новостное сообщение. Публикации на актуальные темы привлекательны, и, чтобы сделать тему актуальной, ее делают вездесущей методами вирусной рекламы и SEO (Search Engine Optimization) для раскрутки. В сочетании с алгоритмами работы поисковых систем, формирующие результаты поисковой выдачи, подобные методы обеспечивают популярность одних ресурсов и точек зрения (понижая поисковую выдачу альтернативной тематики или позиции). Даже сомневаясь в достоверности новости, люди делятся фейк-новостями чаще, чем правдивыми новостями (Vosoughi, Roy & Aral, 2018), не стремясь или не умея их проверить. Фейк-новости до своего разоблачения «живут» хоть и недолго (4–5 дней⁶), но успевают «завируситься» и ретранслироваться, оказав свое убеждающее (и побуждающее) воздействие; при этом и после своего разоблачения они продолжают влиять на аудиторию, став частью социального опыта и памяти. Эффекты отложенного влияния разоблаченного фейк-контента исследованы в 2019 г. специалистами Университета Корка в 2019 году (Fitch, 2019): как оказалось, люди помнят о событиях прошлого (не помня источник новости), черпая воспоминания и из фейковых новостей, т.о., дезинформация оказывает влияние на выбор (ценностный, житейский, политический) и в дальнейшем (следовательно, важнее не допускать появления и распространения фейков, чем заниматься их разоблачением).

Фейк зачастую направлен на изменение убеждений и поведение целевой аудитории фейка. Действенным фейк в конечном счете делает доверие к нему, обусловленное когнитивным состоянием, в которое «качественный» фейк погружает читателя или зрителя (задействуя методы психологии и когнитивных наук⁷, социальной инженерии). Чтобы убедить, сообщение должно привлечь внимание, вызывать доверие читателя формой подачи и содержанием, быть понятным и принятым. Фейк-сообщению нужно притвориться в чем-то «своим» или вызвать сильные эмоции, чтобы побудить себя транслировать (и репостить), влиять на мнение или поведение. Доверие вызывает авторитетность (или популярность) медиаисточника, присутствие в сообщении узнаваемых языковых «маркеров» и слов-триггеров, делающих поднимаемую проблему актуальной для

⁶ Сколько живет фейк в интернете и как его выявить, рассказали эксперты в ходе «дня без фейков». Диалог-инфо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dialog.info/skolko-zhivet-fejk-v-internete-i-kak-ego-vyyavit-rasskazali-eksperty-v-hode-dnya-bez-fejkov> (дата обращения: 15.01.2024).

⁷ В когнитивной психологии, в рамках нейролингвистического программирования (НЛП) разработаны подходы к созданию и изменению убеждений, широко применяемые создателями фейк-контента.

читателя, текст – понятный, описываемые события – узнаваемыми и вызывающими эмоциональный отклик, ощущение причастности. Чтобы усилить доверие, выполнить подстройку к читателю, алгоритмы медиа-платформ и соцсетей отслеживают историю посещений и переходов, интересы и персональные характеристики пользователей, предлагая то, что привлечет внимание, удержит на ресурсе дольше; перепосты в ленте, выдача схожего по тематике контента создают эхокамеры, погружающие в определенную тематику, эмоциональное и ментальное состояние, закрепляя убеждающий эффект (повторение убеждает сильнее однократного сообщения, а не прямое сообщение «между прочим» зачастую убедительное, чем прямо внушающее сообщение и т. д.). Словом, соцсети манипулируют поведением сетевых аудиторий, воздействуя на убеждения, смещая «окна Овертона» в оценке событий, персон, концепций, социальных норм. Фейк-контент, часто встречающийся в социальных сетях, – инструмент подобных «машин убеждения».

Все чаще не журналисты и эксперты (руководствуясь профессиональным стандартам), а ИИ-боты наполняют контентом новостные, аналитические ресурсы, блоги соцсетей, другие медиа; по оценке АНО «Диалог регионы»⁸, количество контента, созданного при участии генеративных нейросетей, выросло в 17 раз в 2023 году по сравнению с 2022 и продолжает кратно увеличиваться. Все чаще для иллюстрации постов и сообщений редакторы и авторы используют не реальные фото- и видеоматериалы, а стоковые и изображения, сгенерированные ИИ-сервисами на основе GAN-моделей (спрос на графический дизайнеров и иллюстраторов упал на 17% за последние 2 года). ИИ-инструменты (ChatGPT, BingChat, Claude, Bard и т. п.) генерируют новостные, технические тексты, обзоры и объяснения, резюме и экспертные заключения⁹, код приложений и веб-сайтов, учебных, научных и публицистических текстов, рецензий (Lukeš et al., 2023). Хотя условия сервиса ChatGPT запрещают его злонамеренное использование, он нашел применение и у фейкеров и кибермошенников (для генерации фишинговых писем, вредоносных, выдуманных сообщений, убедительных по форме). Генеративные инструменты на основе больших языковых нейросетевых LLM-моделей оказались склонны (в большей или меньшей степени) к выдаче правдоподобных, но недостоверных или ложных сообщений¹⁰ (их склонность лгать политкорректно называют галлюцинированием¹¹); Эта предпосылка недостоверности ИИ-контента усугубляется рядом других слабостей LLM-моделей: статистическим и вероятностным «механизмом» генерации ИИ-контента; отсутствием

⁸ Объем созданного при помощи нейросетей контента за год вырос в 17 раз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6806550> (дата обращения: 26.10.2023).

⁹ Например, чат-бот Med-PaLM от Google Research и DeepMind консультирует по вопросам медицинской диагностики (92,6% ответов на открытые вопросы диагностики заболеваний Med-PaLM дала на уровне контрольной группы врачей).

¹⁰ Introducing ChatGPT [Electronic resource]. – Access mode: <https://openai.com/blog/chatgpt> (30.10.2022).

¹¹ Например, инструменты для юридической практики, созданные LexisNexis (Lexis+ AI) и Thomson Reuters (Westlaw AI-Assisted Research и Ask Practical Law AI), «галлюцинируют от 17% до 33% времени» (Magesh, Surani, Dahl, Suzgun, Manning & Ho, 2024).

внутренней логики (ИИ-модель не рассуждает как человек, когда генерирует текст, а угадывает следующий высоковероятный токен фразы); неспособностью этих моделей видеть без подсказки свои ошибки и выполнять в рамках одного сеанса связанные задачи без специального предложения это проделать; отсутствием прямого доступа к массиву своих обучающих данных¹² (отчего LLM-модель не может привести источников и оснований своих синтетических «рассуждений», а выдумывает их) и к сложным вычислениям (отчего и расчеты часто содержат ошибки); ограничением на размер контекста¹³, который учитывается в ходе диалога с пользователем и составляет контекстную память модели в рамках одного сеанса «общения» и др. Поскольку подобные языковые и мультимодальные нейросетевые модели не имеют внутренних «этических» ограничителей, их заменяет внешняя цензура сервиса в виде ряда запретов, фильтрующих запросы пользователей и выходной контент модели. Например, ИИ-сервис Midjourney блокирует некоторые текстовые запросы к модели, а несколько десятков модераторов контента постоянно контролируют использование платформы. Это не мешает использовать сервисы на базе LLM-моделей для создания вредоносного, дезинформирующего и токсичного контента: пользователи выявляют и обходят фильтры запретов нейросети, используют обфускацию (запутывание) текста запросов, ищут и применяют джейлбрейки (например, DAN для ChatGPT), отключающие цензуру; организуют «атаки отравления обучающих данных», чтобы заставить нейросеть выдавать контент определенного характера. В частности, показано (Wei et al., 2022), в результате атак отравления обучающих данных GNN-модели демонстрируют усиление склонности к генерации токсичного, противозаконного, недостоверного контента. Например, в 2022 году разработчики представили большую языковую модель Galactica «на благо научного сообщества» (по их словам, превосходящую GPT-3, Chinchilla и PaLM), «способную рассуждать о научных знаниях», «резюмировать академические статьи, решать математические задачи, создавать статьи для Wiki, писать научный код, аннотировать молекулы и белки и многое другое» (Taylor et al., 2022); однако им пришлось закрыть тестовый доступ пользователям уже через 2 дня после открытия, поскольку модель оказалась способна к генерации убедительных, но совершенно фейковых, текстов, стилистически отвечающих стандартам научной публицистики (конспирологических теорий с выдуманными событиями, фейковых химических формул, трактатов с опасными для жизни рекомендациями (например, о пользе добавления в пищу измельченного стекла) с лживыми отсылками к «экспериментам», сфабрикованными «цитатами» и т. п.¹⁴ Зная подобные неустраняемые ограничения своих

¹² Подключение LLM (например, есть у Bing Chat) к поисковой дополненной генерации (RAG) снижает неточность и неактуальность ответов (из-за отсеивания знаний периодом до обучения), но поскольку модель та же, она все равно генерирует галлюцинации.

¹³ Остается актуальной тема влияния увеличения длины контекстного окна на снижение склонности LLM-моделей галлюцинировать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2307.03172>

¹⁴ Примеры созданного контента были размещены пользователями сервиса в твиттере (<https://twitter.com/mrgreene1977/status/1592958921026985990>; <https://twitter.com/mrgreene1977/status/1593278664161996801> и т.п.)

LLM-моделей, их создатели, рекомендуют относиться к сгенерированной информации своих сервисов лишь как к «гипотезе», нуждающейся в верификации человеком.

Мультимодальные нейросетевые модели способны создавать убедительные и реалистичные иллюстрации, облегчая работу фейк-журналистов и мошенников. Одна из технологий фальсификации – дипфейк, – основана на методах состязательного обучения 2-х нейросетей (GAN, генеративной и классификатора¹⁵). По подобному принципу создаются и видео-дипфейки (для этой цели создано в последние годы множество инструментов, в т.ч. Dublicat и Reface, DeepFaceLab в Google Colab, FakeApp, Zao для Android и iOS, MachineTube; сервис-фильтр Avatarify Work накладывает дипфейк-фильтры в режиме реального времени во время видеозвонков, видеоконференций; бота Smile Vector может изменить выражение лица на готовом фото; алгоритмы, подобные Face2Face, могут заменить мимику лицу известного человека на мимику актера на видео, динамически поместить человека или персонаж в любой ландшафт или обстановку). Сервисы и программы клонирования голоса для синхронного озвучивания фейк-видео также разнообразны (VeraVoice, Neural Voice Puppetry и др.). Дипфейк-инструменты пользуются популярностью у пранкеров и мошенников, поскольку не всегда требуют даже развитых навыков программирования (хотя качество онлайн фейк-трансляции зависит от производительности видеокарты); образцы изображений и рисунка голоса жертвы создатели дипфейков берут из открытых источников, соцсетей, путем взлома аккаунтов мессенджеров с голосовыми и видео-сообщениями. Массовым явлением стали дипфейк-атаки на корпоративные группы в мессенджерах; дипфейки руководителей организаций используются для обмана их подчиненных и коллег), дипфейк-стримы от лица известных блоггеров – для обмана подписчиков; цель дипфейк-атак – получение от жертв обмана денег или конфиденциальных сведений.

Умение распознавать признаки фейков – полезный навык не только для специалистов по кибербезопасности или журналистов, но и для широкого круга потребителей медиаконтента, поскольку фейки вездесущи. На возможную фейковость текстового сообщения указывает его тональность и стилистика: кликбейтность заголовка, эмоциональная накачка в тексте сообщения; слова-триггеры, «цепляющие» внимание, «подстегивающие» эмоции (страх, гнев); структура сообщения построена так, чтобы вовлекать и удерживать читателя (чем дольше действует вовлеченность в

¹⁵ Генеративная (G) сеть создает изображения (разворачивая целевое изображение на базе скрытых параметров, синтезируя с ним другие изображения обучающего набора), а дискриминативная (D) нейросеть отсеивает сгенерированные части контента, не похожие на реальные, возвращая на вход G-нейросети результат оценки подделки. По завершении состязательного обучения система способна генерировать правдоподобный фейковый контент определенной тематики. Для изготовления видеофейков (с наложением маски человека-цели на изображения «актера») с помощью нейросети извлекаются кадры изображения цели (чья маска используется в подделке) – и кадры видеоряда с движениями «актера», на чье лицо будет накладываться покадровая маска цели, детектируются контуры заменяемого лица; в ходе обучения G-нейросеть синтезирует оба изображения, а нейросеть-дискриминатор оценивает сходство фейк-кадров с маской; из прошедших отбор фейк-кадров создается фейк-видео.

сообщение, тем глубже сформированное им убеждение). К признакам фейковости сообщения можно отнести отсутствие авторства сообщения (либо имя вымышленное и, не «гуглится»); упоминаемые в фейк-сообщении факты описаны так, что их невозможно или сложно проверить (например, приводится свидетельство никому не известного человека или источника, цитаты – без ссылок на источники либо источники сомнительны). Для фейк-сообщений нередко характерно низкое качество изложения (шаблонные, пропагандистские, рекламные или просторечные речевые обороты и выражения-триггеры, манипулятивные приемы и алогичность и т. п.), иллюстрации сгенерированы нейросетью или взяты из фото-стока, без указания авторства и т. п. Фейки обычно публикуются изначально на «серых» ресурсах интернета, в редких доменных зонах, на сайтах, не имеющих сертификата безопасности, а оттуда разносятся ботами по социальным сетям и мессенджерам, откуда их зачастую черпают и цитируют более авторитетные медиаресурсы и т. д.

Часть недостоверного цифрового контента производят большие языковые модели генеративных неросетей (склонные галлюцинировать), затем он транслируется в других медиа. Признаками текста, созданного нейросетевым сервисом, пока могут служить стилистические, логические ошибки, несогласованности текста; термины на протяжении текста могут использоваться то в одном, то совсем в ином контексте, создавая смысловые нестыковки между частями текста; могут присутствовать выдуманные названия, цитаты несуществующих экспертов (что выявляется даже поверхностной проверкой). Впрочем, если сгенерированный текст отредактирован человеком, эти признаки могут и отсутствовать.

Признаки дипфейков: отсутствие у изображения метаданных, автора; фото-дипфейк выглядит слишком гладко (нет зернистости реальных фотографий) и идеализированно; дипфейковые (и вообще созданные GAN-нейросетями) изображения плохо передают отражения в зеркалах, окнах, глазах (оно отсутствует или неестественное), не бывает эффекта «красных глаз» (в отличие от некоторых реальных фотографий) и т. п. На видео-фейке может присутствовать мерцание и искривление контура лица (если «наложена» цифровая маска на кадры видео), нечеткость волос, зубов и других мелких деталей, скачки качества видео в разные моменты; внутри-кадровые и временные несоответствия; неестественность темпа дыхания и моргания, движения глаз (Jung et al., 2020), мимических мускулов, других спонтанных физиологических проявлений на видео (впрочем, алгоритмы подделки совершенствуются и в этом направлении); речь дипфейка может звучать слишком чисто, равномерно и без пауз, без звука дыхания, без слов-паразитов и междометий; неестественны модуляции голоса, неправильны ударения в словах и т. п. Если фейк используется для обмана в удаленной цифровой коммуникации зачастую мошенники используют фейк-запись, а не дипфейк в реальном времени (требующий больше ресурсов или навыков), так что отсутствие возможности обратной связи (или спонтанности видео-чата) должно насторожить.

«Поведенческими» признаками фейк-контента могут служить агрессивность раскрутки в сетевых медиа (мессенджерах, соцсетях, форумах); использование ботов, фабрик троллей, устраивающих «дискуссии» в комментариях к фейк-сообщению, лайкающих и репостящих фейк для повышения его рейтинга и упоминаемости в сетевых медиа (альтернативные

же ресурсы и точки зрения подвергаются замусориванию ботами-спамерами). Люди, склонные к конформизму, видя кликбейтную «новость», под которой множество лайков и комментариев, воспринимает ее заслуживающей внимания и репоста. При этом сложно понять, кто ведет канал или комментирует новость (фейковый аккаунт-бот или человек), поскольку боты-комментаторы и бот-каналы имитируют поведение людей. Признаками фейк-аккаунта, фейк-канала, созданного для фейковых вбросов и манипулирования общественным мнением, могут служить высокая активность при короткой истории существования аккаунта, сотни и тысячи подписок акаунта на другие каналы, отсутствие или минимум взаимных друзей (у реальных аккаунтов-людей число подписчиков (друзей) обычно от 20 до 200–300), специфический контент. Читатели нередко понимают, что новостное или аналитическое сообщение создано не человеком, а нейросетью, и не склонны доверять ему; «52% респондентов из США, 63% опрошенных из Великобритании, Южной Африке – 81% сообщили, что им было бы некомфортно читать новости, созданные с помощью нейросетей» (Newman, 2024); треть россиян отказались бы читать медиа, в котором тексты пишутся при помощи нейросетей, по оценке Rambler&Co.

Впрочем, GAN-модели применяются не только для изготовления реалистичных дипфейков, так и для их обнаружения (Marrà, Gragnaniello & Verdoliva, 2018). Программно-технический инструментарий распознавания фейков развивается, помогая определять, подвергалось ли изображение фальсификации, не является ли контент синтетическим ИИ-продуктом, но широкому кругу пользователей сетевых медиа этот инструментарий малодоступен (программы и сервисы платны, требуют профессиональных IT-навыков, доступ к ним зачастую запрещен для россиян и т. д.).

Дезинформация в цифровых медиа распространяется и действует подобно заражению вирусом, поэтому диапазон мер и технологий противодействия информационному «вирусу» подобен спектру мер борьбы с вирусными заболеваниями (от профилактических и предупредительных – до терапевтических). Для «профилактика», снижающая риск «поражения» дезинформацией, необходимы законодательные и организационные меры регулирования¹⁶ деятельности масс-медиа, стандартизация и регламентация разработки и применения ИИ-инструментов (облегчающих фейкерам их деятельность), пресечение деятельности медиа-ресурсов и лиц, использующих фейк-контент для обмана и противоправных действий, повышение уровня медиаграмотности в обществе. «Терапевтические» мероприятия состоят в идентификации, удалении (и разоблачении) фейк-контента из медиaprостранства, донесении до аудитории правдивой информации; создание доступных сервисов, позволяющих проверить достоверность¹⁷ информации или разоблачить фейк. Оба направления

¹⁶ К слову, большинство людей приветствуют госрегулирование фейков (88% опрошенных граждан 16 стран мира, согласно исследованию Ipsos [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rspectr.com/novosti/dezininformacziya-stalaglobalnoj-problemoj> (дата обращения: 07.11.2023).

¹⁷ Сейчас действует ряд фактчекинговых сервисов, в т.ч. российские «войнафейками.рф», <https://lapsha.media> (от «Лапша Медиа групп»), зарубежные

борьбы с фейк-контентом (предотвращение и пресечение фальсификации информации) представлены мерами организационно-правового и программно-технического характера, и в комплексе формируют арсенал противодействия дезинформации; меры охарактеризованы ниже.

1. Законодательные, регуляторные меры противодействия распространению фейк-контента позволяет упорядочить работу цифровых медиа, вывести деятельность, связанную со злонамеренным использованием фейков, за рамки правового поля, определить признаки такого рода деяний и меры борьбы. Большинство граждан одобряют идею регулирования фейков: 83% опрошенных граждан 16 стран мира, согласно исследованию Ipsos (Ipsos, 2023); 82% россиян в 2023 году одобряли блокировку фейков в интернете как регуляторную меру (ВЦИОМ, 2023). В законах ряда стран есть запреты на использование дипфейк-технологии в определенных целях. Так, в Китае с 2019 г. закон запрещает публикацию фейк-новостей, сгенерированных ИИ-инструментами, использование генеративного ИИ при подаче заявок на финансирование научных исследований; действует требование маркировки ИИ-контента. Законодательство Германии предусматривает ответственность для владельцев web-ресурсов за размещение фейк-контент, несущего общественную угрозу. В ряде американских штатов (Вирджиния, Техас, Калифорния, Теннесси) закон регламентирует применение дипфейк-технологий, в 2024 году Конгресс США подготовил законопроект по маркировке ИИ-дипфейков¹⁸ корпорациями, разрабатывающими генеративные нейросетевые модели. Еврокомиссия собирается обязать IT-компании маркировать контент, созданный их нейросетями. С июня 2024 года и российские законодатели работают над проектом закона о маркировке контента нейросетей. В ряде стран закон также защищает приватность и конфиденциальность граждан от манипуляций, поскольку их биометрические признаки могут быть использованы для обучения нейросетей, подвергаются риску утечки и дипфейк-подделки. В этом плане США, Канада, Европейский Союз (ЕС), Великобритания, Китай, Япония, Корея, Сингапур применяют риск-ориентированный подход к регулированию ИИ, предполагающий более строгие обязательства по обеспечению безопасности и прозрачности ИИ-технологий с высоким социальным риском (хотя IT-компании лоббируют смягчение¹⁹ законодательного регулирования ИИ). В России также применяется риск-ориентированный подход в регулировании ИИ²⁰; в отношении фейков в России

www.snopes.com, www.factcheck.org, fullfact.org, PolitiFact, «International Factchecking Net-work» (<https://azbukamedia.com/category/fakefighter/>) и др.

¹⁸ Eshoo Anna G. Press Release (March 21, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: <https://eshoo.house.gov/media/press-releases/rep-eshoo-introduces-bipartisan-bill-label-deepfakes>

¹⁹ Так, OpenAI настояла на том, чтобы не считать высокорисковыми ИИ-системы, в т.ч. ChatGPT, DALL-E.

²⁰ П. 51 «Стратегии развития искусственного интеллекта» в России, утвержденный Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» гласит, что «риск-ориентированный подход: уровень проработки, характер и детализация изменений при регулировании вопросов в области искусственного интеллекта должны соответствовать уровню рисков, создаваемых конкретными технологиями и системами искусственного интеллекта для интересов человека и общества».

действуют статьи Административного кодекса (например, ст. 13.15 КоАП РФ злоупотребление свободой массовой информации предусматривает наказание за распространение фейк-новостей), статьи Уголовного кодекса (например, ст. 207.1–2 УК РФ – за распространение заведомо ложной информации; закон об уголовной ответственности за фейки о действиях российских военных); Ф3 №31 от 18.03.2019 г. «О внесении изменений в статью 15.3 Ф3 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» о блокировке фейковой информации; в последние месяцы обсуждаются инициативы законодателей с требованием маркировки сгенерированного нейросетями контента с подменой лица, голоса, подменой сцен на видео, изменения в ст. 152.1 ГК РФ о синтезе голоса ИИ-технологией, об охране голоса как части цифрового образа граждан и т. д. Понятие «дипфейк» в законах РФ не определено, хотя отдельные статьи Гражданского и Уголовного кодексов запрещают противоправные деяния с использованием сфальсифицированного контента (например, ст. 159 УК РФ «Мошенничество», поправки в УК РФ об ответственности за распространение фейков о действиях Вооруженных Сил России). В настоящее время поправки в законодательство за отдельные деяния с использованием технологий дипфейков готовят Минцифры, МВД, РКН; Госдума РФ обсуждает изменения уголовного наказания за деяния с использованием дипфейков (статьи 128, 158, 159, 163, 165 УК РФ). Хотя в РФ «ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо» (Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490), – как представляется, в законах должна быть более четко определена доля ответственности за фейк-контент. Пока ответственность неопределенно «размазана» между создателем нейросетевого сервиса (например, ИИ-бота) и теми, кто распространяет или использует фейк как реальное свидетельство. Если фейк-контент собирает и публикует (или генерирует и публикует) ИИ-бот, ответственность за последствия от такого контента (в т. ч. фейкового) должен отчасти нести и разработчик интеллектуального бота, и пользователи бота в блогах и медиаканалах (которые, однако, могут не знать нюансов и последствий технологии), и те, кто ретранслирует фейк-контент. Но разработчик ИИ-бота или сервиса не знает определенно, какой конкретно контент будет сгенерирован в дальнейшем с помощью его продукции. Впрочем, фейк-контент в больших объемах вбрасывают и медиа-ресурсы, находящиеся и вне российской юрисдикции, поэтому нормативно-правовое регулирование лишь ограниченно действенно.

2. Организационные меры противодействия фейк-контенту применяются и на государственном уровне, и бизнесом (владельцами платформ, соцсетей, поисковых сервисов). Например, в Китае Cyberspace Administration of China (CAC) обязала с 2023 года всех владельцев онлайн-сервисов проверять и удалять аккаунты, замеченные в создании или распространении фейков. В России Роскомнадзор практикует блокировку сетевых ресурсов, занимающихся противозаконной деятельностью, замедление и др. технические меры защиты россиян от противоправной деятельности в цифровом пространстве. Владельцы медиа-платформ, нейросетевых инструментов, поисковых систем все чаще добровольно цензурируют, фильтруют, блокируют бот-аккаунты (как «ВКонтакте») по жалобам на фейк-контент и противоправный контент, помечают фейк-

контент знаком «ложная информация» (как Twitter (X), Facebook), блокируют фразы, характерные для фейк-контента (как мессенджер Wechat корпорации Tencent), организуют сообщества по разоблачению фейков и т. д. Владельцы популярных поисковиков блокируют фейк-контент по жалобам пользователей (например, Google удаляет по жалобам пользователей вредоносный контент (например, интимные дипфейки), понижает рейтинг сайтов с большим количеством жалоб на дипфейки, фильтрует поисковую выдачу с именами потенциальных жертв дипфейков). Фото-стоковые сервисы, чтобы избежать судебных претензий, фильтруют загружаемый пользователям мультимедиа-контент, рекомендуют помечать размещаемые изображения тегами, позволяющими отличить искусственный контент от реального фото и т. п. (например, Adobe Stock в руководстве пользователей запрещает публикацию дипфейков и изображений, созданных с использованием запросов об определенных людях, местах или объектах собственности, призывает снабжать ключевыми словами отредактированные фото или искусственно сгенерированные изображения). Однако заставить все сетевые ресурсы регулировать деятельность своих пользователей с фейк-контентом технически сложно, к тому же политика фильтрации фейк контента у разных ресурсов сильно различается, поэтому эффективность организационных мер противодействия фейкам невысока и дополняется другими методами. Недостаточная активность силовых органов в отношении кибер-преступников и мошенников также способствует «популярности» фейк-технологий у криминальных групп (в распоряжении которых – обширная «серая» зона медиа-ресурсов, баз и кибер-инструментов из darknet, библиотеки открытого исходного кода ИИ-ботов, генераторы фейковых изображений и видео). Одна из причин активности фейкеров и мошенников, использующих фейк-технологии, – чувство безнаказанности из-за анонимности и недостижимости в интернете; поэтому ограничение анонимности в цифровом медиа-пространстве представляется полезной мерой для снижения количества фальсификаций и импульсивных репостов фейков. Регулирование должно быть направлено, в идеале, на создание условий, при которых невозможно или рискованно ретранслировать дезинформацию, фейк-контент, а участники медиа-пространства вынуждены следовать более строгим критериям и ценностям правдивости.

3) Программно-технические меры противодействия фейкам, в т.ч. дипфейкам, заключаются в идентификации и распознавании фейков. Можно выделить 3 подгруппы: (1) методы защиты контента от фальсификации в будущем; (2) методы и технологии маркировки недостоверного контента сразу при его создании; (3) методы детектирования фейк-контента.

3.1. Технологии первой подгруппы позволяют заранее защищать изображения от последующего манипулирования ими (в т.ч. от подделки и создания с их помощью дипфейков). Есть сервисы, которые защищают фото перед публикацией в интернете путем добавления на фото незаметных глазу шумов для защиты от последующего искажения и т. д. В частности, вставка в реальное фото или видео цифровых артефактов, маскирующих те группы пикселей, по которым ориентируются популярные программы распознавания лиц и дипфейк-алгоритмы; при попытке подделать так измененное цифровое фото результат подделки окажется неузнаваем и малополезен для мошенников (например, группа исследователей

Бостонского университета предложила метод защиты публикуемых в интернете фотографий и видео от их изменения с помощью дипфейк-технологий: наложение на фото / видео фильтра, отображающего пиксели особым образом; если скачавший защищенное изображение пытается с помощью нейросети создать на его основе дипфейк, изображение становится неузнаваемым и непригодным для обмана). Есть технологии защиты фото-контента от скачивания с использованием CSS свойств, HTML-скрипта и JavaScript-функций (не слишком хорошо защищают от подделки и дальнейшего несанкционированного использования фото), применяемые некоторыми web-сайты. Еще один (слабый) прием защиты изображений на web-страницах от несанкционированного использования состоит в наложении поверх изображения прозрачного пустого слоя (при копировании фото с сайта скопируется только этот пустой слой). Некоторыми разработчиками фоторедакторов (Photoshop, Lightroom и др.) предлагаются помещать на защищаемое изображение «водяной знак» для защиты изображений от несанкционированного использования (в т.ч. подделки). Другой способ защиты изображений от дальнейшей подделки заключается в снабжении их метками, которые при попытках редактирования изображения искажаются или удаляются, позволяя понять, что фото – не оригинал, а фальсификат. Роль метки могут служить метаданные (EXIF-метки) и аналоги сертификата цифровой подписи или сертификата доверенного сервера. Подобную технологию использует компания Adobe, разработавшая для своих программ и сервисов функции маркировки крипто-тегами фотографий, редактируемых в Photoshop, что позволяет отслеживать историю изменения фото с момента создания (впрочем, эти теги можно удалить из фото-файла и добавить поддельные). Производители цифровых камер в момент съемки каждое фото и видео снабжают EXIF-метками, что позволяет определить источник контента, когда, где, с какими техническими параметрами сделан снимок. При редактировании в фото и видеоредакторах EXIF-данные автоматически меняются, частично удаляются, – поэтому отсутствие метаданных у изображения намекает на манипуляции с оригинальным фото или видео. Впрочем, EXIF-метки могут быть вручную отредактированы (программами типа EXIF Pilot) и просто удалены (например, фото-стоки и соцсети, где пользователи выкладывают фото для публичного использования, нередко автоматически удаляют EXIF-метки из соображений конфиденциальности²¹), поэтому по скаченному из открытых источников фото или видео вряд ли можно по EXIF-меткам определить, оригинальное или сфальсифицированное это изображение. Еще один метод защиты от фальсификации – размещение доверенного контента в верифицированном по некоторым стандартам (С2РА и т. п.) виде на доверенных хостах (что позволяет, в случае появления в будущем дипфейка, предъявить оригинал и доказать фейковость подделок).

Изображения, размещенные в цифровых медиа, многократно скачиваются и редактируются, в т.ч. фальсифицируются. Чтобы можно было достоверно определить факт подделки, подмены изображений, они должны иметь более надежную, криптографическую защиту, например, в виде

²¹ Чтобы не позволять отследить человека или объект по метаданным фотографии тем, кто занимается доксингом, кибершпионажем и т. п.

аналога сертификата электронной подписи, проставляемой в каждой отредактированной версии электронного документа; метку-признак изменения изображения должны, в идеале, проставлять автоматически любые фоторедакторы, а история правок и список меток изображений могли бы храниться и накапливаться по принципу технологии блокчейн, позволяющей обеспечить децентрализованную валидацию цифрового контента, отслеживая и подтверждая его источники (примерно так, как NFT-платформы обеспечивают авторство и уникальность NFT-медиафайлам, верифицируя отсутствие аналогов). Сервисы генеративных ИС, фоторедакторов, видеоредакторов целесообразно обязать также автоматически маркировать любой отредактированный или сгенерированный мультимедиа-контент уникальной меткой автора/редактора (или записью в реестре блокчейн). У каждого автора или дизайнера в таком случае должна быть уникальный сертификат обязательной электронной подписи, позволяющий подтверждать личность автора цифрового контента при любом редактировании фото или видео. Данный подход мог бы быть действенной защитой от фальсификации контента, если бы стал общеобязательным стандартом для всей отрасли разработчиков инструментов работы с изображениями, но в ближайшее время подобных отраслевых стандартов ожидать не приходится из-за сопротивления всех сторон и технических сложностей. Впрочем, есть отдельные платформы и инструменты верификации цифрового контента,двигающиеся в этом направлении; например, сервис аутентификации фото и видео truepic.com заверяет контент в блокчейнах для верификации цепочки пользователей, работавших с изображениями на разных этапах, от съемки до хранения.

3.2 «Честное предупреждение» – маркировка ИИ-продукции при ее создании, – один из методов борьбы с фейками; целесообразно, чтобы все сервисы, генерирующие нейросетевой контент или выполняющих нейросетевую обработку фото, видео, звукозаписей, в обязательном порядке ставили на продукт нейросети машиночитаемую (а лучше «человекочитаемую»²²) пометку «сделано нейросетью». Это позволяет отслеживать фальсифицированный нейросетями контент и отличать его фотофактов и видеодеталей. Пока лишь некоторые сервисы используют технологию пометки сгенерированных изображений согласно стандарту IPTC: например, Adobe с Nikon, BBC, Microsoft и Truepic намерены снабжать меткой CR (Content Credentials) изображения, созданные или исправленные с помощью нейросетей (CR-данные будут добавляться в метаданные фото или видеозаписи фоторедактором либо цифровой камерой); сервисы на основе нейросети DeepMind от Google будут вставлять знак Syn-thID в сгенерированные изображения, чтобы распознавать по этому знаку искусственные изображения; в нейросетевом генераторе изображений Vertex AI можно (Gowal & Kohli, 2023) вставлять в сгенерированные этой ИС изображения цифровой знак SID. К слову, поисковик Google при поиске

²² На практике такой метод применяется некоторыми разработчиками редакторов, но метки незаметны для человеческого глаза или содержатся в метаданных файла (увидеть которые можно лишь с помощью программных инструментов, часто платных, а не непосредственно), поэтому технология не мешает вводить в заблуждение потребителей новостного контента и изображений.

изображений может по метаданным изображения указать, что оно сгенерировано нейросетью, если изображение было размечено HC-сервисом.

3.3. Технологии выявления фейк-контента (текста, фото и видео-контента, голосовой звукозаписи, фейковых сайтов и аккаунтов) различны, в зависимости от вида фейка.

Для оценки фейковости текста анализируются: фактология (путем сравнения сообщения с доверенными новостными сайтами и базами), авторы, достоверность ссылок, фото и т. д. Поскольку для фейков зачастую характерна определенная тональность и структура текста и заголовка, признаки манипуляции, логические нарушения, – то контент-анализ помогает оценить вероятность фальсификации. Фактчекинговые сервисы, помогающие провести проверку сообщений на фейковость: российский СКАН (scan-interfax.ru); зарубежные Storyful.com, FactCheck.org, PolitiFact.com, The Fact Checker (от Washington Post), Mediakritika.by, Trooclick, Truth Goggles, Lazy Truth, Skeptive, Genius и др. Появляются продвинутые (на основе машинного обучения) средства автоматизации фактчекинга. Например, нейросеть Ai Wiz (https://aiwiz.ru/ai_fact_checking) обучена приемам фактчекинга текстов, ссылок, цитат, сопоставляя их с проверенными источниками (в т.ч. с научными реестрами и публикациями), выявляя несоответствия и ошибки; модель для фактчекингового сервиса fakenewsai (<https://www.fakenewsai.com>, разработчик К. Сингхал) обучена искать признаки сходства проверяемых ресурсов с сайтами фейк-новостей. Фейк-детекторы сетевого контента (с разной степенью эффективности, главным образом на основе технологии искусственного интеллекта): платформа TruthBird (<https://www.Truthbird.com>) – ищет фейки, руководствуясь своей базой сайтов фейков; BotSlayer (<https://www.Botslayers.Com>) реализует методы поведенческого анализа аккаунтов пользователей соцсетей для выявления ботов-спамеров; CredEye (<https://dl.acm.org/doi/fullHtml/10.1145/3184558.3186967>) распознает фейковые сообщения методами семантического анализа эмоциональной окраски текстов, признаков «предвзятости», поиска логических ошибок, проверки по базе достоверных источников; браузерное расширение MediaSifter (<https://www.Mediasifter.com>) – имеет функцию распознавания дезинформации; Actus (<https://actusdigital.com/automatic-ads-detection-and-ai/>) – распознает манипулятивные и рекламные тексты. Все анализаторы текстовых фейков имеют определенный процент ложных срабатываний, ограничены обучающим набором, функционалом, тематикой и языком проверяемого контента. Если текст создан нейросетью, его достоверность под вопросом (поскольку всем большим языковым GAN-моделям свойственно «галлюцинирование»), поэтому при проверке фактологии сообщения полезна и проверка на искусственность его происхождения. В детектировании фейк-контента и недостоверного контента, сгенерированного чат-ботами, все чаще применяются технологии машинного обучения. Для распознавания сгенерированного контента используется метод отпечатков текста, поиск маркеров ИИ-продукции (если эта продукция была маркирована при создании). Для оценки искусственности текстового контента на гитхабе (по адресу <https://github.com/HendrikStrobel/detecting-fake-text>) выложен пакет «GLTR: Гигантская тестовая комната для языковых моделей» для определения того, был ли текст сгенерирован генеративной сетью (GPT-2 и т. п.);

опубликован инструмент FakeTextDetector для распознавания текстов, сгенерированных нейросетями (<https://arxiv.org/abs/1805.08751>), в т.ч. детектирует фейки и манипулятивные тексты. ИИ-анализаторы текста обычно указывают на подозрительные фразы в анализируемом сообщении, но испытывают сложности с оценкой доли нейросетевого контента в сообщениях или с оценкой вероятности того, что текст был создан нейросетью. Например, детектор ИИ-текста от OpenAI обнаруживает лишь 26% ИИ-контента (Kirchner et al., 2023). При проверке инструментов, распознающих нейросетевой контент («Война с фейками», FactCheck, Politifact, Snopes, «Лапша Медиа», «Лига безопасного интернета», Oigetit Fake News Filter, Alt News, Full Fact, AFP Fact Check) выявлено (Тумбинская & Галиев, 2023), что 80% из них поддерживают проверку фейк-новостей на основании экспертной оценки, остальные 20% основаны на ИИ-технологии), причем, оценка фейковости может быть пристрастной и малополезной для верификации русскоязычного контента (лишь 30% поддерживают проверку русскоязычных новостей). Если в сгенерированный нейросетью текст дорабатывался человеком, способность ИИ-фейк-детекторов распознавать фейк-контент резко падает (например, в случае с контентом ChatBot с 75% до 42% (Weber-Wulff et al., 2023)). Д. Вебер-Вульф с коллегами (Берлинский институт техники и экономики) по результатам оценки 14 инструментов-распознавателей контента, сгенерированного с помощью ChatGPT, заключили, что все эти инструменты с трудом детектировали ИИ-текст, который немного отредактировали люди.

Для обнаружения фейковых изображений применяются методы машинного обучения, программы анализа цифровой подписи и проверки подлинности видео (и технологии, основанные на аналогах блокчейна). Для обнаружения фальшивых профилей, с которых могут размещаться фейки, применяются ИИ-инструменты поведенческого анализа. К популярным у разработчиков средств форензики методам выявления признаков фальсификации цифровых изображений относятся: анализ метаданных файла изображения; анализ пикселей, поиск аномалий, алгоритмы распознавания признаков фальсификации; ELA (Error Level Analysis) – поиск неоднородностей уровня сжатия изображения; поиск аналогов по сетевым хранилищам изображений и т. п. Сопоставление параметров изображений с реальными событиями, о которых как бы свидетельствует изображение (с учетом EXIF-данных файла²³, сетевых источников), позволяет обнаружить признаки подмены (несоответствия освещения, перекраску, монтаж, аномалии изображений или видео). Иногда в EXIF-метаданных изображений в некоторых соцсетях может сохраняться и миниатюра исходного изображения картинки, при редактировании изображений в некоторых фоторедакторах (например, Corel photo-paint X8)

²³ Метаданные файла (дата, GPS-метка места съемки, параметры фокусировки, выдержки, проч.), если не удалены, помогают соотнести фотографию с известными условиями на местности (временем суток, освещенностью, положением теней, окружающий ландшафт в реальности), чтобы оценить, не является ли фотоиллюстрация подлогом. EXIF снимка можно просмотреть в свойствах файла (например, в проводнике ОС Windows), в фоторедакторах (типа Photoshop), сервисах (ACDSee, ShowExif, fakeimagedetector.com), на гитхабе есть код программ для выскашивания EXIF-данных из фотофайлов и т.д.

оригинал сохраняется и может быть извлечен впоследствии для сравнения с окончательной версией улучшенного (или фальсифицированного) изображения. Отсутствие метаданных может дополнительно свидетельствовать о манипуляциях с изображением, поскольку модификация изображения в фоторедакторах меняет или уничтожает EXIF-данные фотографии, а в сгенерированных нейросетями или скачанных из интернета изображений EXIF-данные изначально отсутствуют; впрочем, метаданные фото могут быть отредактированы или удалены²⁴ автором (без изменений самого изображения) и из соображений конфиденциальности; да и сами СМИ, некоторые соцсети автоматически удаляют метаданные при загрузке фото пользователями ради безопасности. Для обнаружения признаков постобработки изображений используются фильтры/режимы просмотра изображений; анализ пикселей помогает обнаружить признаки манипуляций с изображением в фото-редакторах; ELA-анализ уровня ошибок JPG-изображений показывает различия в уровнях компрессии участков изображения (если различия существенны, это свидетельствует о редактировании изображения (в т.ч. фальсификации); но ELA-метод неэффективен, если фотоизображение многократно скачивалось и сохранялось на носителе, т.к. уровни компрессии участков изображения при этом нивелируются, не позволяя обнаружить признаки редактирования. Применяются и методы анализа пиксельного шума: оригинальные фотографии имеют высокий уровень и однородность шума, а отредактированные в фоторедакторе элементы почти не имеют шума; специальные настройки камеры тоже понижают уровень естественного шума на фото. Применяются и методы машинного зрения для анализа цифровых характеристик изображения, например, анализ глубины пикселей изображения (как это делает нейросетевая модель DepthFake итальянских исследователей), периферийной области и формы лица изображения. Для экспертизы фото-фейков специалисты используют популярные сервисы анализа изображений; FotoForensics²⁵, JPEGsnoop, Serelay, Truepic, Forensically анализируют яркость, шум, контраст, выявляют клонирование элементов, ELA-фильтр; 29a.ch/photo-forensics поддерживает поиск признаков редактирования и клонирования изображения; сервис Ghiro – поиск признаков монтажа; линейка продуктов класса Digital Fake Prevention (от Oz Forensics) для определения подлинности цифровых документов и фотографий и т. д. Для дополнительной проверки достоверности фотоизображения может быть

²⁴ EXIF-данные файла можно редактировать и удалять на устройстве, которым сделан снимок, с помощью программ и сервисов (ExifTool, Ghiro, gpsphoto.ru, products.groupdocs.app/metadata); в свойствах файла в проводнике Windows и т. д.

²⁵ В частности, платформа FotoForensics (не позволяющая загружать фотографии из России без VPN) поддерживает не-сколько методов анализа изображений: функция Metadata показывает EXIF-данные изображения; фильтр ELA отмечает белым цветом отредактированные фрагменты (например, вставки, изменения яркости или контраста) – но если откорректированное фото много раз пересохранялось, или изображение является продуктом генеративной сети, то резкие контрасты отсутствуют, зато на ELA-фильтре виден шум в виде красных и синих полос; функция Hidden Pixels показывает белым или черным цветом скрытые пиксели исходного изображения, если был наложен другой слой поверх оригинальных элементов фото (фотошоп окрашивают скрытые пиксели в белый цвет, Gimp и PicMonkey – в черный) и т.д.

выполнен обратный поиск оригиналов изображения (если они когда-либо загружались в интернет) браузерами или сервисами типа tinEye.com/search, images.google.com и т. п. Многие сервисы платные и не доступны из России.

Для проверки фейковости видео применяется какадровый анализ: размытость на отдельных кадрах указывает на возможное редактирование кадров и т. п. Для автоматизации анализа видеорейков применяется машинное обучение; среди ИИ-инструментов анализа – Media Forensics от DARPA; сервис Spotdeepfakes.org поиска признаков дипфейков методами анализа пикселей, параметров сжатия и т. п.; инструмент Angora (от Gfycat, 2019); технология Video Authenticator (от Microsoft, 2020 год). Есть ряд сервисов для распознавания голосовых дипфейков (aivoicedetector.com и др.). В США с 2016 года реализуется проект MediFor (Media Forensics) (DARPA) для оценки достоверности новостного контента, включая фото и видео, разными способами (путем анализа цифровых «следов», метаданных и параметров сжатия изображения, анализа «физических» характеристик изображения (адекватность освещения и теней) и сравнения их с изображенной реальностью (соответствует ли фактический ландшафт, время года, суток, погода – изображению, с учетом метаданных и т. п.). Adobe Research с Калифорнийским университетом в 2019 году разработали инструмент Photoshop Face Aware Liquify для определения фото- и видеомонтажа (и восстановления оригинального вида фото). В 2020 г. ученые из Германии предложили метод машинного обучения на основе частотного анализа с использованием дискретного преобразования Фурье для различения фотографий лиц и дипфейков. На гитхабе (<https://github.com/resemble-ai/Resemblyzer>) в 2020 году размещен открытый код Resemblyzer инструмента на основе машинного обучения для оценки фейковости видеороликов или голосовых записей и т. д. Microsoft в 2020 г. опубликовала инструмент Video Authenticator для обнаружения дипфейков на основе анализа пикселей на границах предполагаемого наложения дипфейка на реальное изображение. Корейское web-приложение для Android KaiCatch определяет аномальные искажения лиц (с заявленной точностью 90%). На основе датасета от Google и Jigsaw из нескольких алгоритмов для подмены лиц создана модель (и детектор дипфейков, созданных с помощью нейросети StyleGAN) Assembler, обнаруживающая специфичные манипуляции с изображением (например цветовые несоответствия и аномалии, фотомонтаж, клонированные объекты на фото); модель тестировали фактчекинговые СМИ (Agence France-Presse, Animal Politico, Rappler). Известны программа FakeBuster для выявления дипфейков во время трансляций в Zoom и Skype, сервис Deerware (scanner.deerware.ai) для обнаружения дипфейковых видео. Заметно стремление государств проектировать собственные платформы фейк-детекторы, в т.ч. мультимодальные. Например, в США в 2019–2024 гг. Агентство DARPA (США) инициировало в целях «противодействия атакам дезинформации» разработку программно-аппаратного комплекса Semantic Forensics (SemaFor, <https://semanticforensics.com/> от PAR Government Systems Corp.) для автоматизированного семантического анализа и поиска фейковых текстов, аудио, изображений, видео в реальном времени, с учетом атрибутов фейков (признаков злонамеренного умысла в содержании, манипулирования, характерных источников, способов/алгоритмов создания и управления дезинформацией). В России АНО

«Диалог регионов» в 2023 году запустил платформу мониторинга аудио-визуальных дипфейков «Зефир» с помощью «алгоритмической оценки и анализа с помощью искусственного интеллекта», эффективность которой, по заявлению разработчиков, порядка 80%; поставлена задача разработки единой российской платформы для выявления ИИ-фейков. Недостаток нейросетевой технологии распознавания фейков – их ограниченная эффективность (детекторы ИИ-контента, обученные искать контент конкретных ИИ-генераторов и определенные маркеры фейков, плохо справляются с другими типами фейков²⁶). Например, проверка способности платформы известной системы аутентификации лиц Facial Liveness Verification (FLV) отличить фейк от реального лица показала ее малоэффективность, причем система хуже людей распознавала очевидно нереальные видеофейки – и хуже всего детектировались подделки женских и цветных лиц (Li et al., 2022). Хотя нейросетевые модели способны во многих случаях определять подделку под реальное изображение, ИИ-инструменты имеют немалый процент ложных срабатываний, детектирование всегда немного отстает от инструментов изготовления фейков, по мере развития технологий.

4. Экспертные методы борьбы с фейками. Лишь технические методы борьбы с фейк-контентом недостаточны, чтобы общество могло противостоять дезинформации. Целесообразен комплексный подход, включающий не только программно-технические и законодательно-регуляторные меры противодействия фейкам, но и социально-психологические (в т.ч. формирование личных компетенций в распознавании фейков, рационального и критического подхода к потреблению информации в сетевых медиа.). Важно создание условий прозрачности и честности, когда работа журналистов и других создателей и ретрансляторов медиа-контента, согласуется с профессиональной этикой и нормами законов. Повышение общего уровня медиакомпетентности населения (опыт, «насмотренность», знание способов и инструментов проверки достоверности информации) помогают распознавать дезинформацию тем, кто производит контент и ретранслирует его. Знание базовых принципов и методов фактчекинга полезно не только журналистам, медиа-специалистам, исследователям, но и студентам и учащимся, активно потребляющим информацию из цифровых медиа и иных источников, формирующих на основе этой информации убеждения и мировоззрение. Среди методов фактчекинга – ручная и инструментальный поиск первоисточников, проверка авторов и цитируемых экспертов; OSINT-инструменты (whois.domaintools.com, liveuamap.com, tineye.com и др.), позволяющие узнать данные о цифровых ресурсах, размещающих контент. Полезны фактчекинговые сервисы разных стран (Mediakritika.by, Snopes.com, FactCheck.org, trooclick.com, lapsha.media, politi-fact.com, aiwiz.ru/ai_fact_checking и др.); инструменты обратного поиска (например, функций поиска по картинке браузеров). Есть программы и сервисы для проверки социальной информации об авторах и персонах (peoplefinders.com, rip1.com, Wink, Spokeo, Email Lookup и др.), сайты официальной информации об организациях, людях;

²⁶ Например, сервис hivemoderation.com/ai-generated-content-detection неплохо детектирует изображения, сгенерированные нейросетями, сервисы contentatscale.ai/ai-image-detector, huggingface.co/spaces/umm-maybe/AI-image-detector, huggingface.co/spaces/umm-maybe/AI-image-detector хуже различают реальные фото и сгенерированный контент.

доверенные источники и агрегаторы новостей, аналитической, научно-образовательной информации. При оценке источника значимы их локация, время/дата упоминания о проверяемом событии; активность, характеристики, репутация, занимаемая идейная позиция медиа-ресурса; квалификация и возможная мотивация источника / автора; правильность (и контекст употребления) цитат, данных, фамилий, должностей и т. п. Полезны такие навыки фактчекинга, как внимание к подаче и структуре сообщения, способность распознать тональность и признаки манипулятивности сообщения (фейк-новости зачастую апеллируют к эмоциям, имеют оттенок сенсационности, алогичности, ангажированности); умение проанализировать иллюстрации в сообщении (в фейк-сообщениях они обычно не имеют отношения к новости, не имеют автора или сгенерированы нейросетью). Для сгенерированных нейросетью изображений характерны некоторые признаки, позволяющие усомниться в их достоверности: неестественная регулярность объектов, многократное клонирование элементов (много пальцев, однотипность предметов, поз, лиц, ракурсов в одном изображении); чем больше объектов, тем ниже качество детализации; стилизованность (например, пасторальная или апокалиптическая картинность); неестественная гладкость или, наоборот, странные структуры поверхностей; чрезмерная яркость, четкость всех элементов изображения – или, наоборот расфокусированность деталей, которые должны быть в фокусе; неестественное освещение и положение теней, отражений (в зрачках нет отражения, или оно различается в разных глазах); постановочный характер сцен и поз (обусловленный тем, что зачастую обучающий набор GNN-моделей состоит из фотографий фотостоков и соцсетей, а на таких фото кадр специально выстраивается). При анализе видео на предмет его фейковости специалисты обычно обращают внимание на движения головы, губ, глаз, частоту моргания; расхождение темпа речи и движения губ может быть свидетельством фейковости, как и странное направление взгляда, регулярность/нерегулярность морганий, неестественные («механические») микродвижения тела при дыхании и т. д. Хотя создатели нейросетей постоянно дообучают модели, чтобы добиться большей реалистичности, цифровой опыт, насмотренность, избирательность к потреблению контента, критичность к содержанию информации и определенным видам источников, как общая установка, помогают обнаруживать фальсификацию, не вовлекаться в обман и манипуляцию, лучше ориентироваться в потоке сомнительной информации. Потребителям информации, вероятно, придется в будущем руководствоваться принципом «нулевого доверия» в отношении любой информации из цифровых медиа.

Чтобы побудить собственников медиа-ресурсов ответственно фильтровать размещаемый контент и пресекать распространение фальсифицированной информации, целесообразно формализовать признаки фейка, определить измеримые характеристики вредоносного фейк-контента в медиа-ресурсах, методики расчета показателей достоверности и фейковости. Содержательные признаки фейков поддаются контент-анализу; ссылки, цитаты, документы, фото и видео в сообщении можно проверить автоматически; упоминаемые люди и события могут быть распознаны и проверены по сведениям из доверенных СМИ и факт-чекинговых ресурсов, тематических и справочных хранилищ данных. Поведенческими признаками фейка могли бы служить: виральность контента (высокая частота его цитирований определенными сайтами, ботами, аккаунтами, ранее

замеченными за рекламной и пропагандистской деятельностью с использованием фейков); динамика посещаемости ресурса (резкие колебания посещаемости или активности посетителей, их IP-адреса, среднее время чтения, реакция на контент – дизлайки, жалобы); среднее число подписчиков и отписок в единицу времени (люди быстро обнаруживают, если ресурс злоупотребляет фейк-контентом, и перестают посещать его через несколько дней или недель чтения). Одним из измерителей фейковости может служить рейтинг доверия ресурсу со стороны авторизованных читателей, экспертов. Автоматизированные инструменты (в т. ч. средства фактчекинга) могли бы индексировать web-страницы по уровню достоверности/фейковости, подобно роботам-краулерам браузеров или аналитических SSM-инструментам. Может быть создан рейтинг-реестр в пределах национального сегмента интернета, отслеживающий интегральный уровень достоверности сетевых медиа-ресурсов. Большинство людей не приемлет дезинформации и манипуляций, и такого рода инструмент, как представляется, может быть востребован.

Выводы

Одних лишь технических решений для противодействия распространению фейкам недостаточно. Причины доверия к фейкам и стремления их распространять лежат в социально-психологической сфере. Что побуждает людей проводить время за поглощением и репостингом определенного (в т.ч. недостоверного) контента в медиaprостранстве, – тревога, скука, отсутствие близкодействующих социальных контактов и недостаток реального общения, глубоких интересов и реального дела, внушаемость, одиночество, бессмысленность жизни? Тревожность или неопределенность окружающей обстановки могут вызывать желание «сёрфить» интернет в поисках подтверждения или опровержения тревожащей информации; люди в состоянии тревожности (или наоборот, расслабленности) – более легкая жертва кибермошенников, использующих фейк-контент и приемы социальной инженерии. Ответы на вопросы о причинах доверчивости к фейк-контенту, склонности поглощать и транслировать в своем окружении информацию, не проверяя ее, умножая ложь, – лежат в социально-психологической сфере. Как и в случае с эпидемиями, противодействовать «заражению» и распространению фейк-контента мог бы когнитивный «иммунитет» к нему (индивидуальный и социальный). Индивидуальный «иммунитет» к фейкам образуют: стремление самореализоваться в реальном мире и в продуктивной деятельности, а не в виртуальной информационной среде; развитый уровень критичности, сознательности, избирательности при потреблении информации; определенный жизненный опыт или сложившиеся убеждения; знание признаков фейков; повышенный порог внушаемости; общая медиаграмотность и цифровая грамотность; знание основных приемов социальной инженерии, умение прерывать манипуляцию. Чем меньше ретрансляторов фейк-контента в коммуникационных средах, тем меньше негативные социальные последствия фейков. Сознательный настрой большинства коммуникаторов: не выступать в роли ретранслятора недостоверной информации, – способен снизить количество фейк-контента и его разрушительные социальные эффекты. Помочь усилению индивидуального «иммунитета» к фальсификации и повышению осознанности могут гуманитарные

технологии²⁷. В исследование механизмов фальсификации (в т.ч. методологии противодействия фальсификации) должны активнее вовлекаться не только информационные и технические, но и когнитивные науки.

Фейки и методы социальной инженерии, подменяющие собой правдивые новости и честную коммуникацию, подрывают доверие к социальным институтам, медиаканалам, к социальному взаимодействию, способны разрушать согласие, разделяя и атомизируя общество. Важен комплексный подход к противодействию фейк-контенту в цифровом пространстве. Толерантности к фейкам как медиа-явлению способствует в обществе «релятивистская» идеология (результатом которой стала идеология пост-правды, – в своем крайнем проявлении ценностно уравнивающая истину и ее подмену, фактоид). «Релятивизму» в трактовке событий в работе журналистов, исследователей должен противостоять принцип истины, как установка предельно честного отражения фактов и событий, важная и профессиональной журналистики, и для цифровых масс-медиа, если они хотят оставаться средством человеческой коммуникации, заслуживающими внимания, доверия и влияния.

Библиографический список к главе 14

1. CHugrov S.V. (2017). Post-truth: transformaciya politicheskoj real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? Polis. Politicheskie issledovaniya, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>. EDN YJEEWL
2. Ipsos: Survey on the impact of online disinformation and hate speech. Ipsos, 9 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2023/11/unesco_ipsos_survey.pdf
3. Fitch A. (2019) Readers Beware: AI Has Learned to Create Fake News Stories [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.wsj.com/articles/readers-beware-ai-has-learned-to-create-fake-news-stories-11571018640>.
4. Goyal S., Kohli P. (2023). Identifying AI-generated images with SynthID [Electronic resource]. – Access mode: <https://deepmind.google/discover/blog/identifying-ai-generated-images-with-synthid>
5. Habermas J. (2022). Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Suhrkamp Verlag, Berlin.
6. Jung T., Kim S., Kim K. (2020). DeepVision: Deepfakes Detection Using Human Eye Blinking Pattern. IEEE Access. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2988660>
7. Kirchner J.H., Ahmad L., Aaronson S., Leike J. (2023). New AI classifier for indicating AI-written text [Electronic resource]. – Access mode: <https://openai.com/index/new-ai-classifier-for-indicating-ai-written-text>
8. Li C., Wang L., Ji S, Zhang X., Xi Z., Guo S., Wang T. (2022). Seeing is Living? Re-thinking the Security of Facial Liveness Verification in the Deepfake Era. arXiv:2202.10673v1. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2202.10673>
9. Lukeš D., Laurent X., Pritchard J., Sharpe R., Walker C. (2023) Beyond ChatGPT: The state of generative AI in academic practice for autumn 2023. University of Oxford, 3–7 [Electronic resource]. – Access mode: https://wwwctl.ox.ac.uk/sites/default/files/ctl/documents/media/beyond_chatgpt_state_of_ai_for_autumn_2023_correct.pdf
10. Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C.D., Ho D.E. (2024). Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2405.20362>

²⁷ Например, методы игрификации (Roosenbeek, Linden, 2019, 65), позволяющие пользователю примерять на себя роли создателя фейка и фактчекера, чтобы попытаться «изнутри» процессы дезинформации и способы уклонения от нее.

11. Marra F., Gragnaniello D., Verdoliva L. (2018). Detection of GAN-Generated Fake Images over Social Networks. 2018 IEEE Conference on Multimedia Information Processing and Retrieval (MIPR). <https://doi.org/10.1109/MIPR.2018.00084>
12. Newman N. (2024). Overview and key findings of the 2024 Digital News Report. Reuters Institute for the Study of Journalism [Electronic resource]. – Access mode: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024/dnr-executive-summary>
13. Pluckrose H., Lindsay J.A., Boghossian P. (2018). Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship [Electronic resource]. – Access mode: <https://web.archive.org/web/20181013153454/https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship>
14. Roozenbeek J., Linden S. (2019). Fake news game confers psychological resistance against online misinformation. *Palgrave Communications*, (5). <https://doi.org/10.1057/s41599-0190279-9>
15. Taylor R., Kardas M., Cucurull G., Scialom T., Hartshorn A., Saravia E., Poulton, A., Kerkez V., Stojnic R. (2022). Galactica: A Large Language Model for Science [Electronic resource]. – Access mode: <https://arxiv.org/abs/2211.09085>; <https://doi.org/10.48550/arXiv.2211.09085>
16. Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018). The Spread of True and False News Online. *Science*, (359), 1146–1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
17. Weber-Wulff D., Anohina-Naumeca A., Bjelobaba S., Foltýnek T., Guerrero-Dib J., Popoola O., Šigut P., Waddington L. (2023). Testing of Detection Tools for AI-Generated Text. *International Journal for Educational Integrity*, (19). <https://doi.org/10.1007/s40979-023-00146-z>. EDN VCYINN
18. Wei J., Tay Y., Bommasani R., Raffel C., Zoph B., Borgeaud S., Yogatama D., Bosma M., Zhou D., Metzler D., Chi E.H., Hashimoto T., Vinyals O., Liang P., Dean J., Fedus W. (2022). Emergent Abilities of Large Language Models. Published in *Transactions on Machine Learning Research*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2206.07682>
19. Фейк-нюс – и как с ними бороться? // Сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 22.11.2023).
20. Грачев М.Н. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) / М.Н. Грачев, П.В. Евстифеев // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2020. – №13 (2). – С. 229–248. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-12>. – EDN SKTGBY
21. Ершов Ю.М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик / Ю.М. Ершов // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2018. – №52. – С. 245–256. <https://doi.org/10.17223/19986645/52/15>. – EDN XPICLR
22. Кириллова Н.Б. Цифровая культура как новая социально-антропологическая реальность и проблемы идентичности / Н.Б. Кириллова // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. – 2023. – №7. – С. 13–18. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2023.07.04>. – EDN MEOULJ
23. Тумбинская М.В. Идентификация фейк-новостей с помощью веб-ресурса на основе нейронных сетей / М.В. Тумбинская, Р.А. Галиев // *Программные продукты и системы*. – 2023. – №4. – С. 590–599. <https://doi.org/10.15827/0236-235X.144.590-599>. – EDN AEJSLD
24. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72838946> (дата обращения: 17.10.2024)
25. Ушкин С.Г. Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлении населения / С.Г. Ушкин // *Галактика медиа. Журнал медиа исследований. Исследовательский электронный журнал*. – 2024. – №6 (2). – С. 162–176. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2>
26. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С.В. Чугров // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – №2. – С. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>. – EDN YJEEWL

Научное издание

**ЭКОНОМИКА И ПРАВО:
ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИЯ, МОНИТОРИНГ**

Монография

Коллектив авторов

Главный редактор *Э. В. Фолин*
Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*
Дизайн обложки *М. С. Фёдорова*

Подписано в печать 26.12.2024 г.

Дата выхода издания в свет 28.12.2024 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 11,3925. Заказ К-1382. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru